

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2023. Т. 84. № 1

М. М. Пришвин о творчестве и искусстве слова

Спрашивать писателя о тайнах его творчества, мне кажется, все равно что требовать от козла молока. Дело козла – полюбить козу, дело козы – давать молоко. Так и о творчестве надо спрашивать жизнь, нужно самому жить и не спрашивать художника, влюбленного в жизнь: «Каким способом мне тоже влюбиться?» («Журавлиная родина»).

Есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по себе... Труднее всех художников, конечно, художнику слова потому, что трудность выражения чувства мысли здесь легко подменяется и умерщвляется логикой («Глаза земли. Моя рабочая гипотеза»).

Мой прием состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю обстановку олицетворить, чтобы каждая вещь показалась своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и елка, и сосна стали бы живыми («Глаза земли. Корабельная чаша»).

Мой враг в творчестве – это прежде всего мое собственное желание повторять себя самого без всяких новых усилий и на этом повторении строить свое благополучие (Дневники. 1936–1937).

Что остается надолго, то рождается от цельной личности в муках и радостях, совершенно так же, как в природе рождается жизнь. Добраться бы в себе до этого синтеза рождения личности, как ученые добиваются до синтеза белка, – вот соблазнительный и опасный путь творчества («Незабудки»).

Художник должен чувствовать вечность и в то же время быть современным («Незабудки»).

Без чувства современности художник останется непризнанным («Незабудки»).

Сочинителю лучше быть талантливым дураком, чем разумнейшей и человечнейшей бездарностью (Дневники. 1928–1929).

Достоевский и Гоголь – писатели с воображением, Пушкин, Толстой, Тургенев исходили от природы. Я пишу исключительно о своем опыте, у меня нет никакого воображения (Дневники. 1928–1929).

Причесывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую («Незабудки»).

В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным путем («Незабудки»).

Самое трудное в деле искусства слова – это сделаться судьей самого себя («Незабудки»).

(К статьям И. С. Урюпина и Е. А. Фроловой)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 84

1

2023

Главный редактор

Наталья Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Переводчик

Анна Николаевна Овешкова, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Редактор перевода

Наталья Геннадьевна Попова, канд. социол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошович, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев (монах Нафанаил), Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гости́ева, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Наталья Львовна Мишатина, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Наталья Викторовна Патронева, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, адъюнкт, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования, индексируется в 24 российских и международных базах данных, в том числе RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Учредитель и издатель: ООО «Наш язык».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС7780108 от 31 декабря 2020 г.

ISSN 2619–0966 (Online)

Корректор – Т. Ю. Смирнова. Компьютерная верстка – К. В. Морозов.

Тираж 300 экз. Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 8. Бумага офсетная. Заказ

Дата выхода номера в свет 15.01.2023. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя: Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru

Отпечатано в типографии АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия.

Оформить подписку на журнал можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс ПЗ896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информсистема», ООО «ИВИС».

Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: <https://www.riash.ru>

© ООО «Наш язык», 2023

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 84

1

2023

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Responsible Secretary

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Company "Our Language", Moscow, Russia

Translator

Anna N. Oveshkova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Translation Editor

Natalia G. Popova, Cand. of Sci. (Sociol.), Head of Foreign Languages Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Ildikó Pálóshi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshovich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev (Monk Nathanael), Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Svyato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Natalia L. Mishatina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences); 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (Philological sciences) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 24 Russian and international databases, including RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Founder and publisher: Limited Liability Company "Our Language". ("Nash Yazyk" LLC)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number PI No. FS 77-80108 of 31.12.2020 ISSN 2619–0966 (Online)

Corrector – T. Yu. Smirnova. Computer layout – K. V. Morozov.

Edition 300 ex. Format 70x100¹/₁₆ Printed sheet 8. Offset paper. Order Release date of the issue 15.01.2023. Free price.

The address of the editorial office and publisher: 17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: +7 (495) 671-09-85; website: <https://www.riash.ru/>; email: admin@riash.ru
Printed in the printing house of JSC "First Model Printing House", branch of "Chekhov Printing House", 1 Polygraphistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia.

A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at: <https://www.riash.ru/>

© LLC "Our Language", 2023

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Острикова Т. А., Чучва Л. М.</i> Типы и виды этимологических упражнений по русскому языку	7
--	---

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Сульниченко В. Н.</i> Алгоритмическая технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений. Часть II. Совершенствование речевой культуры школьников при изучении лексико-семантических и грамматических норм употребления местоимений	17
--	----

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Антонова Л. Г., Гапонова Ж. К., Тишко А. Б.</i> «Соединяя отжившие, живущие и будущие поколения»: о перспективных идеях методического наследия К. Д. Ушинского (к 200-летию со дня рождения)	25
---	----

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Урюпин И. С.</i> Семантическая оппозиция «чан»/«чаша» в творчестве М. М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения)	35
<i>Фролова Е. А.</i> Таинство творческого начала в человеке и в природе: лингвистический анализ «неудавшегося романа» М. М. Пришвина «Журавлиная родина» (к 150-летию со дня рождения)	43
<i>Грязнова А. Т.</i> Языковые маркеры топосных текстов в стихотворении А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» (к 220-летию со дня рождения)	51

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Девятова Н. М.</i> Несогласованные определения в предложении и тексте	60
--	----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

<i>Ян Кэ, Чэнь Цюнь.</i> Слово <i>крапива</i> как культурно-маркированная языковая единица	67
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Генералова Е. В.</i> Словарное наследие профессора Б. А. Ларина и современная лексикография (к 130-летию со дня рождения)	75
<i>Никитин О. В.</i> Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв.	85

ХРОНИКА

<i>Демидова Н. И., Богданова Е. С.</i> Междисциплинарный круглый стол «Методическая лингвоконцептология: взгляд с разных горизонтов»	100
<i>Никитин О. В.</i> Международная научная конференция «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации»	102
<i>Александр Тимофеевич Хроленко</i> (к 85-летию со дня рождения)	104

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Ostrikova T. A., Chuchva L. M.</i> Types and kinds of etymological exercises in Russian vocabulary	7
---	---

METHODOLOGICAL MAIL

<i>Sulnichenko V. N.</i> Algorithmic technology of mastering the lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage. Part 2. Enhancing school students' speech culture while studying lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage	17
--	----

METHODOLOGICAL HERITAGE

<i>Antonova L. G., Gaponova Zh. K., Tishko A. B.</i> "Connecting the past, present and future generations": reflecting on the main promising ideas of K. D. Ushinsky's methodological legacy (to the 200th anniversary of the birth)	25
--	----

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Uryupin I. S.</i> Semantic opposition "vat"/"chalice" in M. M. Prishvin's works (to the 150th anniversary of the birth)	35
<i>Frolova E. A.</i> The mystery of creativity in man and in nature: a linguo-stylistic analysis of M. M. Prishvin's "failed novel" "Crane Homeland" (to the 150th anniversary of the birth)	43
<i>Gryaznova A. T.</i> Language markers of topos texts in A. I. Odоеvsky's poem "Where are you dashing..." (to the 220th anniversary of the birth)	51

LINGUISTIC NOTES

<i>Devyatova N. M.</i> Non-agreeing attributes in a sentence and a text	60
---	----

LANGUAGE AND CULTURE

<i>Yang Ke, Chen Qun.</i> The word <i>nettle</i> as a culturally marked linguistic unit	67
---	----

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Generalova E. V.</i> The lexicographic legacy of Professor B. A. Larin and modern lexicography (to the 130th anniversary of the birth)	75
<i>Nikitin O. V.</i> B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of 16th-17th-century Muscovite Rus' epoch	85

CHRONICLE

<i>Demidova N. I., Bogdanova E. S.</i> The interdisciplinary round-table discussion "Methodological linguoconceptology: exploring different perspectives"	100
<i>Nikitin O. V.</i> The international scientific conference "Categories of Language and Thought: Aspects of Modern Interpretation"	102
Alexander Timofeevich Khrolenko (to the 85th anniversary of the birth)	104

МЕТОДИКА И ОПЫТ METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-7-16>

Типы и виды этимологических упражнений по русскому языку

Татьяна Александровна Острикова¹, Лариса Михайловна Чучва²

^{1,2}Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия,

¹t.a.ostrikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9560-9385>

²mymixam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6723-3878>

Аннотация. В данной статье учебно-школьный этимологический разбор рассмотрен как тип упражнений по русскому языку. Поставлена и решена задача разработать типологию (классификацию) этимологических упражнений, соответствующую основным предметным компетенциям. По признаку «Наличие/отсутствие справочных опор» этимологические упражнения рассмотрены как выполняемые по справочным опорам и без справочных опор – по памяти и интуиции. Известные и новые этимологические упражнения разделены на три типа – речевые, языковые, комплексные. Речевые (текстовые) подразделены на два вида: восприятие и воспроизведение готовых этимологических сообщений; подготовка новых этимологических сообщений по одной и нескольким справочным опорам. Языковые включают классические и игровые словарные упражнения с частичным этимологическим разбором. Комплексные упражнения трактуются как полный структурный разбор (морфемный, словообразовательный) с этимологическим продолжением. Сущность этимологических упражнений раскрывается через типичный дидактический материал, задания и примерные образцы работ. Классификационно-сущностное описание этимологических упражнений создает предпосылки для непрерывного и систематического их применения в процессе обучения русскому языку во всех классах общеобразовательной школы.

Ключевые слова: русский язык, однокоренные слова, родственные слова, этимологический разбор, этимологическое упражнение, классификация

Для цитирования: Острикова Т. А., Чучва Л. М. Типы и виды этимологических упражнений по русскому языку // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 7–16. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-7-16>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Types and kinds of etymological exercises in Russian vocabulary

Tatiana A. Ostrikova¹, Larisa M. Chuchva²

^{1,2}Katanov Khakass State University, Abakan, Russia, Khakassian State University named after N. F. Katanov

¹t.a.ostrikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9560-9385>

²mymixam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6723-3878>

Abstract. This paper considers educational and school etymological analysis (etymological parsing) as a type of Russian language exercises. The objective that was set and achieved involved developing a typology (a classification) of etymological exercises corresponding to the main subject competences. Based on the 'presence/absence of reference supports' criterion, we classify etymological exercises into those performed a) with and b) without reference supports, i. e. from memory and intuition. Known and new etymological exercises are divided into three types, namely speech, language, and complex. Speech (textual) tasks split into two types: perception and reproduction of

ready-made etymological messages and preparation of new etymological messages using one or several reference supports. Language exercises include classical and game-based vocabulary exercises with partial etymological analysis. Complex exercises are treated as a complete structural analysis (morphemic, derivational) with an etymological follow-up. The essence of the etymological tasks is revealed through typical didactic material, assignments, and sample works. The taxonomic and entity description of etymological exercises creates prerequisites for their continuous and systematic use in teaching Russian in all comprehensive school forms.

Keywords: Russian language, same-root words, lexical cognates, etymological analysis, etymological task, exercise, classification

For citation: Ostriкова Т. А., Чучва Л. М. Types and kinds of etymological exercises in Russian vocabulary. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):7–16. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-7-16>.

Введение. Этимологический анализ слова занимается его «прошлым» и объясняет, когда слово возникло и каким способом когда-то было образовано (см. подробнее: [Шанский 1956] и др. лингвистические источники¹). Учебно-школьный этимологический разбор как тип структурного анализа слов отсутствует в современных программах и учебниках по русскому языку; в них имеется лишь морфемный и словообразовательный разбор. При этом этимологический разбор сохраняет значимость как упражнение по русскому языку, а также как вид проектных работ в рамках базовой и расширенной (углубленной) предметной подготовки школьников (см. подробнее: [Львова 2013]).

В учебниках по русскому языку и иных изданиях для общеобразовательной школы представлены разные виды этимологических упражнений, необходимых для достижения предметных результатов как комплекса лексических, морфемных, словообразовательных, орфографических и иных языковых умений, а также для формирования метапредметных навыков поиска и воспроизведения информации в полном и переработанном виде. Самыми частотными являются словарно-этимологические упражнения с объяснением безударных гласных в корне, реже в суффиксах

и приставках. Педагоги-русисты высоко оценивают орфографический потенциал таких заданий и упражнений².

В лингвометодических трудах описаны отдельные виды этимологических упражнений не только для уроков, но и спецкурсов (напр.: [Позднякова и др. 2019]). В ряде изданий предлагаются расширенные подборки сгруппированных этимологических упражнений. В частности, И. В. Пронина представила интересные семантико-орфографические задания. При их применении учитель «должен остановиться, когда практическая цель анализа достигнута: объяснено значение и правописание слова» [Пронина 1964: 7]. С. И. Львова предложила десятки этимологических упражнений по составленным ею словарикам «Исконно русские слова», «Иноязычные слова», «Значение латинских и греческих словообразовательных элементов»³. В научно-практических исследованиях освещены основные вопросы использования этимологического разбора в обучении русскому языку, однако

¹ См., напр.: Потиха З. А. Современное русское словообразование: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1970. 383 с.; Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 45–51; Варбот Ж. Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам / отв. ред. О. Н. Трубачёв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 194–212; Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 479 с.

² См., напр.: Рут М. Э. Уроки этимологии // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 7–11. DOI: 10.26710/fk18-02-01; Кондратьева О. Н. Этимологический анализ на уроках русского языка как одно из средств повышения орфографической грамотности учащихся среднего звена // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 118–124. DOI: 10.26710/fk18-02-19; Никитина Е. И. Изучение слов с непроверяемыми написаниями в IV классе // Обучение орфографии в восьмилетней школе: сб. статей / ред.-сост. М. М. Разумовская. М.: Просвещение, 1974. С. 107–120; Ванюшечкин В. Т. Изучение иноязычных слов с помощью этимологического анализа // Русский язык в школе. 1969. № 4. С. 47–50.

³ Львова С. И. Орфография. Этимология на службе орфографии: пособие для учителя. М.: Русское слово, 2000. 108 с.

проблема классификации этимологических упражнений, их номинации и дефиниции специально не рассматривалась⁴.

Цель статьи — системно описать типы и виды этимологических упражнений, актуализируя их наименование и сущность.

Научная значимость исследования состоит в классификационном описании этимологических упражнений по комплексу признаков, прежде всего по языковой и речевой направленности, по соотношению типов структурного разбора слов (этимологического, морфемного, словообразовательного), по наличию/отсутствию справочных опор.

Результаты исследования. С сущностной точки зрения все этимологические упражнения являются средством формирования лингвистической (=языковедческой) компетенции, так как помогают — на примере истории конкретных слов — систематически пополнять знания учащихся о русском языке как развивающемся явлении, а также об ученых и созданных ими этимологических словарях. Исходя из этого, мы не фиксируем в этимологических упражнениях языковедческий тип. Учитывая основные предметные компетенции по русскому языку (языковую и речевую), выделим два соответствующих типа этимологических упражнений, а также комплексное упражнение — структурный разбор с этимологическим продолжением.

Этимологические упражнения с частичным и, реже, с полным этимологическим разбором слов органично входят в многоуровневую систему упражнений по русскому языку — в языковедческие (=лингвистические) упражнения; в аспектные

и многоаспектные языковые упражнения по всем разделам и темам науки о языке; в лексико-семантические и лексико-орфографические словарные упражнения, направленные на непрерывное обогащение словарного запаса школьников, развитие их языкового чутья и лингвистического кругозора; в коммуникативно-речевые упражнения, обеспечивающие развитие навыков речевой деятельности всех типов на основе текстов на лингвистическую тему.

Этимологические упражнения по лексике обычно предполагают работу с этимологическим словарем (учебным/академическим, печатным/электронным)⁵, с минимизированными рукописными и печатными словариками — тематическими и поклассными. В рамках проектной учебной деятельности используются специальные пособия⁶ и статьи, например из журнала «Русский язык в школе». Указанные и иные источники специальной информации мы рассматриваем как **справочные опоры** для этимологических упражнений, имеющие разное место, время и цель применения. Частотные этимологические упражнения по опорам важно дополнить упражнениями **без справочных опор**, что актуально для развития языкового чутья учащихся и диагностики предметных результатов. Эту новую группу подразделим на упражнения **по памяти** (по уже изученным словам) и упражнения **по интуиции** (рефлексивные) — по новым

⁴ См., напр.: *Зубарева Н. Н.* Компьютерная поддержка при изучении непроверяемых безударных гласных с применением этимологического анализа слов: 6 класс: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2008. 232 с.; *Левушкина О. Н.* Этимологический анализ на уроках в начальных классах как средство обогащения словарного запаса учащихся: дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2000. 220 с.; *Кузнецова О. Г.* Изучение исторических написаний в практическом курсе русского языка в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2000. 255 с.; *Подшибякина Н. А.* Этимологический анализ как средство повышения интереса учащихся IV–VI классов к урокам русского языка: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1985. 209 с.

⁵ См., напр.: *Тихонов А. Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. М.: Просвещение, 2021. 576 с.; *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: ГИС, 1959; Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; ред. С. Г. Бархударов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.; *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004. 398 с.; Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. URL: lexicography.online/etymology (дата обращения: 03.01.2022).

⁶ *Шанский Н. М.* Лингвистические детективы. 4-е изд., стер. М.: Дрофа, 2007. 524 с.; *Ковалевская Е. Г.* История слов: книга для уч-ся. М.-Л.: Просвещение, 1968. 144 с.

словам, анализируемым без справочных опор. Интуитивно-рефлексивные упражнения дают детям возможность обнаружить, а затем и проверить свои размышления и предположения по этимологии конкретного слова.

Учитывая общедидактические и лингвометодические основания группировки упражнений, их ключевые признаки и новый признак «Наличие/отсутствие справочных опор», представим классификационно-сущностное описание основных видов этимологических упражнений трех типов.

1. Речевые (текстовые) этимологические упражнения

Упражнения указанного типа необходимы для развития навыков речевой деятельности и изучения лексики как исторически развивающегося языкового явления. Они имеют целью восприятие, осознание, запоминание, воспроизведение учебно-научной информации по истории, семантике и структуре слова. Такие упражнения познавательного характера подразделим на два вида: 1) выполняемые по готовому этимологическому сообщению — связанному тексту о значении и истории конкретного слова; 2) выполняемые по одной и нескольким справочным опорам с целью самостоятельного составления **этимологического текстового сообщения**.

Такое сообщение обычно представляет собою учебно-научный вторичный текст на лингвистическую тему, кратко передающий содержание относительно полного этимологического разбора конкретного слова. В отличие от научно-лингвистического этимологического анализа, школьный этимологический разбор не может быть «доскональным, исчерпывающим» [Пронина 1964: 7]. Его образец принято заменять методически адаптированными образцами словарных статей этимологического словаря. Приведем их примерную схему из § «Этимология слов» учебника под ред. Н. М. Шанского, издававшегося в 2000-е гг.: «— исконно русское слово или заимствованное; если слово заимствованное, то указывается язык-источник;

— от какого слова или словосочетания и с помощью какого способа словопроизводства оно было образовано;

— какие родственные слова существуют у этого слова в настоящее время;

— какие звуковые и семантические (смысловые) изменения в слове произошли;

— родственные слова и сопоставительный материал из других языков»⁷.

1.1. Восприятие и воспроизведение готовых этимологических сообщений. Репродуктивные познавательные упражнения по готовым этимологическим сообщениям, данным в учебнике или на раздаточных карточках, экране, планшете. Дети не проводят этимологическое исследование, а изучают готовую этимологию слова (этимологическую справку) как «гипотезу» о его происхождении, «конкретный результат этимологического анализа». Этот тезис Ю. Откупщикова дан в учебнике А. Д. Дейкиной и соавторов, где этимологические сообщения предлагаются в серии упражнений «Изучаем этимологию слов», например: «Слова *окрестность*, *окрестный* происходят от слова *крест*, *окрест*, то есть четыре стороны. Таким образом, *окрестность* — это местность, расположенная вокруг центра; окружающее пространство»⁸.

Слуховое и зрительное (аудиальное и визуальное) восприятие информации достигается путем слушания (аудирования) и самостоятельного чтения текста о слове и его «родственниках». Для осознания и запоминания новых сведений требуется устно воспроизвести их (пересказать), а суть нового знания визуально зафиксировать на доске и в тетради/словарике. Вывод записывается вариантно: как пара слов с нужными обозначениями (напр.: *ветчина* — *ветхий*) или как утвердительная фраза, напр.: *Ветчина* (ист. от *ветхий* + *-ин-*; букв.: 'старое мясо, припасенное впрок')⁹. После краткой записи информа-

⁷ См., напр.: Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская и др.; науч. ред. Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 2009. С. 60–61.

⁸ Русский язык. 6 класс: учеб.: в 2 ч. Ч. 1 / А. Д. Дейкина, Т. П. Малявина, О. Н. Левушкина и др.; ред. Р. Х. Садыкова. М.: БИНОМ. Лаб. знаний, 2021. С. 106.

⁹ Русский язык. 5 класс: учеб.: в 2 ч. Ч. 1 / М. М. Разумовская, С. И. Львова и др. 10-е изд. М.: Просвещение, 2021. С. 50.

ции ее необходимо повторно воспроизвести, заменяя вывод двумя-тремя полными предложениями. Двойной пересказ новых сведений обеспечивает лучшее их запоминание. Типичное задание: «Прослушайте/прочитайте сообщение по истории слова, лаконично запишите информацию и перескажите ее».

1.2. Подготовка текстового этимологического сообщения. Письменные продуктивные познавательные упражнения, имеющие целью создать свое сообщение по этимологическому словарю/словарям и другим справочным опорам.

1.2.1. Этимологическое сообщение по одной справочной опоре. Приведем примеры типичных упражнений из учебников: «Объясните, что изучает этимология. Расскажите об этимологии слов *ломоть*, *мешок*, *желудок*, используя информацию рубрики “Возьмите на заметку!”»¹⁰; «Пользуясь этимологическим словарем, подготовьте устное выступление на одну из тем: “История слова *работа*”, “История слова *привередливый*”, “История слова *обворозжить*”»¹¹; «Каково лексическое значение слов *туземец* и *автохтон*? Как они образованы? Подготовьте устное сообщение об этих словах, пользуясь этимологическим словарем»¹².

В учебнике А. Д. Дейкиной и соавторов такой вид упражнений называется «Проектное задание». В частности, предлагается написать «небольшое исследование на тему “Расскажи мне о слове” или “Слово, расскажи о себе!”»¹³.

В качестве речевой опоры можно использовать некоторые вузовские планы и образцы этимологического анализа¹⁴. Адаптируя и комбинируя их, пред-

ставим текстовый образец этимологического сообщения. Выделенный курсивом фактологический материал может быть пропущен в трафарете, так как заменяется аналогичной информацией о другом слове.

Этимология слова *порошок*. Прямое лексическое значение слова *порошок* — ‘*мелко истолченные частицы твердого вещества*’. Современные однокоренные слова *порошочек*, *порошкообразный*. В современном корне чередование *к//ч*, *о//о* (*порошка*; *беглый гласный*). С исторической точки зрения слово *порошѣкъ* собственно русское. Было образовано от слова *порох* с помощью суффикса *-ѣкъ*. Этимологическое членение *порош/ѣкъ*. В историческом корне чередование *х//ш*.

1.2.2. Этимологическое сообщение по нескольким справочным опорам. Письменное аналитико-синтетическое упражнение или иной вид работы (*тематический конспект, проект, реферат, доклад, презентация*), имеющие целью создание вторичного текста на лингвистическую тему. Типичное задание: «Пользуясь несколькими этимологическими словарями и дополнительными источниками, подготовьте сообщение (проект) по истории слова/слов, напр.: *запечатлеть, спасибо, причастие, терпеливый, ровесник*».

2. ЯЗЫКОВЫЕ (СЛОВАРНЫЕ) ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Этот тип упражнений включает аспектные и полиаспектные словарные упражнения с частичным этимологическим разбором. Типичные задания: «Укажите в словах разных частей речи исторически первичные морфемы — корень, аффикс»; «Дайте ряд однокоренных слов и исторически родственное, включая проверочное для “непроверяемых” корневых гласных».

2.1. Упражнения с однокоренными словами и их историческими родственниками. Вид словарных упражнений, выполняемых на материале рядов (перечней, цепочек) однокоренных слов с общим современным корнем и этимологическим.

2.1.1. Подбор однокоренных и родственных слов. Разграничивать *однокоренные*

Н. А. Николина, Е. А. Фролова, М. М. Литвинова. М.: Академия, 2005. С. 47–56; *Харченко В. К.* Виды лингвистического разбора в пояснениях и образцах. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 30–33.

¹⁰ Там же.

¹¹ Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская и др. М.: Просвещение, 2021. С. 112.

¹² Русский язык: 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова и др. М.: Просвещение, 2021. С. 36.

¹³ Русский язык. 6 класс: учеб.: в 2 ч. Ч. 1 / А. Д. Дейкина, Т. П. Малявина, О. Н. Левушкина и др. М.: БИНОМ. Лаб. знаний, 2021. С. 109.

¹⁴ См., напр.: Словообразование современного русского языка: учеб. пособие для студ. /

и *родственные* слова рекомендовал М. Т. Баранов и др. методисты-классики, хотя в отдельных учебниках эти термины рассматриваются как синонимы. Действительно, родственные слова тоже однокоренные. Например, однокоренные слова с корнем *впечатл-* (*впечатлить*, *впечатлительный*, *впечатление*) и однокоренные слова с корнем *печат'/печат-* (*печатать*, *печать*, *отпечатать*, *перепечатка*, *печатный*, *печатник*) имеют родственные связи. Современный корень *печат-* в словах 2-го ряда является также этимологическим корнем в словах 1-го ряда. Соответственно, любые слова из этих и подобных рядов являются родственными, хотя в современном русском языке они не однокоренные. Родственные слова нагляднее сравнивать парами, а не цепочками, напр.: *впечатлять* – *печатать*, *впечатление* – *печать*.

Упражнения на подбор рядов однокоренных слов с общим корнем-родственным помогают осознавать и запоминать их значение и написание. Так, исторически единый иноязычный корень *terr-* (из *terra* 'земля') имеют многие заимствованные и русские слова с иноязычными элементами. Ср. ряды однокоренных слов: *территория*, *территориальный*; *терраса*, *терраска*; *террикон*, *терриконовый*; *террариум*, *террариумный*.

2.1.2. Занимательные словарно-этимологические упражнения (языковые игры). Помогают создавать проблемную ситуацию, активизируют интерес к работе с этимологическими словарями и т. д. Приведем для примера поэтическую загадку о родственных словах *аудит*, *аудиенция*, *аудитория*, «Ауди», не являющихся сегодня однокоренными:

В 'контроле' и в 'классе', в 'приеме посла',
Как в 'марке' машины основа была!¹⁵

2.2. Словарно-этимологическое комментирование. Словарные упражнения с частичным этимологическим разбором, «этимологическими экскурсами» [Пронина 1964: 22], *этимологической рефлексией*

(термин Г. О. Винокура). Элементы этимологического разбора вводятся по специальному заданию или попутно. В отличие от квалифицированного научно-исследовательского комментирования (напр.: [Барандеев 2019: 94]), учебный словарно-этимологический комментарий имеет аспектный и полиаспектный характер, причем не обязательно орфографический. Он бывает и собственно языковой – акцентологический, фонетико-графический, семантический, морфемный, словообразовательный, морфологический, стилистический.

2.2.1. Выборочный структурный разбор сопоставляемых слов – частичный морфемный и словообразовательный разбор с элементами этимологического, выполняемого по справочным опорам, реже без них. Типичное задание: «Один и тот же или разные суффиксы исторически выделяются в словах *денщик* и *помещик*? Докажите, используя данные этимологического словаря»¹⁶.

2.2.2. Словарно-семантический разбор с этимологическим комментарием. Широко используется в целях непрерывного обогащения словарного запаса школьников. К примеру, попутного словарно-этимологического комментария семантического характера требуют слова *духовность* и *воздух* в высказывании о песне, которая рассматривается как «абсолютно необходимое явление духовного бытия России, тот воздух (единый корень в словах «духовность» и «воздух» в определенном смысле закономерен), без которого оно, это бытие, невозможно, немыслимо (В. Кожинов)»¹⁷. Расширенную информацию о семантике родственных слов, входящих в разные ряды однокоренных слов (ср.: *воздух*, *воздушный*, *воздуховод*; *духовный*, *духовность*; *духота*, *душный*; *душа*, *душевный*, *душевность*), может сообщать не только учитель, но и ученик, «дежурный по словарям».

2.2.3. Словарно-орфографический разбор с элементами этимологического. Орфографическое упражнение, имеющее свои разновидности.

¹⁶ Львова С. И. Орфография. Этимология на службе орфографии. 2-е изд. М., 2001. С. 23.

¹⁷ Русский язык: 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина и др.; науч. ред. Н. М. Шанский. М., 2014. С. 213.

¹⁵ Шаповал В. В. Поэтимы (Поэтические загадки по этимологии) // Русский язык в школе и дома. 2019. № 2. С. 22. (100 аналогичных загадок см. в публикациях за 2018 и 2019 г.)

Опознавание однокоренных и родствен-ных слов с одной орфограммой. Цель таких упражнений — выборка (маркирование, обозначение, выписывание) однокоренных слов с современными и этимологическими корнями, имеющими «непроверяемые» орфограммы (см. *выборочный ответ, выборочное списывание, выборочный диктант*). Типичное задание: «Выразительно прочитайте текст. Найдите однокоренные и родственные слова. Проверочное слово поставьте в начальную форму»¹⁸.

...У слова цвет своего огня.
Свое пространство. Свой рубежи.
И когда я слышу:
— Обереги меня! —
Это значит:
— Берегами меня окружи!
У слова есть корни. И есть родня.
Оно не подкидыв под сирым кустом.
И когда я слышу:
— Защити меня! —
Это значит:
— Спрячь меня за щитом!

(С. Островой)

Этимологическая проверка орфограмм — орфографическое упражнение на отработку одного из способов (=приемов)¹⁹ проверки безударных гласных в корне (см. подробнее: [Острикова 2008: 155–158, 160–164]). Этимологическая проверка заключается в подборе родственного слова с ударной корневой гласной, например: *поразительный* (*поразить, поражать*) — от общеслав. *разити*, где корень *-раз-* в значении ‘резать, рубить’. Историческому корню предшествует неизменяемая приставка *по-* с безударной гласной *о* (*по/разить — раз*). Аналогично в словах с историческим корнем и суффиксом, напр.: *бог/атый, звезд/ика, корен/астый*.

*Примечание. Здесь и далее современный корень обозначается традиционно — дужкой, а имеющиеся в корне исторические морфемы разделяются косой чертой. Вместо нее можно, вслед за М. Т. Барановым, использовать вертикальную пунктирную черту. Рекомендуемые

некоторыми авторами подстрочные знаки нецелесообразны, так как мешают обозначению орфограмм и членов предложения.

Этимологическое обоснование орфограмм — письменное орфографическое упражнение объяснительно-предупредительного характера, например *списывание с обоснованием, диктант с обоснованием*. В слове дужкой обозначается современный корень, а в этом корне подчеркивается непроверяемая орфограмма/орфограммы. Над словом или справа от него записывается родственное проверочное слово, напр.: *кол/ьцо, кол/есо, б/колд* (устар. *коло* ‘круг’). Этимологическое обоснование орфограмм проводится по опорам, если исторические связи слова не вполне ясны (напр.: *квитанция, урожай, неделя*) или имеется ложная этимология (напр.: *зимородок*). Если родственные связи слов вполне осознаются (напр.: *преодолеть, состязаться, аквариум, балкон*), то упражнение можно выполнять по интуиции, включая в конце работы самопроверку по опорам.

А. Типичное задание для правильно написанных слов: «В словах *жизнот, запятая, мешок, одолеть* объясните написание безударной гласной исторически родственным словом. Проверьте ответ по словарю. Образец: *цирк/улировать, цирк/уляция — цирк* (лат. ‘круг’)».

Б. Типичное задание для орфографически деформированных слов: «С помощью родственных слов проверьте и объясните написание пропущенных гласных в словах *ж..вот, зап..тая, м..шок, од..леть*. (Ответ: *жизнот — живой, жить, запятая — препятствие, мешок — мех, одолеть — доля*)».

В целях предупреждения ошибок важно продемонстрировать школьникам образец работы, акцентируя последовательность выполнения упражнения.

1. Сначала толкуем слово с помощью синонимов, однокоренных слов и иначе. Напр.: *столица* — ‘главный город государства, как правило, место пребывания правительства и правительственных учреждений’²⁰. В однокоренных словах *столица, столичный* выделяем современный корень, отмечаем чередование *ц/ч*.

¹⁸ Львова С. И. Орфография. Этимология на службе орфографии. 2-е изд. М., 2001. С. 14–15.

¹⁹ Покровский Л. Л. Приемы проверки написания слов с «непроверяемыми» орфограммами // Русский язык в школе. 1979. № 4. С. 48–53.

²⁰ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. 4-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 2006. С. 769.

2. Подбираем родственные слова: столица в прошлые века была царским, *престольным* городом (*престол*, *стол*).

3. Фиксируем результат разбора (вывод): *стол/ица* (*стол*).

Как показывал наш опыт, учащиеся всех классов в целом неплохо справляются с такой работой, но результаты этимологического обоснования орфограмм все-таки лучше оценивать выборочно, учитывая полные и неполные правильные ответы, когда в словах верно обозначены современный и исторический корень или в скобках записано родственное проверочное слово, напр.: *урожай* (*уродился*, *роды*).

2.3. Словарно-этимологический разбор по памяти — вид обучающих и диагностических словарных диктантов с частичным этимологическим разбором ранее изученных слов. Проводится по лексически, орфографически и этимологически проработанным словам, зафиксированным в закладках-словариках, справочных тетрадях, электронных файлах или иначе (о вариантах учета трудных слов см.: [Острикова 2008: 132–136, 156–157]). Источником слов для диктанта по памяти может быть индивидуальный и/или коллективный этимологический словарь с рядами однокоренных слов, имеющих родственный корень.

3. Полный структурный разбор с этимологическим продолжением

Комплексные упражнения, направленные на достижение предметных результатов (языковедческих, языковых, речевых) и метапредметных. Проводятся на базе морфемного и словообразовательного разборов, планы и образцы которых представлены в школьных учебниках. Выполняются сначала как упражнения по справочным опорам, а затем как диагностические работы по опорам и по памяти. Являются одним из способов создания проектного типа «Энциклопедия слова».

Комплексный структурный разбор слов формирует такие взаимосвязанные умения, как: а) толкование лексического значения слова с синхронической и диахронической точек зрения; б) подбор однокоренных слов и исторически родственных; в) выявление современного и исторического корня, реальных и бывших суффиксов и приставок; г) поиск производящих однокоренных слов

в современном русском языке и истории языка; д) вербально-графическая фиксация (запись) результатов разбора. Для него целесообразно выбирать слова, имеющие иноязычные элементы или корень-матрешку (корень в корне), когда «старый» корень и «бывшая» приставка/суффикс находятся внутри современного корня, выделяемого «с точки зрения современных языковых связей и отношений» [Шанский 1956: 57–58] однокоренных слов.

Целесообразность комплексного структурного разбора слов в определенных классах/школах и в индивидуальной работе обусловлена объективными причинами:

- необходимостью изучения лексики как исторически развивающегося явления и, соответственно, непрерывного развития лингвистического мышления детей;
- отсутствием в учебном курсе русского языка этимологического разбора как вида структурного анализа слов;
- требованиями ФГОС ООО развивать и диагностировать у учащихся метаумения поиска и переработки лингвистической информации;
- большим количеством слов с вариантной структурой основы, требующей правильной трактовки спорных и смешиваемых фактов в целях предупреждения типичных ошибок.

3.1. Словообразовательный разбор с этимологическим продолжением. Сочетает поиск современных и этимологических производящих слов и определение соответствующих способов словообразования. Развивает умение подбирать однокоренные слова цепочкой с учетом последовательности их образования, напр.: *единый* → *единица*, *воедино*; *объединяться* ← *объединить*, *объединять*; *соединить*, *соединять* → *воссоединить*, *воссоединять* → *воссоединиться*, *воссоединение*.

Пример словообразовательного разбора с этимологическим продолжением

1. Словообразовательный разбор. *Ошеломительный* — ‘способный ошеломить; потрясающий’²¹. *Ошеломительный* (успех) ← *ошеломить*, *ошеломлять*. Черед. м//мл. Суффиксальный способ образования.

²¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. / РАН, Ин-т лингв. исследований; ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1999. С. 735.

2. Словообразовательно-этимологический разбор. *Ошеломить* – собств.-русское слово. Этимологически от устар. *шелом* (*шлем*; беглый гласный). Первоначальное значение ‘ударить в бою по шлему, лишить противника сознания’²². *Ошеломить* ← *шелом*. С исторической точки зрения суффиксально-префиксальный способ.

3.2. Морфемный разбор с этимологическим продолжением. Развивает навыки вариантного морфемного деления основы слова путем сравнения однокоренных слов (с разными суффиксами, приставками и без них) и одноструктурных слов. Предупреждает ошибки в морфемном разборе слов с корнем-матрешкой. В таких словах, как показывает практика, учащиеся лучше видят иноязычный или этимологический корень, а не современный, напр.: *двор/ей*, *череп/аха*, *аква/марин*.

Необходимость сочетания этимологического анализа слова с современным морфемным анализом отражена в учебно-научных изданиях. Приведем для примера план-схему этимологического разбора в вузе, в которой для школы актуальны пункты 1–4.

Морфемный разбор с этимологическим продолжением

План	Образец
1. Морфемный разбор Лексическое значение слова Однокоренные слова и одноструктурные Современный корень и др. морфемы Чередование гласных/согласных	<i>Ошеломить</i> – ‘привести в состояние замешательства, растерянности своей неожиданностью’ ²⁴ <i>Ошеломлять, ошеломляющий, ошеломительный</i> (м//мл)
2. Морфемно-этимологический разбор Исконное слово или заимствованное Первоначальное лексическое значение Родственное слово Этимологические морфемы Чередование гласных/согласных	Исконно русское слово Ранее обозначало ‘сбить шлем’ ²⁵ <i>шлем</i> <i>шелом</i> Беглый гласный
Вывод	<i>о/шеломит/ь</i> (м//мл)

Выводы. Вопрос классификационно-сущностного описания известных и новых этимологических упражнений по русскому языку остается открытым. Однако и на данном этапе предлагаемая классификация поможет учителю целенаправленно включать этимологические упражнения в языковедческие, речевые и языковые

упражнения разной учебной трудности. В завершение отметим, что в коллективной и индивидуальной работе с детьми по

²³ Словообразование современного русского языка: учеб. пособие для студ. / Н. А. Николина, Е. А. Фролова, М. М. Литвинова. М.: Академия, 2005. С. 55.

²⁴ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / РАН, Ин-т лингв. исследований; ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1999. С. 735.

²⁵ Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб.: Victory, 2004. С. 266.

²² Потиха З. А. Школьный словарь строения слов русского языка. М.: Просвещение, 1987. С. 177.

этимологии важно избегать излишнего педантизма. «Учитель вправе воспользоваться достоверными или приблизительно достоверными данными этимологических исследований языковедов» [Пронина 1964: 8]. Научно-этимологическая информация требует методической адаптации с учетом уровня языковой подготовки конкретных школьников. В этимологических упражнениях важно обращать внимание и на фразеологическую этимологию, однако этот вопрос требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барандеев А. В. Этимологии «необычных» топонимов // Русский язык в школе. 2019. № 2. С. 92–96. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-92-96>.
2. Львова С. И. Этимологический анализ на уроках русского языка. М.: Мнемозина, 2013. 143 с.
3. Острикова Т. А. Орфография в школе: полувековой опыт обучения. М.: Вербум-М, 2008. 222 с.
4. Позднякова Н. В., Осипова А. А., Мишина Л. Н. Формирование этимологической компетенции в процессе изучения русского языка в 7 классе средней школы // Перспективы Науки и Образования. 2019. № 1 (37). С. 149–160. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.11>.

5. Пронина И. В. Изучение трудных слов с применением этимологического анализа. М.: Просвещение, 1964. 99 с.

6. Шанский Н. М. Этимологический анализ слова // Русский язык в школе. 1956. № 4. С. 56–64.

REFERENCES

1. Barandeev A. V. Etymology of "unusual" toponyms. *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*. 2019;80(2):92–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-92-96>
2. Lvova S. I. Etymological analysis in the lessons of the Russian language. Moscow: Mnemozina, 2013. 143 p. (In Russ.)
3. Ostrikova T. A. Spelling at school: half a century of learning experience. Moscow: Verbum-M, 2008. 222 p. (In Russ.)
4. Pozdnyakova N. V., Osipova A. A., Mishina L. N. Formation of etymological competence in the process of learning the Russian language in the VII form of secondary school. *Perspektivy nauki i obrazovania = Perspectives of Science and Education*. 2019;37(1):149–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.11>
5. Pronina I. V. Learning difficult words using etymological analysis. Moscow: Education, 1964. 99 p. (In Russ.)
6. Shansky N. M. Etymological analysis of the word. *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*. 1954;4:56–64. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Александровна Острикова, доктор педагогических наук, профессор
Лариса Михайловна Чучва, аспирант

Tatiana A. Ostrikova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor
Larisa M. Chuchva, Postgraduate Student

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 15.11.2022.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

METHODOLOGICAL MAIL

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-17-24>

Алгоритмическая технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений. Часть II. Совершенствование речевой культуры школьников при изучении лексико-семантических и грамматических норм употребления местоимений

Владимир Николаевич Сульниченко

Крымская академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации, г. Евпатория, Республика Крым, Россия, sulnich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9813>

Аннотация. Во второй части статьи рассмотрены нормы использования различных лексико-грамматических разрядов местоимений и раскрыто их значение в совершенствовании речевой культуры школьников. С помощью языкового анализа и обобщения шестиклассники учатся различать лексико-семантические и грамматические нормы, правильно использовать местоимения в предложениях, в текстах и анализировать их. Такой подход к изучению местоимений побуждает школьников оценивать речь с точки зрения правильности, находить недочеты в речи, исправлять их. Представленная методика изучения местоимений содействует привлечению школьников к самостоятельной исследовательской деятельности при редактировании текста с использованием алгоритмов, повышает уровень познавательной деятельности на уроке и формирует речевую культуру.

Ключевые слова: алгоритмы, местоимение, контекст, замещение, лексико-семантические нормы, грамматические нормы, возвратное местоимение, неопределенные, определительные местоимения, речевая культура

Для цитирования: Сульниченко В. Н. Алгоритмическая технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений. Часть II. Совершенствование речевой культуры школьников при изучении лексико-семантических и грамматических норм употребления местоимений // Русский язык в школе. 2022. Т. 84, № 1. С. 17–24. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-17-24>.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ARTICLE

Algorithmic technology of mastering the lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage. Part 2. Enhancing school students' speech culture while studying lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage

Vladimir N. Sulnichenko

Crimean Academy of Professional Retraining and Advanced Training, Evpatoria, Republic of Crimea, Russia, sulnich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3292-9813>

Abstract. The second part of the paper considers the norms of using various lexical and grammatical categories of pronouns. Additionally, the research reveals their significance in promoting school students' speech culture. Sixth-form students learn to differentiate between lexical-semantic and grammatical norms, use pronouns correctly in sentences as well as in texts, and examine them with the help of linguistic analysis and generalisation. This approach to learning pronouns encourages schoolchildren to evaluate speech in terms of correctness, to detect speech errors and correct them. The presented methodology for studying pronouns helps to engage schoolchildren in unsupervised research activity when proofreading texts with the aid of algorithms. It also increases the cognitive activity level in the classroom and forms speech culture.

Keywords: algorithms, pronoun, context, substitution, lexical-semantic norms, grammatical norms, reflexive pronoun, indefinite pronoun, attributive pronouns, speech culture

For citation: Sulnichenko V. N. Algorithmic technology of mastering the lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage. Part 2. Enhancing school students' speech culture while studying lexical-semantic and grammatical norms of pronominal usage. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):17–24. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-17-24>

Коммуникативная ориентированность в обучении русскому языку предполагает рассмотрение семантики грамматических форм, их употребление с точки зрения функциональной оправданности, уместности в определенных ситуациях общения. Поэтому работа по совершенствованию речевой культуры при изучении местоимения должна включать обучение семантически правильному отбору языковых средств в разных коммуникативных ситуациях, формирование умения осознанно, дифференцированно применять их с учетом таких качеств речи, как правильность, точность, логичность, уместность.

Так, использование в речи возвратного местоимения *себя* имеет определенные нормативные ограничения. Неправильное употребление в речи этого местоимения является источником неясности, двусмысленности и искажения содержания контекста.

Проанализируем предложение: *Виктор приготовил утром себе вкусный завтрак. Друг попросил меня принести себе эту книгу.* Спрашиваем шестиклассников, правильно ли в предложениях использовано возвратное местоимение *себя*. В ходе анализа первого предложения отмечается, что действующее лицо (мальчик) сам совершил действие (приготовил завтрак для себя), поэтому употребление возвратного местоимения *себя* в данном случае уместно и не вносит в смысл предложения неясность. Шестиклассники приходят к выводу: если в предложении действие относится к определенному лицу и направлено на само действующее лицо, значит, оно составлено правильно, поэтому использование

возвратного местоимения *себя* оправданно. В результате формулируется первая ветвь алгоритма: в предложении с возвратным местоимением *себя* действие относится к определенному лицу и направлено на само действующее лицо. На основании этого семантического условия делается вывод: употребление возвратного местоимения *себя* уместно.

Далее анализируется предложение *Друг попросил меня принести себе эту книгу.* Шестиклассникам предлагается определить количество действующих лиц в этом предложении и установить возникшую двусмысленность в нем (возвратное местоимение *себя* относится к разным лицам (*друг, мне*), поэтому предложение составлено неправильно). Далее школьники находят неясность смысла в предложении, устраняют ее путем грамматических замен (возвратное местоимение *себя* заменяется личным *ему*) и составляют такое предложение: *Друг попросил меня принести ему эту книгу.*

Затем формулируется содержание второй ветви алгоритма: возвратное местоимение относится к разным лицам, создавая смысловую неточность. Значит, предложение составлено неправильно, поэтому перестраиваем его так, чтобы возвратное местоимение *себя* относилось к одному лицу — заменяем его местоимением 3-го лица.

Далее анализируется предложение: *Я уважаю людей, не жалеющих себя для других,* определяется семантика подлежащего по отношению к возвратному местоимению *себя* (реальное значение подлежащего

в предложении не совпадает со значением возвратного местоимения *себя*). В ходе беседы делается вывод о том, что в этом предложении использование возвратного местоимения *себя* семантически обусловлено, значит, предложение составлено правильно.

Формулируется третья ветвь алгоритма: значение подлежащего в предложении не совпадает со значением возвратного местоимения *себя*. Следовательно, употребление возвратного местоимения *себя* уместно. В результате составляется алгоритм 3.

Алгоритм 3

Нормативное использование в речи возвратного местоимения *себя*

Algorithm 3

Standard usage of the reflexive pronoun *self* (*sebya*) in speech

1. В предложении с возвратным местоимением *себя* действие относится к определенному лицу и направлено на само действующее лицо

ДА НЕТ

↓
употребление возвратного местоимения *себя* уместно

2. Возвратное местоимение относится к разным лицам, создавая смысловую неточность

ДА НЕТ

↓
предложение составлено неправильно, перестраиваем его так, чтобы возвратное местоимение *себя* относилось к одному лицу, поэтому заменяем его личным местоимением 3-го лица

3. Значение подлежащего в предложении не совпадает со значением возвратного местоимения *себя*

↓
ДА

↓
употребление возвратного местоимения *себя* уместно

Образец рассуждения 1. В предложении *Виктор приготовил утром себе вкусный завтрак* действие относится

к определенному лицу и направлено на само действующее лицо. Поэтому употребление возвратного местоимения *себя* уместно.

Образец рассуждения 2. В предложении *Друг попросил меня принести себе эту книгу* возвратное местоимение *себя* относится к разным лицам, поэтому предложение составлено неправильно. Перестраиваем предложение так, чтобы возвратное местоимение *себя* относилось к одному лицу, поэтому заменяем его личным местоимением 3-го лица: *Друг попросил меня принести ему эту книгу*.

Образец рассуждения 3. В предложении *Я уважаю людей, не жалеющих себя для других* значение подлежащего не совпадает со значением возвратного местоимения *себя*, значит, употребление возвратного местоимения *себя* уместно.

При употреблении неопределенных и определительных местоимений в речи возникают варианты, различающиеся оттенками значений и стилистической окраской, что характеризует их как семантически значимые единицы речи.

Покажем на примере составленных алгоритмов лексико-семантические нормы употребления наиболее сложных в семантическом плане неопределенных и определительных местоимений, которые в некоторых контекстах отличаются по значению. Этот грамматический материал учитель использует на уроке по своему усмотрению как в VI классе при изучении местоимений, учитывая уровень лингвистической подготовленности школьников и возможность усвоения ими материала, так и в IX классе в ходе повторения, систематизации и обобщения знаний, умений и навыков по теме.

Неопределенные местоимения близки по значениям, но различаются смысловыми и стилистическими оттенками. Они указывают на неизвестные, неопределенные лица, предметы и их признаки, «имеют разное значение (выражают разную степень неопределенности) и поэтому употребляются по-разному» [Шпрах 2008: 40]. Понятие неизвестного в этом случае трактуется как то, что не изучено, не определено, о котором не знают, так как о нем нет сведений. Проанализируем неопределенные местоимения с точки зрения характеристики ими неизвестных, неопределенных

лиц, предметов и их признаков. Для этого рассмотрим понятие неизвестного с позиции говорящего (сообщающего информацию) и слушающего (воспринимающего информацию). Употребление в устной и письменной речи неопределенных местоимений с суффиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь* и приставкой *кое-* (*кто-то*, *что-либо*, *что-нибудь*, *кое-что* и др.) не вызывает у шестиклассников затруднений, поэтому они чаще всего при образовании неопределенных местоимений не задумываются над их семантикой.

Предложим шестиклассникам составить алгоритм 4, который дифференцирует семантику неопределенных местоимений по данным признакам.

Вначале школьники анализируют семантику местоимений в предложениях: *Кто-то постучал в дверь; Я кое-что расскажу тебе при встрече; Расскажи что-нибудь о себе*. Ставится общий вопрос, касающийся семантики всех предложений: «На что указывают неопределенные местоимения в этих предложениях с точки зрения говорящего и слушающего?»

В ходе рассмотрения вариантов ответов наиболее подготовленных в лингвистическом плане шестиклассников составляются три ветви алгоритма.

Для других групп учащихся процесс осмысления данного материала проводится путем анализа, сравнения и систематизации признаков, по которым различается семантика неопределенных местоимений. Школьники отвечают на вопросы и выполняют задания.

1. На что указывают местоимения *кто-то*, *что-то* в составленных вами предложениях: *Кто-то постучал в дверь; Что-то странное произошло вчера с ним?* (Ответ. Местоимения *кто-то* и *что-то* указывают на неизвестное.)

2. Дайте характеристику значения 'неизвестное' для местоимений *кто-то*, *что-то* с позиции говорящего и слушающего и сформулируйте первую ветвь алгоритма. (Ответ. Неопределенное местоимение указывает на неизвестное как для говорящего, так и для слушающего.)

3. Аналогично проанализируйте семантику местоимений *кое-что* и *кое-кто* в предложениях: *Я кое-что должен тебе*

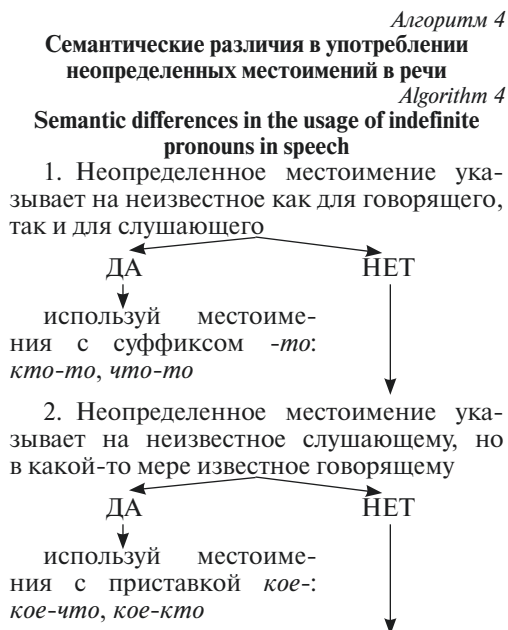
вернуть; Мне кое-кто об этом уже сообщил. Найдите некоторые отличия в указании на неизвестное для говорящего и слушающего и сформулируйте содержание второй ветви алгоритма. (Ответ. Неопределенное местоимение указывает на неизвестное слушающему, но в какой-то мере известно говорящему.)

4. Какова семантика местоимений *кто-нибудь* и *что-либо* и в чем она проявляется при установлении связи с говорящим и слушающим, а также с совершаемым действием?

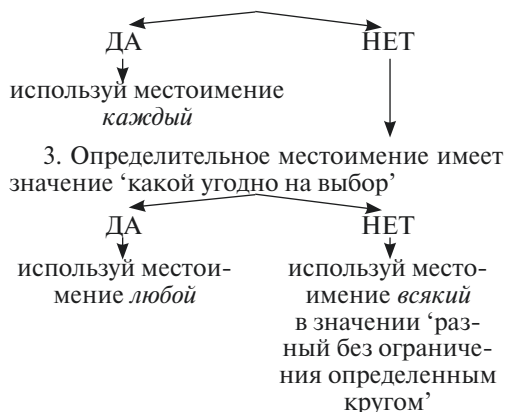
5. Какое действие предлагает совершить говорящий слушающему с точки зрения конкретизации сообщаемого в предложении: *Принеси мне что-нибудь попить?*

Отметим, что местоимения с суффиксом *-нибудь* синонимичны местоимениям с суффиксом *-либо*, хотя последний употребляется в речи реже, так как имеет выраженный книжный характер.

В результате проведенной работы формулируется третья ветвь алгоритма: «С помощью неопределенного местоимения говорящий предлагает слушающему совершить действие без конкретизации сообщаемого». В результате алгоритм 4 приобретает такой вид.

↓
ДА
↓

Образец рассуждения 1. Определительные местоимения *каждый*, *всякий*, в предложении *Это может сделать каждый* (*любой*, *всякий*) употребляются в значении 'один из ряда подобных, и тот, и другой, и третий, и безразлично какой'. Следовательно, эти местоимения являются взаимозаменяемыми (синонимами) и их можно использовать в этом предложении.

Образец рассуждения 2. Определительное местоимение *каждый* в предложении *Словарь нужно иметь каждому ученику* употреблено в значении 'один из всех в данном количественном ряду'. Следовательно, местоимение *каждому* в этом предложении употреблено правильно.

Образец рассуждения 3. Определительное местоимение *любой* в предложении *Выбирай любой туристический маршрут* имеет значение 'какой угодно на выбор'. Следовательно, местоимение *любой* в этом предложении употреблено правильно.

Образец рассуждения 4. Определительное местоимение *всякий* в предложении *В Крым приезжают всякие туристы* употреблено в значении 'разный, без ограничения определенным кругом'. Следовательно, местоимение *всякие* в этом предложении употреблено правильно.

При употреблении в речи определительных местоимений *сам*, *самый* у шестиклассников часто возникают речевые ошибки, которые обусловлены незнанием грамматических норм сочетаемости с одушевленными и неодушевленными существительными, качественными прилагательными.

Для составления алгоритма по употреблению в речи определительных местоимений *сам*, *самый* школьникам предлагаются такие вопросы и задания:

1. Составьте два предложения, в которых местоимение *сам* употребляется как с одушевленными (в значении 'самостоятельно'), так и неодушевленными существительными (для уточнения, дополнения), и укажите различия в его значении, отразите ваши наблюдения в первой и второй ветвях алгоритма 6.

2. Придумайте предложение с определительным местоимением *самый*, проанализируйте, с какой частью речи сочетается это слово (прилагательным), какое значение передает (значения: 'важный, значительный, ведущий, решающий, существенный'), какую грамматическую форму образует (составную форму превосходной степени прилагательного), сформулируйте третью ветвь алгоритма 6.

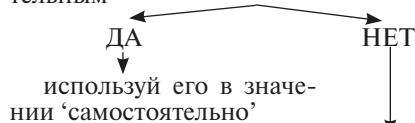
Алгоритм 6

Употребление в речи определительных местоимений *сам*, *самый*

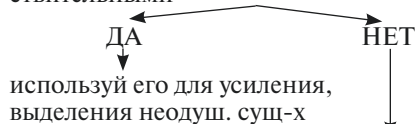
Algorithm 6

Usage of the attributive pronouns *himself / itself* (*sam*), *the very same* (*samiy*) in speech

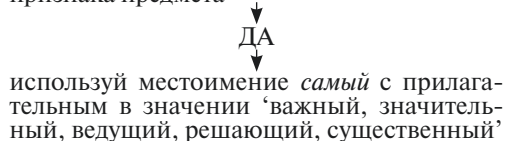
1. Определительное местоимение *сам* употребляется с одушевленным существительным

2. Определительное местоимение *сам* употребляется с неодушевленными существительными

3. Определительное местоимение *самый* употребляется в предложении перед прилагательным для усиления обозначаемого признака предмета

Образец рассуждения 1. Определительное местоимение *сам* в предложении *Ученик сам решил задачу* употребляется с одушевленным существительным *ученик* и используется в значении ‘самостоятельно’ (совмещает признаки местоимения и наречия).

Образец рассуждения 2. Определительное местоимение *сам* в предложении *Сам конкурс прошел очень весело и интересно* употребляется с неодушевленным существительным *конкурс* и используется для усиления, выделения слова *конкурс* (совмещает признаки местоимения и усилительной частицы *именно*).

Образец рассуждения 3. Определительное местоимение *самый* употребляется в предложении *Самые важные вопросы были рассмотрены в процессе работы конференции* перед прилагательным *важные* для усиления обозначаемого признака, поэтому использую его в значении ‘важный, значительный, ведущий, решающий, существенный’.

Сочетаемость местоимений с существительными и некоторыми глаголами регламентируется определенными грамматическими нормами русского языка. При составлении алгоритма 7 по этой теме шестиклассникам предлагается проанализировать словосочетания *по несколько суток*, *выйти от него*, *побывать у нее* и определить:

1) нормативный грамматический падеж местоимений *сколько*, *несколько*, употребленных с предлогом *по* и существительным (*по несколько суток* – местоимение с предлогом *по* употребляется в дательном падеже) – первая ветвь алгоритма 7;

2) грамматические условия прибавления начального *н* к личным местоимениям 3-го лица ед. и мн. числа (*он, она, оно, они*): *встретить его* – *выйти от него* – наличие в словосочетании предлога как условие приращения начального *н*;

3) нормативную грамматическую форму личного местоимения *она* в родительном падеже с предлогом *у* с учетом стиля речи: *у нее* – нормативный вариант, книжный стиль речи; форма *у ней* рассматривается как просторечие – вторая неполная ветвь алгоритма 7.

Алгоритм 7

Нормы грамматической сочетаемости местоимений с существительными и глаголами
 Algorithm 7
Norms of grammatical combinability of pronouns with nouns and verbs

1. Предлог *по* употребляется с местоимениями *сколько*, *несколько*

2. Личное местоимение *она* сочетается с предлогами в родительном и дательном падежах

Образец рассуждения 1. В предложении *Он по несколько дней находился в командировке* предлог *по* употребляется с местоимением *несколько*, поэтому используется форма дательного падежа *по несколько*.

Образец рассуждения 2. В предложении *У нее хороший вкус* личное местоимение *она* в родительном падеже сочетается с предлогом *у* и имеет форму *у нее*, которая считается нормативной и используется в книжном стиле речи, форма *у ней* считается просторечной.

Обобщить и систематизировать материал о лексико-семантических и грамматических нормах употребления местоимений помогает составление памятки, в которой содержится определенный свод полезных для шестиклассников рекомендаций, которые необходимо учитывать, чтобы не допустить ошибок в использовании местоимений в устной и письменной речи.

Памятка изучающим местоимения и употребляющим их в речи

1. Главный способ избежать ошибок в употреблении местоимений — глубоко изучить значения лексико-грамматических разрядов местоимений и учитывать то, в каких стилях речи они могут употребляться.

2. Незнание значений местоимений ведет к неточности словоупотребления.

3. Универсальный способ стилистической правки — замена местоимения соответствующим существительным и наоборот.

4. Следует заменять местоимением только рядом стоящее существительное и проверять, нет ли в контексте слева слов, которые грамматически могут заменяться этим местоимением, но по смыслу не должны.

5. Нельзя вводить в текст местоимения при отсутствии замещаемых существительных.

6. Не допускается неоправданная замена одного местоимения другим.

7. Не рекомендуется нагромождение местоимений в тексте, фразе, в предложении, так как это ведет к искажению смысла высказывания и к речевой избыточности.

8. При возникновении ошибок в употреблении местоимений в речи надо: 1) изменить порядок слов; 2) не использовать в тексте те местоимения, от употребления которых можно отказаться; 3) переделывать фразу.

Выводы. Итак, в статье показаны нормы употребления местоимений с учетом их заместительной семантической функции,

которая проявляется при контекстуально-ситуативной конкретизации значений именных частей речи. Алгоритмический способ предъявления лексико-семантического и грамматического материала позволяет учить шестиклассников нормативному использованию местоимений в речи, развивая культуру их устной и письменной речи.

В процессе самостоятельной работы совершенствуется умение школьников оценивать свою речь с точки зрения соответствия нормам русского языка. Культурно-речевой аспект в изучении функционирования местоимений в текстах способствует предупреждению речевых и грамматических ошибок в речи.

Разработанная технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений с использованием алгоритмов содействует привлечению школьников к самостоятельной исследовательской деятельности, повышает уровень познавательной активности на уроке, развивает и совершенствует речевую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шпрах И. М.* Сложные случаи употребления местоимений в русском языке: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 57 с.

REFERENCES

1. *Shprach I. M.* Complex cases of the use of pronouns in the Russian language: textbook manual. Irkutsk: Publishing House of Irkut State University. 2008. 57 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Николаевич Сульниченко, кандидат педагогических наук, доцент

Vladimir N. Sulnichenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 22.12.2021; одобрена после рецензирования 24.02.2022; принята к публикации 08.06.2022.

The article was submitted 22.12.2021; approved after reviewing 24.02.2022; accepted for publication 08.06.2022.

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

METHODOLOGICAL HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-25-34>

«Соединяя отжившие, живущие и будущие поколения»: о перспективных идеях методического наследия К. Д. Ушинского (к 200-летию со дня рождения)

Любовь Геннадьевна Антонова¹, Жанна Константиновна Гапонова², Анна Борисовна Тишко³

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, antonova_lubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-8614>

^{2,3}Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия,

²jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

³a.tishko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-0686>

Аннотация. В статье представлена информация о наиболее значимых аспектах биографии и педагогического наследия К. Д. Ушинского, актуальных для современной практики гуманитарного образования. Авторы приводят биографические сведения о знаменитом педагоге, которые свидетельствуют об особом влиянии семьи, учителей гимназии, известных профессоров университета на становление взглядов и направлений деятельности известного педагога, называют важные факты биографии К. Д. Ушинского как начинающего талантливого преподавателя Демидовского лицея в Ярославле, снискавшего особую любовь и преданность учащихся. Авторы анализируют и комментируют основные идеи великого педагога, связанные с вопросами обучения родному языку на основе принципов народности; обсуждают, опираясь на известные работы Ушинского, проблемы создания универсальных учебных книг для обучения родному языку и речи и основные требования к отбору дидактического материала к учебным языковым курсам с обязательным воспитывающим и развивающим потенциалом. Внимание авторов привлечено к актуальным сегодня вопросам антропологической и гуманистической традиции при изучении языка и речи, задачам специальной всесторонней подготовки учителя, формированию у него ответственности перед воспитанниками в деле обучения и воспитания.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, традиции домашнего воспитания, гуманистическая педагогика, вопросы национального (русского) воспитания, учебник родного языка, принципы отбора материала, родной язык, родное слово как инструмент воспитания

Для цитирования: Антонова Л. Г., Гапонова Ж. К., Тишко А. Б. «Соединяя отжившие, живущие и будущие поколения»: о перспективных идеях методического наследия К. Д. Ушинского (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 25–34. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-25-34>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"Connecting the past, present and future generations": reflecting on the main promising ideas of K. D. Ushinsky's methodological legacy (to the 200th anniversary of the birth)

Lyubov G. Antonova¹, Zhanna K. Gaponova², Anna B. Tishko³

¹Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia, antonova_lubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7768-8614>

^{2,3} Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia,

²jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

³a.tishko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-0686>

Abstract. The paper explores the most significant aspects of K. D. Ushinsky's biography and pedagogical legacy relevant to the modern practice of liberal education. The biographical information about the famous teacher we provide testifies to the special influence of his family, gymnasium teachers, famous university professors on the formation of K. D. Ushinsky's views and activities. Moreover, the paper also gives important biographic facts which describe the founder of scientific pedagogy as a talented novice teacher at the Demidov Lyceum in Yaroslavl, where he won students' genuine love and devotion. We analyse and comment on the outstanding educator's main ideas related to the issues of native language teaching based on the principles of nationality (*narodnost*). In addition, drawing on Ushinsky's well-known works, we discuss the problems of creating universal schoolbooks for teaching the native language and speech and the basic requirements for the selection of didactic material for language courses with compulsory upbringing and developing potential. We focus attention on the critical issues of the anthropological and humanistic tradition in studying language and speech, the objectives of special comprehensive teacher training as well as the formation of teachers' responsibility towards schoolchildren in education and upbringing.

Keywords: K. D. Ushinsky, home upbringing traditions, humanistic pedagogy, issues of national (Russian) upbringing, native language textbook, material selection principles, native language, native word as an upbringing tool

For citation: Antonova L. G., Gaponova Zh. K., Tishko A. B. "Connecting the past, present and future generations": reflecting on the main promising ideas of K. D. Ushinsky's methodological legacy (to the 200th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):25–34. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-25-34>.

Введение. К. Д. Ушинский, бесспорно, является основоположником русской педагогической науки. Ближайший его соратник Л. Н. Модзалевский справедливо писал: «Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же как Ломоносов — наш первый народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор» [Модзалевский 1896:162]. В истории российской педагогической и методической науки нет ему равных по охвату и глубине осмысления идей, которые, как удивительные прогностические проекты, на много лет вперед определили смыслы процессов обучения и воспитания в российской школе. Мы и сегодня ссылаемся на педагогические постулаты К. Д. Ушинского, рассуждая о связи обучения с практическим опытом ребенка, о народности образования как этнокультурной и просветительской традиции российской школы, о родном языке как основном инструменте воспитания, о гуманистическом и нравственном начале в любом воспитательном воздействии на ребенка и, конечно, о высокой ответственности взрослого, педагога, наставника в непрерывном обучающем диалоге со своим воспитанником.

Остановимся подробнее на важных моментах биографии К. Д. Ушинского

и ключевых вопросах его педагогического наследия, соединим эту информацию с рассуждением об актуальности и востребованности идей великого педагога для современной школы, прежде всего для преподавания родного языка.

Анализ

Благоприятная среда для формирования личности будущего педагога

Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский родился 3 марта (по старому стилю 19 февраля) 1823 года (по другим данным в 1824 году) в Туле [Груздев, Новиков 2022]. Детство и отрочество будущего педагога прошли «без печали, без лишения, среди любивших талантливого мальчика отца и матери. Оттого он так любил русскую семью» [Памяти... 1896: 105]. Большое влияние в детстве на будущего русского педагога оказала его мать Надежда Степановна Ушинская (в девичестве Капнист), которой он лишился, не достигнув и 12 лет.

Позднее в личных дневниках К. Д. Ушинский отмечает значительное влияние семьи на ребенка: «Трудно выразить в словах, более доступных для выражения грусти или злости, чем отрадного чувства, особенное светлое нечто, что рождается в нашей душе, когда мы вспоминаем теплоту родимого семейного гнезда. До глубокой старости остаются в нас

какие-то душевные связи с той семьей, из которой мы вышли» [Ушинский 1948: 471].

Домашнее образование под руководством матери позволило Ушинскому поступить сразу в третий класс Новгород-Северской гимназии, которая стала следующей после семьи школой будущего педагога.

К. Д. Ушинский относился к тем редким людям, которые с теплотой вспоминали школьные годы. Как говорили в то время, «не хорошо учили, но хорошо учились». Учился хорошо потому, что среди учителей встречались энтузиасты своего нелегкого дела, создававшие особую образовательную среду для своих воспитанников. Таким был директор Новгород-Северской гимназии И. Ф. Тимковский, который любил науки (знания), самозабвенно проповедовал и прививал эту любовь своим ученикам.

В благоприятную образовательную среду попал К. Д. Ушинский и в Московском университете. Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин — современные и передовые профессора, которые на своих лекциях создавали условия для интеллектуального и культурного совершенствования студентов. Несмотря на то что по стилю педагогической деятельности это были два разных преподавателя, роднило их то, что они призывали своих студентов получать образование не ради образования, а для того, чтобы принести пользу государству. Ушинский был покорен нравственным обликом профессоров, очень много взял от них для формирования индивидуального стиля деятельности, и мы можем утверждать, что они стали его первыми наставниками, которые показали будущему юристу важные стороны профессионального мастерства и подлинного служения своему делу на научном и педагогическом поприще.

Первые «педагогические опыты»

После окончания юридического факультета Московского университета в 1846 г. Константин Ушинский был назначен исполняющим обязанности профессора «камеральных наук» (экономики, финансов) Ярославского Демидовского юридического лица. В сентябре этого же года он представил Совету лица мнение о необходимости изменения порядка преподавания юридических дисциплин, в 1847 г. — мнение о необходимости пополнения

библиотеки лица, позднее — проект правил об испытаниях, переводе, выпусках и наградах студентов. Все его предложения были одобрены Советом лица, отличались актуальными и смелыми взглядами на **цели и задачи научной и профессиональной школы**. В сентябре 1848 г. Константин Дмитриевич произнес на торжественном собрании лица широко известную речь «О камеральном образовании». Он адресовал ученикам и коллегам яркое проблемное рассуждение о роли «государства в поддержку публичного заведения с университетским устройством», которое «сообщает камеральное образование молодым людям» и стремится сделать из них «верных проводников благодетелей верховной воли», приготовить грамотных «камералистов-чиновников на службу отечества», а в целом общее образование должно переменить свое направление и соответствовать «духу времени — новому состоянию науки, индустриальному развитию века» [Покровский 1914: 146]. Молодой профессор отличался смелостью и самостоятельностью суждений. В лекциях он увлеченно рассуждал о передовых для того времени идеях самообразования личности, говорил о необходимости быть глубоко осведомленным человеком в той области профессиональных знаний, которой ты служишь, любить свое дело и быть ему преданным. И это, несомненно, вызывало живой отклик у его слушателей — студентов лица, которые очень ценили мнение молодого преподавателя.

Некоторое время (с марта по май 1848 г.) Ушинский редактировал неофициальную часть газеты «Ярославские губернские ведомости» и способствовал пропаганде естественно-научных и исторических знаний. «Статьи, написанные К. Д. Ушинским для ярославской газеты, — пишет А. Н. Иванов, исследовавший жизнь и деятельность великого педагога в Ярославле, — были его первыми литературными выступлениями. В них достаточно ярко отразились его общественно-политические взгляды. В них он ставил и обсуждал, вопреки инструкциям для местных газет, вопросы государственного значения» [Иванов 1963: 86].

Ярославский период в жизни Ушинского имел огромное значение для становления его педагогических взглядов и формирования перспективных идей образования.

Важно отметить, что еще в студенческие годы он наметил для себя «роль преобразователя и умелого наставника». «Приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше предназначение. Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства! Пренебрегая насмешками, вытерпевая гонения, жертвуя всем... наслаждениями семейства, почестей, славы, богатства... отказавшись совершенно от самих себя, — работать для потомства! <...> Не жди награды ни на земле, ни на небе, — знать это и все-таки отдать им и жизнь свою — велика любовь к истине, ко благу, к идее», — писал Ушинский в 1844 г. в своем студенческом дневнике (цит. по: [Федорова 2018: 163]).

В лекционных курсах он стремился обеспечить **необходимый личностный контакт со своими воспитанниками**. «Конечно, более всего желал бы я, чтобы мы поняли друг друга, чтобы ваше внимание еще более согрело мою ревность и чтобы то и другое было плодом не суровой обязанности, а обоюдного нашего стремления к истине и желания быть полезным нашему отечеству», — говорил он, знакомясь со студентами Демидовского лицея на одной из первых лекций [Ушинский, Электронный ресурс].

Но начальство заподозрило молодого педагога «в политической неблагонадежности», и в 1849 г. его уволили из лицея. Это было большой потерей для передовой демократической интеллигенции и студенчества Ярославля.

Переехав в Петербург, Ушинский активно включается в общественное обсуждение актуальных вопросов педагогики и народного образования в некрасовском «Современнике», преподает словесность и географию в Гатчинском сиротском институте, работает инспектором Смольного института.

В последующие годы Ушинский всецело посвятил себя литературно-педагогической деятельности. «Принести как можно больше пользы моему отечеству, — писал он, — вот единственная цель моей жизни...» (цит. по: [Федорова 2018: 164]).

Педагогическая деятельность и среда, в которую был включен К. Д. Ушинский сразу после окончания университета, требовала перемен. В 1856 г. появилась статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни». Это был

призыв к переосмыслению всего учебно-воспитательного дела в России. Предлагались разные пути и подходы для реформирования образовательного процесса в русской школе. Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского волновали прежде всего задачи современной им школы. Но если Н. И. Пирогов рассматривал их с точки зрения общечеловеческих идеалов и важности этого вопроса для общества, то К. Д. Ушинский был практиком и решал реальные, поставленные жизнью задачи школы.

Модель национального воспитания

К. Д. Ушинский внимательно изучал опыт западноевропейского образования, сравнивал его с российским, искал его достоинства и недостатки. В результате анализа различных систем образования, наблюдения за конкретным опытом успешных западных и российских педагогов он смог сделать вывод о необходимости создавать и отстаивать **модель национального (русского) воспитания**.

При этом, как отмечал Константин Дмитриевич, эта модель, которую не надо выдумывать, она появилась вместе с русским народом, она с ним и развивается: «...воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ — с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю его историю, все его лучшие и худшие качества. Эта почва, из которой вырастают новые поколения России, сменяя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись к ней самой, к ее требованиям, силам, недостаткам; но пересоздать ее невозможно» [Ушинский 1948: 482].

По мнению К. Д. Ушинского, успех развития русского национального, самобытного образования заключается в трех составляющих: реформирование содержания образования, создание учебников и учебных пособий для школы, подготовка педагогов.

Следует особенно подчеркнуть, что в основе разработки педагогом «русского» содержания образования лежит **идея (принцип) народности**. К. Д. Ушинский предложил уникальный авторский подход: народность должна стать не только общественной идеей, но и основой воспитания, так как именно в процессе воспитания формируется идеал человека, т. е. дается четкое

представление, какого человека и для чего необходимо формировать. Стержнем национального образования стало изучение русского языка. К. Д. Ушинский вернул в русскую школу обязательный предмет — **родной язык**. В России XIX в. сложилась парадоксальная ситуация — русские люди поражали иностранцев безукоризненным знанием иностранных языков, но при этом говорили и писали на родном языке с ошибками. К сожалению, обучение русскому языку велось без учета возрастных и психологических особенностей детей. Русский язык в системе К. Д. Ушинского стал **средством «развивающего и воспитывающего обучения»**.

Для того чтобы обеспечить эффективность процесса национального воспитания и обучения, необходимо было использовать специальные средства организации процесса передачи знаний о языке и речи. Вот почему прежде всего сферой интересов К. Д. Ушинского стало создание *учебной и методической литературы для школы*. Несомненно, русский педагог был знаком с учебниками и пособиями для школы, которые создавались его западноевропейскими коллегами. Однако результат его методической деятельности не был простой компиляцией: учебники и рекомендации для учителей представляли самостоятельный и творческий труд великого педагога. Он как автор учебников при выборе содержания опирался на идею народности, ставил во главу угла принципы наглядности, доступности, сознательности и активности, проявлял заботу о прочности учебного знания и развивающем и воспитывающем характере обучения. Коллега К. Д. Ушинского по Смольному институту благородных девиц Д. Д. Семенов очень точно определил общественное и педагогическое значение его учебных книг, которые должны «преследовать общеобразовательные цели, должны быть свободны от всякой тенденциозности и проведения односторонней пропаганды каких бы то ни было партий», а главнейшая задача учебной книги — «образовать человека» [Памяти... 1896: 114–115].

Опережающие время идеи «Родного слова»

Первым учебником, подготовленным автором в новой концепции, стал «Детский

мир» с «Хрестоматией» (1861). Это своеобразная детская энциклопедия, в которой автор поставил две дидактические задачи: расширение кругозора ребенка через включение познавательного и развивающего материала о природе, географии и русской истории и изучение русского языка с использованием приложения-хрестоматии с «образцами слога лучших писателей» России и Западной Европы.

Но следует признать, что наибольшей популярностью среди родителей и педагогов пользовалась книга «Родное слово» (1864). В этом учебнике К. Д. Ушинский реализовал свою основную идею, называя **родной язык «великим народным педагогом»**, который не только учит нас многому, но и учит очень легко, «по какому-то недостижимому облегчающему методу». [Ушинский 1948: 527].

Секрет этого способа, на наш взгляд, кроется в *содержании* подобранного К. Д. Ушинским *языкового дидактического материала* и его *учебно-воспитательного значения*. Основа учебных текстов — народное творчество: сказки, пословицы, поговорки, прибаутки, загадки. Этот материал должен быть понятным, интересным и, по мнению педагога, особенно «близким ребенку». Например, сравнивая русские народные пословицы с пословицами других стран, К. Д. Ушинский пришел к выводу, что наш материал и разнообразнее, и глубже, и живописнее по форме и поэтичнее по духу. (О популярности и ценности этого учебника свидетельствует и тот факт, что до революции он был официально рекомендован Министерством народного просвещения для использования в начальных школах России и издан тиражом 1 миллион 520 тысяч экземпляров в период с 1885 по 1900 г. [Ушинский 1997: 12].)

Вопросы определения *родного языка как основы образования* затрагивались К. Д. Ушинским сначала в статье «Родное слово» (1861), а затем уже в учебниках «Родное слово для детей младшего возраста. Год первый» (1864 — год первого издания), «Родное слово для детей младшего возраста. Год второй» (1864 — год первого издания).

Книги для чтения облегчали учителям выбор материала для работы в классе и соответствовали всем принципам

педагогики К. Д. Ушинского, а руководство для первоначального обучения было первым методически выстроенным трудом в области методики преподавания родного языка. Несмотря на то что пособие не содержит современных педагогических терминов, подходы, постулируемые педагогом, вполне актуальны для современной практики преподавания языка.

Взгляды К. Д. Ушинского на язык и его природу, на способность языка воздействовать на человека, на особую логику усвоения языка детьми — коррелируют с современными исследованиями по психолингвистике и лингвокультурологии, которые рассматривают язык, с одной стороны, как средство общения, а с другой — как способ постижения реальности. Отсюда особое внимание к пословицам, поговоркам, загадкам русского народа, позволяющим формировать картину мира ребенка посредством наблюдения над языком. И хотя великий педагог считал, что русская пословица есть насмешка над грамматическим правилом и совершенно не годится для грамматического разбора, он в то же время видел в ней лучшее средство приобщить ребенка к «живому источнику народного языка и внушить душе ребенка бессознательно такт этого языка» [Ушинский 1906: 61]. Предлагаемые педагогом тексты (от загадок и пословиц и далее — большие по объему жанры) объединены тематически, например: «Учебные вещи и игрушки», «Кушанья и напитки», «Животные четвероногие и птицы», «В школе и дома», что позволяет формировать у ребенка обобщенное и систематизированное представление о мире.

В книгах К. Д. Ушинского неоднократно встречается мысль о языке как средстве постижения мира. Ребенок, по мнению педагога, узнает о языке, работая не только с языковыми правилами, но и с текстовым материалом, представленным в учебниках и чрезвычайно богатом жизненными советами и воспитательными сентенциями: «Говорит мальчик отцу: “Купи мне, тятя, очки, я хочу по-твоему книги читать”. — “Хорошо,” — отвечал отец, — “Я куплю тебе очки, только детские”. И купил мальчику азбуку» [Ушинский 1870: 2]. Тексты К. Д. Ушинского содержат воспитательный, «метафорический» вывод-рекомендацию

или включают вопросы, помогающие ребенку сделать вывод самостоятельно, например текст «Кто добра не делает никому?»:

«Гришенька! Одолжи мне на минутку карандаша», а Гриша в ответ: — «Носи свой, мой мне самому нужен». — «Гриша, помоги мне уложить книги в сумку», а Гриша в ответ: — «Книги твои, сам их и укладывай». Любили ли Гришу товарищи? [Ушинский 1870: 5].

Естественный воспитательный эффект *дидактического* материала, собранного К. Д. Ушинским в книге «Родное слово», чувствуется и в *последовательности его расположения* в учебнике, где предлагается переход от речи к наблюдению над языком, учитывается *взаимосвязь наглядности и логики*: сначала обращается внимание детей на то, как они говорят, поскольку в речи они бессознательно руководствуются грамматическими законами, а затем предлагается прийти к пониманию и формулированию грамматического правила, опираясь на опыт употребления тех языковых форм, которые уже усвоили и используют дети.

Понимание **языка как транслятора и хранителя ценностей**, передающихся из поколения в поколение, неоднократно постулируется самим К. Д. Ушинским и находит отражение в подборе языкового материала: «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое» [Ушинский 1994: 236].

Особое внимание педагог обращал на великую **роль учителя русского языка**, на плечах которого «лежит обязанность обзора всех приобретаемых детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что **родное слово есть именно та духовная одежда**, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания» [Там же: 396].

Интересным является и тот факт, что К. Д. Ушинский часто называет учителя «наставником», что, можно сказать, соотносится с современными тенденциями субъект-субъектного подхода в образовании: учитель не довлеет над обучающимся, а направляет его, дает возможность самому прийти к логически следуемым выводам:

«Изустная речь основана на мышлении; следовательно, наставник русского языка обязан дать детям упражнения, возбуждающие мысль и вызывающие выражение этой мысли в слове» [Ушинский 1906: 26].

Хочется вспомнить еще одно утверждение К. Д. Ушинского, не потерявшее актуальности и значимости в современной школе: «Не ясно ли теперь, что преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты, и что я имел право взглянуть на наставника отечественного языка как на руководителя...» [Ушинский 1906: 25]. Представленная в «Родном слове» педагогическая система основана на объединении естественно-научного и гуманитарного (историко-филологического) знания, а связующим звеном является родной язык. Именно это положение о *метафункциональности речевых способностей*, которые развиваются учителем-словесником, особенно востребовано в практических опытах по *формированию читательской грамотности* как базового вида грамотности и основы для формирования других компетенций, позволяющих современному школьнику быть успешным.

Идеям развития креативного мышления ученика, умения **соотносить знания с реальной жизненной практикой** подчинена логика дидактического материала. Так, во второй год обучения К. Д. Ушинским предлагается работа с разными типами текстов, например словесное описание класса и составляющих его элементов («Всякой вещи свое место», «Классная доска», «Грифельная доска», «Наш класс»), рассмотрение плана помещения и соотнесение его со своим классом, а далее — работа с художественным текстом, посвященным этой же теме («Кончил дело — гуляй смело») [Ушинский 1870: 5–6]. Таким образом, по мнению великого педагога, осуществляется работа со «сплошными текстами» (рассчитанными на подробное чтение) и формируются необходимые для жизни умения — сопоставлять прочитанное с собственным опытом освоения действительности. Для того чтобы у ребенка создалось целостное представление о каком-либо предмете или явлении, К. Д. Ушинский предлагает не только работать с текстом,

но и обращать внимание на иллюстративный материал («Что нарисовано на этой картинке? Расскажите»), на схемы («Таков ли ваш дом? Расскажите и сравните. Начертите план»), на предметы или явления вокруг («Такова ли ваша грифельная доска? Сравните грифельную доску с классною» и т. п.) [Ушинский 1870].

Важно подчеркнуть опережающий время **принцип отбора и представления текстов** в учебниках К. Д. Ушинского. В современной методике преподавания русского языка последовательно реализуется текстоориентированный подход в обучении. Такой подход был реализован и К. Д. Ушинским, при этом чаще всего материалом для обучения служил художественный текст.

Основными источниками для упражнений в учебниках «Родное слово» являются стихотворения, специально сочиненные или подобранные рассказы («Булочник», «Как Мише сшили сюртук», «Сапожник», «Из детских воспоминаний» и мн. др.), причем к многим из них в качестве заголовка используется пословица («Не плюй в колодез — пригодится воды напиться») или название сказки (например, «Братец Иванушка и сестрица Аленушка», «Плутиска кот», «Сивка-бурка») [Там же].

Нельзя не сказать о важности практико-ориентированного подхода к обучению и формированию речевых навыков, предлагаемого К. Д. Ушинским в качестве приоритетного: «Всякое не мертвое, не бесцельное учение имеет в виду готовить дитя к жизни; а ничто не может быть важнее в жизни, как уметь видеть предмет со всех сторон и в среде тех отношений, в которые он поставлен» [Ушинский 1906: 28]. При этом приемы, используемые педагогом при работе с текстом, до сих пор приветствуются учителями-словесниками: это предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания, рассказ по картинке и т. п. Например, в теме «Животные травоядные и плотоядные» перед текстом «Лиса и кролик» даются вопросы: «Кто ест траву? Кто ест мясо?» [Ушинский 1895: 39]. После текста «Ласточка» дается вопрос: «Как живет ласточка и как курица?» Далее следует план хозяйственных построек и задание: «Расскажите, что начерчено на этом плане?» [Ушинский 1870: 64–65]. После текста «Сапожник» следуют задания: «Назовите

все части сапога. Расскажите, из чего и как его сшили» [Там же: 72–73].

Отметим, что К. Д. Ушинскому удалось создать не просто учебники для начальной школы, а *учебно-методические комплексы*, включающие учебник, учебное пособие и рекомендации педагогам — «ряд таких педагогических указаний по первоначальному обучению, таких гуманных идей по воспитанию, согретых такою бескорыстной любовью к русским детям» [Памяти... 1896: 114–115].

Введение в современной школе предметов «Родной язык (русский)» и «Родная литература (русская)» является неопровержимым подтверждением того, насколько актуальны и востребованы сегодня педагогические взгляды и идеи К. Д. Ушинского, насколько важно обращать особое внимание на **роль отечественного языка** как «удивительного педагога», «народного наставника», дающего возможности естественным путем сформировать представления о жизни.

Подготовка нового педагога — гуманиста и антрополога

Новые педагогические идеи и подходы должны были быть реализованы, по мнению Ушинского, только подготовленными специалистами, профессионалами.

Специальную подготовку педагогов К. Д. Ушинский признавал одним «из самых важных вопросов государства» [Памяти... 1896: 50]. Благодаря его идеям, наставлениям и его живому участию, в России появились педагогические классы в средних женских учебных заведениях. С полным правом мы сегодня можем сказать, что во многом именно стараниями К. Д. Ушинского открылась возможность получения общего и педагогического образования для женщин, которых до этого учили «чему-нибудь и как-нибудь». По мнению просветителя, в русской женщине необходимо развивать способность и умение заниматься обучением и воспитанием своих детей. «Я желал бы, чтобы русская женщина, испытав глубокое наслаждение самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого положения никому без крайней необходимости» [Там же: 114–115].

Вторым уровнем педагогического образования стали учительские семинарии — специальные профессиональные учебные

заведения как для мужчин, так и для женщин. И наконец, К. Д. Ушинский обосновал создание специальных (антропологических) факультетов в университетах, которые бы готовили квалифицированных преподавателей для средней и высшей школы. К сожалению, последний уровень педагогического образования так и остался проектом, который смогли реализовать в России только после 1917 г.

К. Д. Ушинский признавал, что у педагога, который будет руководить процессом образования нового поколения детей, должно быть хорошее общее образование, педагогическая, психологическая, методическая и практическая подготовка.

И, несомненно, особое значение приобретает тот факт, что еще в середине XIX в. К. Д. Ушинский обосновал **сущность педагогического образования как антропологической науки** — науки, изучающей прежде всего человека. Отметим, что он рассматривал педагогику не как некую «синтетическую науку» [Гончаров 1974: 69], которая вбирает в себя совокупность знаний о человеке, а науку, которая применяет системный подход в воспитании человека, т. е. учитывает всю целостность умственных, нравственных и физических возможностей личности. Таким образом, педагогическая наука требует многосторонних знаний о человеке: «Искусство воспитания имеет ту особенность, что всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже — делом легким, — и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком теоретически и практически. Почти все признают, что воспитание, требует терпения; некоторые думают, что для него нужны врожденная способность и умение, то есть навык; но весьма немногие пришли к убеждению, что, кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще и специальные знания...» [Ушинский 1950: 11].

Этот подход остается актуальным и важным и в настоящее время, когда мы рассуждаем о проблемах персонализации обучения, гуманизации образования и поиске инновационных подходов в педагогической деятельности.

По мнению К. Д. Ушинского, педагог должен понимать душу ребенка во всех ее проявлениях. Велика роль и самой личности учителя, педагога, наставника:

«В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Преподаватель должен иметь необыкновенно много нравственной энергии, чтоб не уснуть под убаюкивающее журчанье однообразной учительской жизни» [Ушинский 1895: 46]. И этот манифест «персоналистической педагогики» особенно актуален в наши дни.

Выводы. Если анализировать педагогические идеи и оценивать вклад К. Д. Ушинского в развитие русской школы, то трудно выделить в его педагогической системе что-то главное и что-то второстепенное. На наш взгляд, самая большая заслуга великого педагога заключается в том, что он открыл в научной парадигме XIX в. особую «педагогическую область» — представил **педагогику** как *самостоятельную прикладную науку*, на основе которой должна быть построена **«русская школа»**, а сам остался в истории образования как «самобытный», типично **русский педагог**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Н. К. Педагогическая система К. Д. Ушинского. М.: Педагогика, 1974. 270 с.
2. Груздев М. В., Новиков М. В. Дата рождения К. Д. Ушинского: завершение дискуссии // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-8-15>.
3. Иванов А. Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле: Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль: Кн. изд., 1963. 492 с.
4. Модзалевский Л. Н. О народном воспитании по Ушинскому // Памяти Константина Дмитриевича Ушинского: по случаю 25-летия кончины К. Д. Ушинского. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. 212 с.
5. Памяти Константина Дмитриевича Ушинского: по случаю 25-летия кончины К. Д. Ушинского. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1896. 212 с. [Памяти... 1896].
6. Покровский С. П. Демидовский лицей в его прошлом и настоящем. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1914. 330 с.

7. Руководство к преподаванию по «Родному слову». Часть 1 (Приложение к первому и второму году «Родного слова») / сост. К. Д. Ушинский. 23-е изд. СПб.: типография М. Меркушева, 1906. 100 с. [Ушинский 1906].

8. Ушинский К. Д. Лекции в Ярославском лицее [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/u/ushinskij_k_d/text_0047.shtml (дата обращения: 17.11.2022).

9. Ушинский К. Д. Педагогические статьи 1857–1861 гг. // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 2. М.; Л.: АПН РСФСР, 1948. 665 с.

10. Ушинский К. Д. Родное слово для детей младшего возраста. Год второй. Вторая после азбуки книга для чтения, с картинками в тексте. 9-е изд. СПб.: типография Ф. С. Сушинского, 1870. 168 с.

11. Ушинский К. Д. Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения, с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте. 102-е изд. СПб., 1895. 112 с.

12. Ушинский К. Д. Родное слово. Книга для детей и родителей. Новосибирск: Дет. лит., 1994. 422 с.

13. Ушинский К. Д. Родное слово: книга для детей и родителей / сост. Н. Г. Ермолина. Новосибирск: Мангазея; Детская литература (Сибирское отделение), 1997. 447 с.

14. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт человеческой антропологии // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 11 т. Т. 8. М.; Л.: АПН РСФСР, 1950. 774 с.

15. Федорова О. Дневники К. Д. Ушинского // Аврора. 2018. № 5. С. 161–174 [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/pdf/Aurora/2018_05/18.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

REFERENCES

1. Goncharov N. K. The pedagogical system of K. D. Ushinsky. Moscow: Pedagogy, 1974. 270 p. (In Russ.)
2. Gruzdev M. V., Novikov M. V. K. D. Ushinsky's date of birth: completion of discussion. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(1):8–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-8-15>.
3. Ivanov A. N. Konstantin Dmitrievich Ushinsky in Yaroslavl: Research and documents on scientific, pedagogical and literary activities. Yaroslavl: Publ. house, 1963. 492 p. (In Russ.)
4. Modzalevsky L. N. About public education according to Ushinskiy. *Pamyati Konstantina Dmitrievicha Ushinskogo: po sluchayu 25-letiya konchiny K. D. Ushinskogo: sbornik statei = In memory*

of Konstantin Dmitrievich Ushinsky: on the occasion of the 25th anniversary of the death of K. D. Ushinsky: collection of articles. Saint-Petersburg: Partnership "Public Benefit", 1896. 212 p. (In Russ.)

5. In memory of Konstantin Dmitrievich Ushinsky: on the occasion of the 25th anniversary of the death of K. D. Ushinsky: collection of articles. Saint-Petersburg: Partnership "Public Benefit", 1896. 212 p. [In memory... 1896]. (In Russ.)

6. Pokrovsky S. P. Demidov lyceum in its past and present. Yaroslavl: Printing house of the Provincial government, 1914. 330 p. (In Russ.)

7. A guide to teaching on the native word. Part 1 (Supplement to the first and second years of the "Native Word") (23rd ed.). Compiled by K. D. Ushinsky. Saint-Petersburg, Printing house of M. Merkushev, 1906. 100 p. [Ushinsky 1906]. (In Russ.)

8. Ushinsky K. D. Lectures at the Yaroslavl lyceum [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/u/ushinskij_k_d/text_0047.shtml (accessed: 17.11.2022). (In Russ.)

9. Ushinsky K. D. Collection of works: in 11 vol. Vol. 2: Pedagogical articles 1857–1861. Moscow; Leningrad: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1948. 665 p. (In Russ.)

10. Ushinsky K. D. Native word for young children. Year two. The second after the ABC book for

reading, with pictures in the text (9th ed.). Saint-Petersburg: Printing house of F. S. Sushchinsky, 1870. 168 p. (In Russ.)

11. Ushinsky K. D. Native word for young children. Year one. ABC and the first reading book after the ABC, with copybooks, samples for initial drawing and pictures in the text (102nd ed.). Saint-Petersburg, 1895. 112 p.

12. Ushinsky K. D. Native word: a book for children and parents. Novosibirsk, Children literature, 1994. 422 p. (In Russ.)

13. Ushinsky K. D. Native word: a book for children and parents. Compiled by N. G. Ermolina. Novosibirsk, Mangazeya; Children literature (Northern department), 1997. 447 p. (In Russ.)

14. Ushinsky K. D. Collection of works: in 11 vol. Vol. 8: Man as an object of education. The experience of human anthropology. Moscow; Leningrad: Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1950. 774 p. (In Russ.)

15. Fedorova O. Diaries of K. D. Ushinskiy. Aurora. 2018;5:161–174. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Любовь Геннадьевна Антонова, доктор педагогических наук, профессор

Жанна Константиновна Гапонова, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и культуры

Анна Борисовна Тишко, кандидат педагогических наук, доцент

Lyubov G. Antonova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Zhanna K. Gaponova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Dean, Faculty of Russian Philology and Culture

Anna B. Tishko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 23.11.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 23.11.2022.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>

Семантическая оппозиция «чан»/«чаша» в творчестве М. М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения)

Игорь Сергеевич Урюпин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, is.uryupin@mpgu.su;
isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Аннотация. В статье, посвященной 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина, рассматривается семантическая оппозиция «чан»/«чаша», носящая ярко выраженный лейтмотивный характер, выступающая одним из конструктивных элементов формирования авторского мета- и сверхтекста. На материале художественного, публицистического, документально-дневникового наследия писателя выявляются мотивно-образные универсалии, архетипы, константы, обладающие значительным мифосуггестивным потенциалом. Цель статьи – представить широкий спектр семантических коннотаций и формально-содержательных вариаций концептов «Чаша» и «Чан» в творчестве М. М. Пришвина, установить их системные связи на разных уровнях тексто- и смыслопорождения как в синтагматическом, так и в парадигматическом аспектах. Для реализации указанной цели использовались структурно-семантический, когнитивно-функциональный, историко-генетический методы исследования литературного текста в аксиологической парадигме современной филологии. Социокультурный, религиозно-философский и историко-литературный контексты, привлекаемые для анализа смыслообразов (эйдосов) «чаша», «чан», для их сопоставления и противопоставления, актуализируют смысловые пласты, позволяющие реконструировать авторский миробраз/авторскую картину мира и – шире – авторское сознание, отражающее не только индивидуальный опыт художника в познании микро- и макрокосма, но и духовно-мировоззренческие искания русской интеллигенции, пережившей в XX в. череду страшных испытаний, погрузившейся в «чан» страстей и испившей чашу страданий и искупления грехов.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, семантическая оппозиция, чан, чаша, «мирская чаша», эйдос, мотивно-образный комплекс, универсалия, концепт

Для цитирования: Урюпин И. С. Семантическая оппозиция «чан»/«чаша» в творчестве М. М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 35–42. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Semantic opposition "vat"/"chalice" in M. M. Prishvin's works (to the 150th anniversary of the birth)

Igor S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, is.uryupin@mpgu.su, isuryupin78@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Abstract. The article considers the semantic opposition "vat"/"chalice", which has a strongly pronounced leitmotif character and is one of the constructive elements in the formation of the author's meta- and supertext. Drawing on the material of M. M. Prishvin's artistic, journalistic, documental and diary legacy, I reveal the motif-figurative universals, archetypes, constants which have significant mytho-suggestive potential. The paper aims to present a wide range

of semantic connotations and formal and content variations of the "Chalice" and "Vat" concepts in M. M. Prishvin's writings. Another objective is to establish the systemic relations between these concepts at different levels of text and meaning generation focusing on both syntagmatic and paradigmatic aspects. To achieve this goal, I employed structural-semantic, cognitive-functional, and historical-genetic methods of studying a literary text in the axiological paradigm of modern philology. The socio-cultural, religious-philosophical, and historical-literary context is involved in the analysis of the "chalice" and "vat" semantic images (eidos) to compare and contrast them. It actualises the semantic layers that make it possible to reconstruct M. M. Prishvin's picture of the world and, more broadly, the author's consciousness. The latter reflects not only the artist's individual experience of cognising the micro- and macrocosm, but also the spiritual and world-view quest of the Russian intelligentsia that endured a series of terrible ordeals in the 20th century. Russian intellectuals immersed in the "vat" of passions and drank the chalice of suffering and atoning for sins.

Keywords: M. M. Prishvin, semantic opposition, vat, chalice, "worldly chalice", eidos, motif-figurative complex, universal, concept

For citation: Uryupin I. S. Semantic opposition "vat"/"chalice" in M. M. Prishvin's works (to the 150th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):35–42. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>.

Введение. Размышляя о феномене М. М. Пришвина, укорененного не просто в «земле» — как стихии и почве и поверхности», но в самой «При-Роде, рождающей Жизнь», Г. Д. Гачев обратил внимание на то, что «мысль-смысл и голос-логос» [Гачев 2006: 208] писателя при всем его «геоцентризме» в познании микро- и макрокосма устремлены далеко от земли в сферу Духа. Весь парадокс художественного видения мира писателя состоит в том, что сам объект изображения в его произведениях кажется отнюдь не самоцелью, а лишь средством, намеком на что-то «другое», «совершенно новое и еще неведомое, неназванное» [Пришвин 1982, 2: 139].

Пришвинский текст, обладая особой социокультурной и мифологической суггестивностью, по своему идейно-философскому наполнению оказывается настолько емким, что вбирает в себя объем содержания (в том числе невербализованного), какой не способна вместить исключительно словесная форма. Отсюда очевидная асимметрия знака и значения в художественном дискурсе М. М. Пришвина, порожаемая самим типом поэтического мышления, проявляющегося через «авторскую метафору», выступающую «результатом индивидуального восприятия картины мира, преломления объективной действительности через призму языковой личности» [Туралина 2007: 103]. Пришвинская метафора преодолевает границы слова, реализуя свой ассоциативно-когнитивный потенциал в «поликомпонентном контексте» либо в «сверхконтексте, представляющем собой сверхфразовое единство»

[Туралина 2008: 119], в котором «движение мысли» не ограничивается синтаксически, а «предложения логически вытекают одно из другого, формируя текст» [Марченко 2003: 26] и далее — метатекст всего творчества писателя.

Организуя этот метатекст нарративная структура включает в себя совокупность универсалий и констант, принципиально важных для авторского мировидения, вступающих между собой в особые семантические отношения (сопоставления, противопоставления, тождества). К числу таких базовых концептов, приобретающих в произведениях М. М. Пришвина статус смыслообразов (эйдосов), относятся «Чан» и «Чаша», которые образуют в художественной системе писателя устойчивую культурно-семиотическую оппозицию, носящую лейтмотивный характер. Е. Ю. Кнорре, анализируя повесть писателя «Мирская чаша», заметила, что через «символическое сопоставление двух "сосудов"» «Пришвин противопоставляет два облика мира»: «кипящий чан "черного передела" земли русской» и «"мирскую чашу" искупления» [Кнорре 2021: 51] грехов «мира», актуализируя чрезвычайно важную для русского духовного (само)сознания оппозицию *война/мир*.

Хаос бурлящей жизни, в которой все борются против всех, ассоциировался у М. М. Пришвина с «чаном» — котлом, «кадищем большого размера»¹, вызывавшим

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Н–V. М.: ТЕРРА, 1995. С. 581.

в воображении писателя inferнальные образы ада/преисподней, где мучаются грешники, расплачиваясь за свои земные страсти, в то время как «чаша», напротив, выступала священным атрибутом религиозных таинств, сакрализовавших страдания и освещавших бытие человека. *Чан* и *чаша*, несмотря на то что сами эти слова при общем звуко-символическом облике в русском языке не являются родственными (*чан*, согласно М. Фасмеру, «восходит к древнерусскому дышанъ “дошачый”»², а *чаша* — к «праславянскому *čáša* — «кубок»³), в творчестве М. М. Пришвина оказываются включены в единую философско-эстетическую и мировоззренческую парадигму, реализуя свой смысловой потенциал в духовно-культурном «сверхконтексте» русской литературы XX в.

Анализ. Впервые образ чана в его символическом значении появляется у М. М. Пришвина в очерке «Круглый корабль», опубликованном в «Русских ведомостях» в 1911 г., в пору напряженных нравственно-этических исканий писателя, посещения им заседаний Религиозно-философского общества в Петербурге, знакомства с идеями и духовной практикой членов секты «Голгофское христианство». На одном из собраний общества внимание М. М. Пришвина привлёк странный русский купец, бросивший «свое положение, семью» и скитающийся по лесам и степям «в поисках истинного бога» [Пришвин 1982, 1: 792]. «Ехидно, как настоящий сатир», и вместе с тем экзальтированно и страстно, «как пророк», охваченный священным трепетом и религиозным наитием, он обрушился с резкой критикой в адрес интеллигенции, искавшей Бога как отвлеченную абстракцию, нравственный Абсолют, в то время как простой русский народ никогда не утрачивал *чувство* «живого Бога» — реального Спасителя и Утешителя в бедах и страданиях. А потому, говорил «пророк-сатир», раскрывая свой собственный опыт погружения в океан народной веры, нужно презреть интеллектуальную гордыню и раствориться в архаической массе: «...вы, интеллигенты, должны так умереть и воскреснете с нами»;

«Посмотрите на всех нас, как мы в рабстве познали друг друга, мы как в чану выварились»; «Бросьтесь в чан и получите веру и силу» [Пришвин 1982, 1: 793].

Однако никто из «вождей религиозно-философского движения» «не пожелал броситься в чан» [Там же]. «Забыть свою личность и броситься в чан» [Там же: 794] для русской интеллигенции было равносильно самоубийству, но вместе с тем и тому крестному подвигу, на который отваживались некоторые представители «мыслящего сословия», вставшие на путь духовного «опрошения», отказавшиеся от соблазнов цивилизации во имя истины, нерелексивно открытой простым народом задолго до его обращения в официальное христианство. Русская интеллигенция в порыве «народопоклонства» еще в конце XIX — начале XX в. осознавала необходимость самопожертвования и даже была готова принять «трагедию чана» [Там же: 793], растворившись в «богоносной» стихии крестьянского мира (космоса), но события революции 1917 г. обнажили «звериное» (апокалиптическое) лицо народа, испугавшее его «заступников» и «просветителей» из числа «образованного класса».

В повести М. М. Пришвина «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922) сам образ народа связывается «с фантастическим образом “чана”» [Святославский 2019: 60], в котором «вертятся и крутятся черные люди со всем своим скарбом вонючим и грязным, не разуываясь, не раздеваясь, с портянками, штанинами, там лапоть, там юбка, там хвост, там рога, и черт, и бык, и мужик, и баба варит ребенка своего в чугуне, и мальчик целится отцу своему прямо в висок» [Пришвин 1982, 2: 515–516]. Вся эта вакханалия «называется *мир*» (курсив М. М. Пришвина. — И. У.) [Там же: 516]. «Огромный кипящий чан, заваренный богем черного пердела русской земли» [Там же: 515], выступает символом революционного миротворения, нового бытия, возникающего из адской бездны, из «черной дыры», которая «нас всех проглатывает», и «мы все летим в этот чан, фабрики, равенство, наука, социализм» и т. д. [Пришвин 1982, 2: 519]. Однако, как всякий амбивалентный, многозначный образ, чан оказывается универсалией, аккумулирующей в себе диаметрально противоположные

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: Т–яшур. М.: Прогресс, 1987. С. 314.

³ Там же. С. 320.

смыслы, визуализируя и хаос, и космос одновременно. Та же универсалия является сюжетообразующей и в очерке М. А. Булгакова «Столица в блокноте» (1922–1923), в котором появляется образ котла, «в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться», «рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет» [Булгаков 1995: 224].

Новый мир, порожденный революцией, и М. М. Пришвину, и М. А. Булгакову виделся результатом переплавки старого материала в горниле Истории. Об этом не раз размышляли в своих дневниках оба писателя [Урюпин 2008]. В пришвинских записях в разные годы возникает образ «Чана истории» [Пришвин 1986, 8: 331], в который приходится бросаться, чтобы, преобразившись, не потерять себя в современности. «Личность в русской истории, — замечал М. М. Пришвин 16 сентября 1946 г., — мне представляется, стоит всегда перед искушением во имя общего блага броситься в некий чан» [Там же: 480]. В свое время А. А. Блок «стоял у края чана секты Легкобытова», «пророка» и духовного лидера хлыстовской общины «Новый Израиль», и «вождь секты искушал его: “Бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем народа”» [Там же: 481]. Почти десятилетие спустя, 31 января 1953 г., М. М. Пришвин вернулся к своим раздумьям о «чане Истории», противопоставив А. А. Блоку, не желавшему «броситься в чан», В. В. Маяковского: «Нашелся такой поэт, что бросил себя и даже наплевал на себя... И бросился в чан» [Там же: 627]. «Вот так надо и нам: настоящее “слово правды” требует решения: умереть в горе, как Блок, или броситься в чан, как Маяковский» [Там же]. А ведь еще в середине 1940-х гг. Ляля (так писатель называл В. Д. Лебедеву, ставшую его женой, музой и Прекрасной Дамой, вдохновлявшей на творчество) в разговоре о «чане» вспоминала Конька-Горбунка П. П. Ершова: «...помнишь, он бросился в чан кипящий и остался невредим, а царь бросился по его примеру и сварился. Эта сказка обещает нам бессмертие личности» [Там же: 481].

Вообще само выражение *броситься в чан*, имеющее фразеологический характер, обладает признаком «языковой неоднозначности», «семантической диффузии» — способности «иметь различные

смыслы» и реализовывать «одновременно несколько лексико-семантических вариантов» [Власова 2014: 128–129]. «Принцип диффузности значений многозначного слова, — утверждал Д. Н. Шмелев, — является решающим фактором, определяющим его семантику» [Шмелев 1973: 95]. В пришвинском дискурсе *броситься в чан* означает в одно и то же время и *погрузиться в бездну*, *раствориться в небытии*, и *преобразиться*, *обновиться* — иными словами: *умереть и воскреснуть*. Негативная и позитивная коннотация слова *броситься*, проступающая во фразеологизме *броситься в омут* — «безрассудно решиться на какой-либо смелый, отчаянный поступок»⁴ — в произведениях писателя воплощается буквально: более того, *омут* в своей глубинной мифосемантике отождествляется с *чаном*. Даже в рассказе М. М. Пришвина «Олень-цветок», вошедшем в книгу «Золотой Рог» (1934), автор, описывая китайский театр, погружается в его фантазмагорический мир, как в омут: войти в него — «все равно, что спуститься в чан с человеческого потом, но спустя некоторое время почему-то становится ничего и почти очень хорошо» [Пришвин 1983, 8: 503].

Чан как вмес­ти­ли­ще *человеческого пота, крови, слез* — всего того, во что *выливается* человеческая жизнь и что собира­ется в священном сосуде на суд вечности, в творческом сознании М. М. Пришвина неразрывно связывался и даже нередко отождествлялся с другим сакральным сосудом — чашей. В «Очерках Выговского края» с поэтическим названием «В краю непуганых птиц» (1907) писатель, представляя во пленицу Максимовну, «истолковательницу чужого горя», замечал: «Чтобы понимать чужое горе, нужно было выпить до дна полную чашу своего собственного» [Пришвин 1982, 1: 79]. Чаша, наполненная горем, и чан страстей и страданий в творчестве М. М. Пришвина, по утверждению В. Д. Пришвиной, оказываются символическим воплощением самой жизни: «Испить ее как чашу — значит делом войти в истинную жизнь» [Пришвина 1981: 90].

⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. С. 44.

«Чаша — это образ единства, связи и взаимной ответственности всех людей и всех народов на земле» [Пришвина 1982: 40]. Философский объем концепта «Чаша» неизмеримо больше, чем семантический потенциал лексемы *чан*, поскольку он вбирает в себя весь комплекс ассоциаций от бытовой до бытийной сферы, реализуя художественную диалектику «вещи» и «вечности» на всех уровнях художественного осмысления действительности.

Буквальный, предметный план образа чаши становился основой метафорического воплощения М. М. Пришвиным природных объектов в произведениях, посвященных загадкам «русского леса» (например, *лесная чаша* в рассказе «Старый гриб» (1945) или *приствольные чаши* в книге миниатюр «Глаза земли» (1951) и романе «Осударева дорога» (1933–1952), в которых художником воссоздаются картины весеннего обновления жизни через вечный круговорот воды, множеством ручейков стекающей с небес на землю в материнское лоно, рождающее мир и напоминающее чашу).

Чаша как священный сосуд, неизменно ассоциирующийся с образом Святого Грааля, который, по утверждению А. Н. Веселовского, «питает и исцеляет» «кровью Спасителя» человечество, наполняя его жизненной силой [Веселовский 1896: 37], в творчестве М. М. Пришвина становится метафорой «жизненного круга», воплощенной в природном и культурном ареале. Не случайно с чашей сравнивает писатель иератические локусы на земле, актуализируя «универсальный пространственный символ — круг» [Морозова 2018: 28]. В повести «У стен града невидимого (Светлое озеро)» (1909), посвященной таинственному Китежу, не покорившемуся монголо-татарскому нашествию и погрузившемуся в воды Светлояра, особенно почитаемому старообрядцами, автор прямо замечает: «Светлое озеро — *чаша святой воды* в зеленой зубчатой раме» [Пришвин 1982, 1: 79]; в повести «Славны бубны» (1913) описывается бывшая столица Крымского ханства Бахчисарай, что «лежит в *каменной чаше*», в которую устремляются мусульманские паломники: «один чалмоносный путник с длинным посохом спешит, чтобы до заката увидеть город, услышать муэдзина и помолиться на краю *каменной чаши*» [Пришвин

1982, 1: 562]; в рассказе «Тютенькин лог» (1910) представлена легенда о «Чертовом Городище» — «диком месте», где «есть *громные чаши*, молотки, скамьи, фигуры людей и животных, какие-то высокие стены — все будто окаменелый и разрушенный город» [Там же: 679].

Сакральная семантика образа чаши, восходящего к ключевой евангельской сцене моления Иисуса Назарянина в Гефсиманском саду накануне Его крестного подвига, достигает своего наивысшего художественного воплощения в автобиографической прозе М. М. Пришвина, главным героем которой, Михаил Алпатов, выступающий alter ego самого автора, обращается к Богу со словами Христа, готового принять муки во имя искупления грехов человечества. В книге «Календарь природы» (1935), вспоминая «мучительные минуты далеких гимназических времен», когда писатель только входил «в мир» и сдавал экзамены (в буквальном и метафорическом смысле) на понимание суровых законов жизни, он «по-настоящему молился: “Да минует меня чаша сия”» [Пришвин 1983, 3: 367]. В романе «Кашеева цепь» (1923–1927) герой-художник, рано осознавший свое призвание «украсить наш путь, чтобы несчастные забыли тяжесть своего креста», *трижды* в самые «узловые» моменты своей жизни обращается к «той молитве, где страдающий бог выпрашивает себе у старшего бога кусочек маленького человеческого счастья: “Да минует меня чаша сия”» [Пришвин 1982, 2: 213]. «Я художник и служу тому, кто украшает мир так, что и сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: “Да минует меня чаша сия!”» [Там же: 349]. Эти же слова с немногими вариациями повторяет писатель, отдавший искусству свой талант, физическую и духовную энергию, выражая жизненное кредо, которое, кристаллизовавшись в сознании еще в юные годы, на протяжении десятилетий давало силы преумножать Добро и бороться со злом: «Я художник и служу красоте так, что и сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: “Да минует меня чаша сия”. Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли свой зимний крест и дождались новой весны» [Пришвин 1982, 2: 446].

«Мольба о Свете природном среди темной холодной зимы и о Свете метафизическом, Свете невечернем», по замечанию

Н. В. Борисовой [Борисова 2015: 33], становится лейтмотивом повести «Мирская чаша», в которой *личная* история Алпатова, «история страдания сознательной личности», «есть история России», осмысляемая писателем во вневременном, библейском измерении. Отсюда художественные проекции революционной эпохи на евангельские события, когда «сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу» [Пришвин 1982, 2: 486], ему вторил автобиографический герой М. М. Пришвина, готовый «испить до конца всю эту *чашу мирскую*» [Там же: 517], а библиотекарю Савину ночью открылась завеса тайны, и во сне он увидел «свою собственную душу», «как чашу, из нее пили, ели и называли эту душу МИР-СКОЮ ЧАШЕЙ» [Там же: 555] (выделено М. М. Пришвиным. — И. У.). Ключевой эпизод повести оказался опытом духовного прозрения самого автора, отмечавшего в дневнике 21 февраля 1919 г.: «Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей — *мирская чаша...*» [Пришвин 1983, 8: 117]. Эпитет *мирской*, настойчиво повторяемый писателем по отношению к священному сосуду, в котором евхаристически претворяется вино (сок земной жизни) в кровь Спасителя (квинтэссенцию небесного Абсолюта), вызывает эффект оксюморона, реализующийся через заглавие повести в мотивной и сюжетно-образной структуре произведения, сопрягая «высокое и низкое, чистое и порочное, божественное и человеческое» [Поджио 2004: 218] в самом акте революционного миротворения.

Вообще в творчестве М. М. Пришвина выражение *мирская чаша* становится символом испытаний, которые провиденциально даны человеку, приходящему в «мир» в его роковые минуты — в период революций, катаклизмов, войн. В «Повести нашего времени» (1944–1946), написанной в годы Великой Отечественной войны, писатель признавался: «...все пьют *мирскую чашу страданий*» [Пришвин 1983, 5: 149]; и сам он «держался в краях чаши, испиваемой всем народом» [Там же: 151].

Амбивалентность образа чаши и противоречивость самой жизни человека «в мире» преподносятся писателем как непреложный факт, который нужно смиренно принять: так, например, в рассказе «Химик»

(1913) механик Иван Алексеевич научил автора-повествователя в *двойственности* вещей и явлений постигать подлинную суть бытия: «Терпишь, смотришь, узнаешь и видишь, что вот все было худое, а стоит разобраться — и видишь, что худое было к лучшему» [Пришвин 1982, 2: 573]. В этом мире все *двойко*, и даже «*чаша терпения*» пьется горько, а выходит сладко» [Там же: 573]. В творческом сознании М. М. Пришвина единая *мирская чаша*, вбирающая в себя диаметрально противоположные онтологические начала, постепенно *раздваивается*, и рождается образ вселенских весов, представляющих собой «коромысло с двумя чашами “жизни” и “легенды”» [Пришвин 1983, 8: 176]. На исходе 1926 г., в дневниковой записи от 31 декабря появилось «специальное пожелание», которое писатель адресовал не только себе, но и всему миру: чтобы «*чаша легенды* уравнилась с жизнью» [Там же].

Выводы. «Чаша жизни» в творчестве М. М. Пришвина — это символ самого «земного бытия», «до краев» наполняющего «счастьем и печалью» [Жаткин 2006: 12] не только отдельную человеческую душу, но и «мировую душу» всей природы. *Чаша* в художественной философии писателя выступает прообразом вечности, священным сосудом, бережно хранящим евхаристический *дар* Божий каждому творению, в то время как *чан* оказывается воплощением времени, сиюминутных страстей и порывов, клочущего «варева», из которого рождается «этот ужасный напиток», что горит «синем пламенем», причащая народ «горькой и подчас веселой судьбе» [Пришвин 1982, 2: 515, 516].

Семантическая оппозиция «чаша»/«чан», выступающая одним из лейтмотивов творчества М. М. Пришвина, актуализирует широчайший спектр культурно-философских ассоциаций, которые формируют многомерное художественно-смысловое пространство русской литературы XX в., всесторонне отразившей духовно-религиозные, идейно-политические и эстетические процессы национального самосознания, напряженного поиска русской интеллигенцией аксиологических констант всеобщего и индивидуального бытия Человека в Природе и Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В. «Мирская чаша» М. Пришвина: моление о Свете // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 8-1(50). С. 31–33.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Дьяволиада. М.: Голос, 1995. 464 с.
3. Веселовский А. Н. Сказания о Вавилонѣ, скинии и св. Гралѣ. Нѣсколько материалов и обобщений // *Сборник отдѣлення русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ*. СПб., 1896. Т. LXI V, № 6. С. 1–48.
4. Власова Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 1, № 2. С. 128–132.
5. Гачев Г. Д. Пришвин // Национальный и региональный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И. А. Бунин, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. С. 207–215.
6. Жаткин Д. Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // *Русская речь*. 2006. № 1. С. 9–13.
7. Кнорре Е. Ю. Война как отрицательное откровение: грааль М. Пришвина и С. Булгакова // *Вестник РГГУ. Серия: Философия, социология, искусствоведение*. 2021. № 4(28). С. 44–60. <http://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-44-60>.
8. Марченко Е. П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2003. 250 с.
9. Морозова М. Х. Мифологическая семантика образа озера Светлояр в очерке М. Пришвина «У стен града невидимого» // *Филоlogos*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2018. № 3(38). С. 26–30.
10. Поджио В. Образ чаши в повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» // *Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых*. М.; Ярославль: МПГУ–Ремдер, 2004. С. 216–220.
11. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982–1986: Т. 1: Произведения 1906–1914. 830 с.; Т. 2. Кашеева цепь; Мирская чаша; Произведения 1914–1923 годов. 1982. 679 с.; Т. 3: Произведения 1924–1935 годов. 1983. 542 с.; Т. 4: Произведения 1932–1944 годов. 1983. 734 с.; Т. 5: Лесная капель; Рассказы о ленинградских детях; Повесть нашего времени; Кладовая солнца; Произведения 1938–1953 годов. 1983. 486 с.; Т. 8: Дневники, 1905–1954. 1986. 759 с.

12. Пришвина В. Д. Круг жизни. Очерки о М. М. Пришвине. М.: Художественная литература, 1981. 239 с.

13. Пришвина В. Д. О Михаиле Михайловиче Пришвине // *Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 5–40*.

14. Святославский А. В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект. М.: МПГУ, 2019. 160 с.

15. Туралина Н. А. Словарь метафорических образов М. Пришвина: опыт создания // *Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. Вып. 14: Филологическая серия (3). С. 103–104*.

16. Туралина Н. А. Метафорическое видение мира в художественном дискурсе М. Пришвина // *Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 116–119.

17. Урюпин И. С. Январь – февраль 1922 года в дневниках М. М. Пришвина и М. А. Булгакова // *Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 71–75.

18. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

REFERENCES

1. Borisova N. V. "Secular bowl" by M. Prishvin: the prayer for light. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2015;8-1(50):31–33. (In Russ.)
2. Bulgakov M. A. Collection of works: in 10 vol. Vol. 1: Diaboliad. Moscow: Voice, 1995. 464 p. (In Russ.)
3. Veselovsky A. N. Legends about Babylon, the tabernacle and St. Grail. Several materials and generalizations. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk = Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. Saint-Petersburg, 1896; LXIV(6):1–48. (In Russ.)
4. Vlasova L. V. Semantic diffusion, semantic ambiguity: conception definitions. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014;1(2):128–132. (In Russ.)
5. Gachev G. D. Prishvin. *Natsionalnyi i regionalnyi "Kosmo-Psikh-Logos" v khudozhestvennom mire pisatelei russkogo Podstepya (I. A. Bunin,*

E. I. Zamyatin, M. M. Prishvin): *nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy, dokumenty* = *National and regional "Cosmo-Psycho-Logos" in the artistic world of the writers of the Russian Steppe* (I. A. Bunin, E. I. Zamyatin, M. M. Prishvin): *scientific reports, articles, essays, notes, theses, documents*. Elets: EGU named after I. A. Bunin, 2006. P. 207–215.

6. Zhatkin D. N. "Cup of Life" in Russian poetry. *Russkaya rech* = *Russian Speech*. 2006;1: 9–13. (In Russ.)

7. Knorre E. Yu. War as a negative revelation: the Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, iskusstvovedenie* = *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2021;4:44–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-44-60>.

8. Marchenko E. P. Polypredicative compound sentences in modern Russian: structural-semantic, communicative and text-forming potentials. Krasnodar: Kuban State University, 2003. 250 p.

9. Morozova M. Kh. Mythological semantics of the image of lake Svetloyar in M. Prishvin's "U sten grada nevidimogo". *FILOLOGOS*. 2018;3: 26–30. (In Russ.)

10. Podzhio V. The image of the bowl in the story of M. M. Prishvin "Worldly bowl". *Filologicheskaya nauka v XXI veke: vzglyad molodykh* = *Philological science in the 21st century: the view of the young*. Moscow; Yaroslavl: MPSU–Remder, 2004. P. 216–220. (In Russ.)

11. Prishvin M. M. *Collected works: in 8 vols.* Moscow: Fiction, 1982–1986: vol. 1: Works 1906–1914. 830 p.; vol. 2: Kashcheev chain; Worldly bowl; Works 1914–1923. 1982. 679 p.; vol. 3: Works 1924–1935. 1983. 542 p.; vol. 4: Works 1932–1944. 1983. 734 p.; vol. 5: Forest drops; Stories about Leningrad children; The story of our time; Pantry of the sun; Works 1938–1953. 1983. 486 p.; vol. 8: Diaries, 1905–1954. 1986. 759 p. (In Russ.)

12. Prishvina V. D. Circle of life. Essays on M. M. Prishvin. Moscow: Fiction, 1981. 239 p. (In Russ.)

13. Prishvina V. D. About Mikhail Mikhailovich Prishvin. M. M. Prishvin. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 1* = *Collected works: in 8 vols. Vol. 1*. Moscow: Fiction, 1982. P. 5–40. (In Russ.)

14. Svyatoslavsky A. V. Literary text by Mikhail Prishvin: linguo-stylistic aspect. Moscow: MPSU, 2019. 160 p. (In Russ.)

15. Turanina N. A. M. Prishvin's dictionary of metaphorical images: the experience of creation. *Vestnik Eletskego gosudarstvennogo universiteta im. I. A. Bunina* = *Bulletin of Bunin Yelets State University*. 2007;14(3):103–104. (In Russ.)

16. Turanina N. A. Metaphorical vision of the world in the artistic discourse of M. Prishvin. *Mikhail Prishvin: dialogi s epokhoi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* = *Mikhail Prishvin: dialogues with the era: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 135th anniversary of the writer*. Bunin Yelets State University, 2008. P. 116–119. (In Russ.)

17. Uryupin I. S. January – February 1922 in the diaries of M. M. Prishvin and M. A. Bulgakov. *Mikhail Prishvin: dialogi s epokhoi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* = *Mikhail Prishvin: dialogues with the era: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 135th anniversary of the writer*. Bunin Yelets State University, 2008. P. 71–75. (In Russ.)

18. Shmelev D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language). Moscow: Science, 1973. 280 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Сергеевич Урюпин, доктор филологических наук, профессор

Igor S. Uryupin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-43-50>

Таинство творческого начала в человеке и в природе: лингвостилистический анализ «неудавшегося романа» М. М. Пришвина «Журавлиная родина» (к 150-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова

ООО «Наш язык», г. Москва, Россия, frojen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. В статье сделана попытка раскрыть истоки творческого мастерства в понимании М. М. Пришвина на основе лингвостилистического анализа повести «Журавлиная родина». Цель – дать анализ языковых средств «неудавшегося романа» писателя, с помощью которых автор приоткрывает «тайны» творческого начала в человеке и в природе. Для достижения поставленной цели используются лексический и словообразовательный анализ, сопоставительный и интегрирующий методы, методика контекстуально-семантического анализа, позволяющая выявить трансформации смысла отдельных языковых единиц и приоткрыть философскую составляющую художественного произведения в целом. В статье исследуются разные лингвостилистические приемы, с помощью которых писатель раскрывает сущность творчества: прием сопоставления и противопоставления, повтора, сравнения, семантического расширения, обыгрывания устойчивых оборотов, полиноминативности и др. Характеристика номинационного ряда водоросли Клавдофора дает возможность установить интертекстуальные связи произведения и определить символический смысл компонентов текста. Автор статьи приходит к выводу, что в понимании писателя существуют две стороны творческого процесса – техническая и божественная. Первой можно научиться и стать беллетристом. Вторая сторона не поддается объяснению и представляет собой озарение свыше (*книга... падает с неба*).

Ключевые слова: Михаил Михайлович Пришвин, «Журавлиная родина», «неудавшийся роман», Клавдофора, прием противопоставления, номинационный ряд, семантическое расширение, номинации-символы, тайны творчества

Для цитирования: Фролова Е. А. Таинство творческого начала в человеке и в природе: лингвостилистический анализ «неудавшегося романа» М. М. Пришвина «Журавлиная родина» (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 43–50. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-43-50>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The mystery of creativity in man and in nature: a linguo-stylistic analysis of M. M. Prishvin's "failed novel" "Crane Homeland" (to the 150th anniversary of the birth)

Elena A. Frolova

Company "Our Language", Moscow, Russia, frojen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. Based on a linguo-stylistic analysis of the story "Crane Homeland", the article attempts to reveal M. M. Prishvin's concept of creative mastery origins. The research aims to examine those linguistic means of the writer's "failed novel" which enabled M. M. Prishvin to unlock the "secrets" of creativity in man and in nature. To achieve this goal, I used lexical and word-formation analysis, comparative, and integrative methods. Additionally, contextual semantic analysis made it possible to identify the transformations of the meaning of individual linguistic units and reveal the philosophical component of this work of fiction in its entirety. The paper explores various linguo-stylistic devices which allowed the writer to reveal the essence of creativity. These include devices of comparison and contrast, repetition, simile, semantic widening, playing with set phrases, polynomination, and others. The characterisation of the Claudophora algae nomination series permits establishing the intertextual connections of the work as well as determining the symbolic meaning of the text components. The paper concludes that M. M. Prishvin saw two sides of the creative process, namely the technical and the divine. One can learn the former and become a belletrist. The latter defies explanation and is a revelation from Heaven (*a book... falls from the heavens*).

Keywords: Mikhail Mikhailovich Prishvin, "Crane Homeland", "failed novel", Claudophora, antithesis, nomination series, semantic widening, nominations-symbols, creativity secrets

For citation: Frolova E. A. The mystery of creativity in man and in nature: a linguo-stylistic analysis of M. M. Prishvin's "failed novel" "Crane Homeland" (to the 150th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):43–50. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-43-50>.

Введение. Творческий путь Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) — писателя-пейзажиста, поднимавшего «вечные» вопросы и пытавшегося решить философские проблемы, — неоднократно становился объектом исследования критиков и филологов, изучавших процесс творческого развития художника слова, специфику его писательского мастерства, особенности идиостиля.

Детальное исследование творчества М. М. Пришвина началось в конце 50-х гг. XX в. Так, в книге Т. Ю. Хмельницкой «Творчество Михаила Пришвина» (1959) акцентировано внимание на эволюции его идейно-художественных замыслов, их философской направленности и неразрывной связи человека и природы в произведениях писателя [Хмельницкая 1959].

Монографические исследования 60–70-х гг. XX в.¹ в основном представляют собой очерковые заметки о творческом пути М. М. Пришвина и его «этапных» произведениях.

В 80–90-е гг. прошлого века интерес к наследию М. М. Пришвина не ослабевает, свидетельством чему стали регулярные Пришвинские чтения, а также многочисленные статьи и сборники, содержащие воспоминания о писателе, материалы, раскрывающие связь его творчества с русской советской литературой и определяющие место М. М. Пришвина среди писателей-современников².

¹ См.: Хайлов А. Н. Михаил Пришвин. М.: Л.: АН СССР, 1960. 162 с.; Ершов Г. А. Михаил Пришвин. Очерк жизни и творчества. М.: Худ. лит., 1963. 192 с.; Мотышов И. П. М. Пришвин. Критико-биографический очерк. М.: Сов. писатель, 1965. 248 с.; Пахомова М. Ф. Михаил Михайлович Пришвин. Л.: Просвещение, 1970. 128 с.; Шаталова Л. М. Певец добра и красоты: [О М. М. Пришвине]. Кишинев: Штиинца, 1974. 123 с. и др.

² См. работы: Воспоминания о Михаиле Пришвине: сб. / сост. Я. З. Гришина, Л. А. Рязанова. М.: Сов. писатель, 1991. 368 с.; Киселев А. Л. Пришвин и русская литература: нравственно-этические и эстетические аспекты в развитии

В книге В. В. Агеносова «Творчество М. Пришвина и советский философский роман» анализируется романное творчество художника слова с точки зрения рассматриваемой проблематики, системы образов, особенностей построения хронотопа, выявляются типологические связи философской прозы Пришвина с прозой предшественников и современников писателя [Агеносов 1988].

Философская составляющая мира природы также оказывается в центре внимания исследований Т. Я. Гринфельд-Зингурс, Е. А. Яблокова и др.³

На рубеже XX–XXI вв. актуальным стало изучение творчества Пришвина в контексте русской литературы начала XX в.⁴, с позиций христианской культуры⁵, с точки зрения постижения художественной мифологии писателя⁶.

русской литературы. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т., 1983. 134 с.; Пришвин и русские писатели XX века. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1985. 128 с.; Зотов И. А. Человек и природа в творчестве М. Пришвина. М.: Просвещение, 1982. 80 с.; Выходцев П. Об эстетической системе Пришвина // Творчество М. М. Пришвина. Исследования и материалы: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. С. 19–35; Секрет Михаила Пришвина: об эстетической системе художника // Литература в школе. 1984. № 4. С. 10–18 и др.

³ См.: Гринфельд-Зингурс Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 194 с.; Яблоков Е. А. Художественная философия природы (Творчество М. Пришвина и А. Платонова середины 20-х — начала 30-х годов) // Советская литература в прошлом и настоящем: сб. статей. М.: [б. и.], 1990. С. 55–71; и др.

⁴ Варламов А. Пришвин и Бунин: литературный этюд // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 21–39; см. также: [Дворцова 2004].

⁵ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. М., 1993. 412 с.

⁶ См.: Гачев Г. Пришвин // Гачев Г. Русская Дума: портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. С. 98–104; Гончаров П. А. «Будет ли

Цель данной статьи — дать характеристику языковых средств «неудавшегося романа» «Журавлиная родина», с помощью которых М. М. Пришвин раскрывает истоки творческого начала в человеке и в природе. Мы не останавливаемся на композиционных особенностях повести, поскольку о фрагментарном характере ее сюжета, вставных новеллах, трех вариантах начала произведения неоднократно писали исследователи-литературоведы. Например, Е. А. Худенко замечает: «Пространство ненаписания (разрядка автора. — Е. Ф.) текста представляет материал, который можно было бы назвать “По поводу...”». Сюда относятся авторские рассуждения о “цеховых” проблемах писательства, вопросы самоопределения в творчестве, раскрытие тайны творения и т. п. Все это представлено писателем якобы в качестве необработанного материала, по манере повествования напоминающего публицистическую, полемическую статью в форме скрытого диалога-беседы с читателями и критиками. Читатель в этом случае “приглашается” в собеседники, ему предоставлена возможность оценивания текста сразу (как говорит сам Пришвин — без “засмысливания”), так как он имеет дело не с вторичными оценками, а с “первичным” материалом — материалом жизни» [Худенко 2015: 307].

В ходе лингвостилистического исследования текста «неудавшегося романа» используются лексический и словообразовательный анализ, сопоставительный и интегрирующий методы, методика контекстуально-семантического анализа, позволяющая выявить трансформации смысла отдельных языковых единиц и приоткрыть философскую составляющую художественного произведения в целом.

Анализ. По замечанию Н. П. Дворцовой, роман Пришвина «Журавлиная родина» (1929) основан на игровой поэтике, «когда рассказ о рождении произведения (рассказ о ненаписанном романе) оказывается самым художественным произведением»⁷.

день, когда... пойду от природы к людям...?»: мотив «бегства в природу» у М. Пришвина и В. Астафьева // Русская словесность. 2003. № 5. С. 11–17.

⁷ Дворцова Н. П. Путь творчества М. Пришвина и русская литература начала XX века: дис. ...

Игра-лабиринт с читателем начинается уже с заглавия текста — с подзаголовка *Повесть о неудавшемся романе*. Жанровое несоответствие порождает загадку реальности: *повесть о романе*, которого нет или который не удался? В семантике причастия-определения одновременно реализуются два значения глагольной формы: 1) неполучившийся и 2) неудачный⁸. В ключевой позиции текста произведения перед читателем сформулирован вопрос-загадка, на который у самого автора нет однозначного ответа. Весь текст повести «Журавлиная родина» представляет собой противоречивые размышления писателя/повествователя о сути творческого начала всего сущего на Земле.

М. М. Пришвин поднимает тему творчества с первых строк текста произведения, противопоставляя при этом творчество рукотворное (человеческое) и нерукотворное (природное). Герой объясняет отказ от участия в подготовке юбилея Максима Горького: *юбилей устроят и без меня*⁹ (сотрудничество с людьми) невозможностью отказа от сотрудничества с природой в весеннем творчестве жизни: *оставить весну без себя было бы мне невозможно*. Семантически близкие личное и возвратное местоимения (*без меня — без себя*) приобретают в контексте произведения значение антонимов *чужой — свой*. Семантика контраста поддерживается синтаксическими конструкциями: словоформа *без меня* входит в состав неопределенно-личного предложения, где субъект действия не важен, как не важен и сам герой для осуществления намеченных действий; напротив, двусоставная конструкция с инфинитивом в функции подлежащего (или односоставное безличное предложение с инверсивным порядком слов и модальным словом *невозможно* в составе предиката — составного

д-ра филол. наук. М., 1994. С. 296.

⁸ См. толкование слова в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой: «Такой, который не удался, из которого ничего не вышло» (Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. Т. 1: А–О. М.: Русский язык, 2000. 1232 с.).

⁹ Здесь и далее текст повести цит. по: Пришвин М. М. Мирская чаша: повести, рассказы. М.: Эксмо, 2012. С. 134–293.

глагольного сказуемого) объединяет возвратное и личное местоимения (*без себя — мне*), благодаря чему подчеркивается личная заинтересованность героя в сотрудничестве с весной как основой зарождения/пробуждения всего живого (здесь *я* и *себя* становятся одним неделимым целым). Подобные трансформации — характерная черта произведения М. М. Пришвина. Так, в задуманной героем и посвященной детям книжечке «Журавлиная родина», оказывается, «не все будет специально для детей... скорее всего она будет обращена к *детству, источнику нашего творчества*, и, как древняя сказка, будет объединять старых и малых» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Е. Ф.). Происходит закономерное сближение концептуальных для жизнотворчества понятий «весна — детство» (начало в мире природы и в мире людей).

Автор использует разные художественные приемы для выявления истоков творчества. Одним из средств раскрытия тайн творческого начала в «неудавшемся романе» «Журавлиная родина» выступает смена номинаций. По мнению героя-повествователя, человек — сложное устройство / *хозяйство*, в котором литературный талант *не имеет особенных привилегий сравнительно с талантом охотника, отца, друга*. Интересно, что рассказчик называет себя *литератором*, т. е. человеком, профессионально занимающимся писательским делом ради получения дохода (на первый план выходит материальная сторона), да и в автономинацию *писатель* герой вкладывает значение '*словесных дел техника*', подчеркивая внешнюю (техническую!) сторону художественного мастерства (см. далее анализ словоупотребления лексемы *техника* в тексте произведения), а служащие гостиницы *величают* его *академиком*, выражая тем самым особое уважение к деятельности заезжего гостя. При этом замена номинирующего глагола *звать* в стилистически сниженном (разговорном) значении на устаревший и высокий *величать* не только характеризует почтительное отношение окружающих к персонажу, но и выполняет функцию авторской самоиронии. Не случайно герой даже не допускает возможности именоваться *творцом*:

С этим моим представлением о творце, вероятно, и в гроб лягу, что или это в отношении меня *высшее существо*, для которого я расчищаю путь,

или, наоборот, *всякое живое существо, достигающее цели в общем деле путем ограничения жизни своей индивидуальности*.

Представление героя о писателе и его назначении неоднозначно, оно неоднократно меняется в тексте произведения, что способствует сохранению тайны творчества:

Мое старое представление о писателе, вероятно, так же далеко от действительности, как народное верование, что *книга не человеком пишется, а падает с неба*.

Противоречивость взглядов авторского Я проявляется также в оценке художественного мастерства классиков литературы. С одной стороны, герой выступает против деления художников слова на категории, поскольку *в действительном творчестве все равны*. Отсюда и *родственное, соседское* отношение писателя к Льву Толстому (свой, близкий, понятный). С другой — признание Гоголя *вне категорий*, потому что тот постигает мир недоступными средствами: «...и оттого мне кажется я просто смертный, он — бог». Так в тексте повести возникает идея божественного провидения творческого начала в человеке.

В противовес таинственному/непознаваемому творческому началу автор использует многозначное слово *техника*, которое употребляется в «неудавшемся романе» М. М. Пришвина в собирательном и переносном значениях: 1) собир. «...Машины, механические орудия, устройства...»; 2) перен. «Совокупность профессиональных приемов, используемых в каком-л. деле, мастерстве, искусстве...»¹⁰. Собирательное значение реализуется в повести в образе экскаватора, призванного осушить болота, что одновременно должно привести к возрождению рая на земле и гибели реликтовой водоросли. Однако сама природа (нерукотворное творчество) уничтожает рукотворную технику (экскаватор утонул в болоте), потому что *нельзя сделать прочного без опоры на вечное*. Переносное значение лексемы неразрывно связано с понятием «творчество» (*раскрыть технику производства... рассказов*). При этом

¹⁰ См.: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/mal18224.htm?cmd=0&istext=1> (MAC, электронная версия) (дата обращения: 16.09.2022).

наблюдаются сдвиги в оценочном компоненте значений слова. Узуально семантически нейтральная языковая единица приобретает в контексте произведения негативную коннотацию в обоих значениях. Как *машинный фетишизм*/научно-технический прогресс (*трактор к нам приедет, трактор нас рассудит* — интертекстуальные связи с некрасовскими строками из стихотворения «Забывтая деревня») не способен возродить духовное начало в человеке:

...Попробуйте-ка техническим путем душу преобразить, —

так система технических приемов учит создавать текст, но не творить (возникает антиномия *беллетрист — творец*).

Сохранению тайны творчества способствует сознательный уход автора от конкретных определений и формулировок при попытке раскрыть сущность этого процесса, а обращение к тропеическим средствам помогает завуалировать истоки художественного мастерства. Например, писатель вводит общепризнанную точку зрения, характеризуя творческий процесс как изживание *своего «Я» в «Мы»*, т. е. перерастание собственного *Я* в *Я сотворенное*, которое уже и есть *Мы*. Игра личными местоимениями построена на параллельном их противопоставлении — сближении — слиянии. Стать настоящим художником = мучеником — научиться *чувствовать себя, как Мы*. Автор подчеркивает неразрывную связь писателя с окружающим миром и создаваемыми персонажами:

А книга, разве это не открытое поле для всех?

В повести используется повтор однокоренных лексических единиц, которые приобретают в тексте устойчивую валентность. Например, автор неоднократно употребляет лексему *тайна* в сочетании со словом *творчество*, используя прием метафоризации:

Наконец, мне прислали даже что-то вроде анкеты с вопросами *о тайнах моего литературного творчества*, — так и написано: «Раскройте тайны своего творчества»;

...сообщаю *первую тайну всякого творчества*, раскрываю искренно, положила на сердце руку: страстная жажда жизни заставляет нас забываться так, что мы рискуем, и это является творческой силой.

Для писателя *литературное/свое творчество* — составная часть *всякого творчества*, т. е. способности творить на земле. Герой повести приравливает охоту к писательству, которое является *охотой за словом*. Для автора важно, что в метафорическом сочетании происходит смена семных акцентов в слове *охота*: значение ‘уничтожение’ перемещается на дальнюю периферию, уступая место семе ‘поиск’. При этом приходит понимание, что *в себе самом находится родник неиссякаемых слов, созвучных с другими людьми*. Поиски истоков творческого начала заставляют автора обратиться к традиционному образу природного родника как источника жизни. Человек как часть природы — родник слов, людей, жизни, творчества.

В повести постоянно проводятся параллели между миром природы и миром человека. Важную роль в установлении связей между ними играют разные типы сравнительных конструкций, выраженных экс- и имплицитно:

Я слушал общее пение, любовался разливом и думал: «По разливам необычайно широко сложилась душа народа, тоже широкая, и я тоже такой»;

И у меня там, как на бровках ямы, куда я спустил ноги, земляничкой росли мои мысли и образы;

...боль моя перестала, — мой торф поспел, и я стал обладателем энергии солнечного происхождения.

Герой-повествователь видит истоки творчества в живой душе природного мира: повтор образного определения *широкий* ложится в основу прямого сопоставления разливов рек и души народной; творительный сравнения *земляничкой* (ср. далее *брусника — ягода жизни*) устанавливает связь между красотой природных богатств и нравственным богатством человеческих мыслей; наконец, метафора *торф поспел* (скрытое сравнение) выводит зависимость творческого начала в человеке от природных истоков. По мнению писателя, мысли о творчестве способны задавить живое творчество. Но «каждому человеку в большей или меньшей степени дано искусство видеть мир... Способность художников видеть мир означает бесконечное расширение пределов... родственного внимания» к природе. Автор выделяет две специфические творческие задачи:

...искусство должно охранять жизнь от стирания лица, потому что лицо является сосудом смысла всякой отдельной твари;

сознательный творческий акт человека заключается в способности жертвовать частью своего бытия... (см. выше цитату о невозможности достичь поставленной цели без *ограничения... своей индивидуальности*).

Признавая красоту творческого преобразования человеком окружающего мира: *Есть своя красота в этих прямых каналах, везде это красиво*, — писатель одновременно протестует против вторжения в природное начало, *потому что в природе прямого нет ничего*. Преобразующая человеческая воля оказывается *разрушающей силой*. О вымирании природных богатств свидетельствуют и *отрезки старицы, посылающие последние капли в русло новой реки*; и ольховые заросли с *обнаженными корнями*; и подводные части белых лилий, которые *лежали в гнили*. Автор использует разнообразные языковые средства, чтобы нарисовать ужасающе-яркую картину природного опустошения: сема уменьшения превалирует в лексеме *отрезки*, употребленном в переносном значении, эпитет *последние* в сочетании со словом *капли* усиливает градационные отношения между лексическими единицами с семантикой 'небольшой', глагольные формы *висели, валялись* подчеркивают безжизненность растительного мира, подготавливая появление прямых номинаций со значением 'смерть' (ср.: на *мертвых осохших плесах* — вымирание ландшафта; *свернувшись, как кишки большого животного* — гибель фауны; *сиротя, лежали в гнили* — смерть растений). Концентрация подобных единиц, а также сопоставительные временные конструкции *когда-то — теперь* помогают читателю увидеть картину *полного разрушения старого мира* и одновременно выразить авторское отношение к вторжению человека в творческое начало природы.

Интересно, что в попытках раскрыть истоки творчества в человеке и в природе писатель в обоих случаях прибегает к лексическим средствам с семантикой 'война/воевать'. Так, в начале творческого пути герой получает наставление/наказ редактора детского журнала *Родник* (курсив автора. — Е. Ф.), старого полковника Альмедингена: «Нужно *завоевать* себе имя» — и по выходе из редакции повторяет про себя «*воевать*,

воевать!». *Завоеванное имя* — своеобразная *грамота вольноотпущенному*, которая *открывает все дороги* и делает тебя *жрецом* (в противовес *жизненным рабам!*). Живой мир природы в изображении автора — *задорно-напряженное войско с острыми штыками и саблями*, отстаивающее свое право на существование. И в конце повести: *...наше творчество, как стрельба из винтовки: прицел из ружья — это в творчестве будущее*. Абстрактное *воевать!* в мире человека сменяется конкретными наименованиями военного подразделения и видов оружия в мире природы, которая готова сражаться за жизнь. Но и само творчество оказывается оружием, открывающим дорогу в грядущее. Так происходит сближение двух взаимозависимых миров. Именно поэтому герой-повествователь уверен, *что ни одна лилия не погибла вовсе, а непременно воскреснет в творчестве будущего обрадованного человека*. Миссия человека-творца — сохранить реликты творчества в природе.

В попытках раскрыть тайны творчества писатель неоднократно прибегает к фразеологизмам и поговоркам, обыгрывая их. Например, М. М. Пришвин использует поговорку *Лучше синица в руки, чем журавль в небе*, дабы выразить собственное отношение к заложенной в ней народной мудрости и приоткрыть тайный смысл названия «неудавшегося романа». Автору явно ближе *журавлиные посулы* как мечты о прекрасном, истоки которых он видит в приземленной реальности. Журавлиная родина — большое болото — оказывается своеобразной *Золотой луговиной* — раем на земле, хранящим реликты далекого прошлого (шары Клавдофоры), уничтожение/забвение которых одновременно несет в себе технический прогресс и духовное опустошение.

Одна из главок повести названа «Молоко от козла». В сознании читателя сразу же возникает ассоциация с известной поговоркой *как от козла молока* — 'о ком/чем-либо бесполезном'. Разрушая компаративную конструкцию и используя прием инверсии традиционного состава устойчивого оборота, автор придает ему новое звучание. Структурная трансформация обуславливает восстановление прямого значения лексического состава поговорки, что помогает писателю выразить мысль

о невозможности научить творчеству, *раскрывая технику своего производства*. Только сама жизнь порождает творческое начало: «реальный рассказ — это сказка, заключенная в пространство и время». Не случайно козел Ванька у Авдотьи Тарасовны превращается в Ивана-Царевича «за ум и молоко» (ср. сказочное превращение Ивана-дурака в Ивана-царевича за проявленные ум, находчивость, смелость).

Своеобразной творческой тайной в «неудавшемся романе» М. М. Пришвина выступает реликт ледниковой эпохи, шарообразная бархатно-зеленая водоросль *Клавдофора*. Растение дает толчок творческой мысли писателя:

Отодвинув проект осушения болот, я взял план своей работы и в центре листа в пустой кружок вписал: *Клавдофора* (курсив автора. — Е. Ф.). Мгновенно весь скелет работы вспыхнул зеленым светом таинственного подводного растения и стал облекаться...

По мнению автора, спасение водоросли откроет перед ним совершенно новые горизонты для изображения творчества Аллатова. М. М. Пришвин обыгрывает название водоросли:

Мифологи и филологи стали доискиваться значения слова *Клавдофора*, и у них выходило это слово от claudio — замыкаю и fero — ношу: носительница тайного, или просто клад.

Семантика первого корня вызывает ассоциации с устойчивыми выражениями *замыкать круг/замкнутый круг*, обозначающими безвыходное положение/безнадежную ситуацию¹¹. Не в таком ли положении оказались в повести реликтовая водоросль и сам герой, пытающийся создать роман о творчестве? Форма шара у растения — дополнительное средство указания на его неразгаданную тайну, ведь *тайна непременно должна быть круглой*. Писатель использует прием полиноминативности для характеристики *Клавдофоры*, выстраивая своеобразный номинационный ряд. Заглавное имя собственное трактуется через латинские производящие, на основе которых появляются образные переносные именованья, содержащие сему 'неизвестное/

скрытое'. Далее члены номинационного ряда расширяют свое значение, выходя за пределы собственно называния растения. Возникают номинации-символы: перифраза *сердце Земли* и сложноподчиненная определительная конструкция *все... непередаваемое, что при себе оставляет круглой зеленой нераскрываемой тайной творчества*. При этом в последнем распространенном номинанте «загадочность» растения передана за счет сочетания страдательных причастий настоящего времени с отрицательным префиксом *не-*, выражающих значение непознаваемости и выступающих в функции определений слова с корневым компонентом *-тай-*.

По мнению автора, в *Клавдофоре* скрыта тайна *всеобщего творчества жизни* и *открыта игра, лежащая в основании творчества*. Однокоренные антонимы — краткие причастия — семантически сближены за счет общего объекта/места характеристики (*в Клавдофоре*) и лексического повтора слова *творчества*. Скрытая тайна открывает игру, на которой построено творчество. Игра вновь обращает нас к детству как истоку творческого начала в человеке. Тайна приоткрыта, но осталась неразгаданной.

Природа и искусство подчинены одной и той же внутренней ритмике — ритмике противоречивой вечности. И потому невозможно для героя *забросить творимую... Клавдофору* для борьбы за обыкновенную, ведь если оставить *гибнуть Клавдофору в Заболотском озере*, не создать *Клавдофору вечную*. Творчество осознается героем-повествователем как игрушка для детей и взрослых, но это игрушки на веки вечные, и в том смысл творчества для писателя. Неоднократный повтор лексем *игра/игрушка — детство — творчество — вечность* — ключ к постижению тайны творческого начала, где важную роль играет семантика солнечного света как пробуждения всего живого на Земле. Весна света, рождение солнечного луча — неразгаданная тайна, как и невозможность познать вечность.

Выводы. Таким образом, в «неудавшемся романе» о творчестве М. М. Пришвина поднимает важные вопросы истоков творческого мастерства, однако четкого, конкретного ответа на них в повести нет. Автор использует разные художественные приемы, чтобы приоткрыть завесу творческой тайны:

¹¹ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. 879 с.

- 1) прием сопоставления/противопоставления;
- 2) повтор в сочетании с расширением валентности лексем;
- 3) разные типы сравнительных конструкций;
- 4) игру с паремиями;
- 5) семантические трансформации языковых единиц;
- 6) интертекстуальность и др.

Автор убежден, что два мира — мир природы и мир человека — неразрывно связаны между собой и «что только в единении со всем живым на земле человек может быть счастливым» [Фролова 2018: 50].

Постоянно сопоставляя мир природы и мир человека, писатель приходит к выводу о родстве истоков творчества в этих параллельно-зависимых мирах, значимости солнечного света/озарения для возникновения творческой мысли, губительном влиянии техники (как бездушного механизма и приемов создания текста) на живое/духовное начало и невозможность постижения будущего при забвении прошлого, отказе от него.

В понимании писателя существуют две стороны творческого процесса — техническая и божественная. Приемам словесного мастерства можно научиться и стать *словесных дел техником*. Попытка же приоткрыть тайны творческого мастерства, его божественного начала оказывается нереализованной, потому что творчество — это озарение свыше (*книга... падает с неба*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеносов В. В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман. М.: Прометей, 1988. 127 с.

2. Дворцова Н. Экстритерриториальный писатель (О литературной репутации Михаила Пришвина) // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 49–69.

3. Фролова Е. А. Семантические трансформации в поэме М. Пришвина «Фацелия» // Русский язык в школе. 2018. № 2. С. 47–51. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-2-47-51>.

4. Хмельницкая Т. Ю. Творчество Михаила Пришвина. Л.: Советский писатель, 1959. 282 с.

5. Худенко Е. А. «Неудавшийся роман» М. М. Пришвина «Журавлиная родина» // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2015. С. 305–313.

REFERENCES

1. Agenosov V. V. The work of M. Prishvin and the Soviet philosophical novel. Moscow: Prometheus, 1988. 127 p. (In Russ.)

2. Dvortsova N. Extraterritorial writer (On the literary reputation of Mikhail Prishvin). *Voprosy literatury = Problems of Literature*. 2004;1:49–69. (In Russ.)

3. Frolova E. A. Semantic transformations in M. Prishvin's poem "Fatseliya". *Russkii yazyk v shkole = Russian Language at School*. 2018;79(2):47–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-2-47-51>.

4. Khmel'nitskaya T. Yu. Creativity of Mikhail Prishvin. Leningrad: Soviet writer, 1959. 282 p. (In Russ.)

5. Khudenko E. A. "A failed romance" by M. M. Prishvin "Crane Homeland". *Fenomen tvorcheskoi neudachi = The phenomenon of creative failure* / A. V. Podchinenov and T. A. Snigireva (eds. [and with preface]). 2nd ed., rev. and additional. Yekaterinburg: Publishing house of Ural State University, 2015. P. 305–313. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, редактор

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Editor

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>

Языковые маркеры топосных текстов в стихотворении

А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...»

(к 220-летию со дня рождения)

Анна Тихоновна Грязнова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, grant09@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2524-6489>

Аннотация. В процессе лингвопоэтического анализа стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» рассматриваются языковые маркеры «кавказского» и «сибирского» топосных (локальных) текстов, для чего используются методы сравнительного, интертекстуального, культурологического анализа, в основе которых лежит компонентная характеристика лексики. Цель статьи – проанализировать стихотворение и сделать вывод о месте произведения в корпусе локальных текстов. Несмотря на отсутствие в языке стихотворения топонимических показателей, в нем ярко представлены другие характерные признаки – кумулятивная функция, на основе которой формируются концепты с локальной семантикой; смысловое и образное сближение лингвистических концептов «Север» и «Юг»; наличие многообразных интертекстуальных связей, использование символов и архетипов.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ текста, топосные (локальные) тексты, «кавказский текст», «сибирский текст», языковые маркеры, концепты «Север» и «Юг», символы, интертекстуальные вкрапления

Для цитирования: Грязнова А. Т. Языковые маркеры топосных текстов в стихотворении А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» (к 220-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 51–59. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Language markers of topos texts in A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing ..." (to the 220th anniversary of the birth)

Anna T. Gryaznova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, grant09@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2524-6489>

Abstract. The linguopoetic analysis of A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing..." characterises the linguistic markers of the Caucasian and Siberian topos (locus amoenus/local) texts. To achieve this objective, the study employs comparative, intertextual, and cultural analysis based on a componential analysis of vocabulary. The article aims to study the means of verbalisation of the "Caucasian" and "Siberian" topos texts in A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing...". Observation of the poetic text makes it possible to conclude that though it contains no toponymic markers indicating its belonging to the locus amoenus text corpus, the poem clearly shows other characteristic features of such texts. First, it is the cumulative function which forms the basis of concepts with local semantics. The next is semantic and figurative convergence of the linguistic concepts "North" and "South". One more characteristic feature is the presence of diverse intertextual connections and the use of symbols and archetypes.

Keywords: linguopoetic text analysis, topos (local) texts, "Caucasian text", "Siberian text", linguistic markers, "North" and "South" concepts, symbols, intertextual insertions

For citation: Gryaznova A. T. Language markers of topos texts in A. I. Odoevsky's poem "Where are you dashing ..." (to the 220th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):51–59. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-51-59>.

Введение. Изучение топосных (локальных) текстов, квалифицируемых филологами как «корпус "текстов о месте"», благодаря которым

само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик», становящихся впоследствии константными [Баянбаева 2016: 77],

относится к числу приоритетных направлений современной лингвопоэтики. Одним из первых к их изучению обратился Н. П. Анциферов (1889–1958) в книгах «Душа Петербурга», «Петербург в поэзии А. Блока», «Жизнь города», «Пушкин в Царском Селе». «Петербургский текст» долгое время оставался главным объектом анализа литературоведов, краеведов, лексикографов, чему способствовали труды В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» и Н. А. Синдаловского «Мифология Петербурга», «Словарь петербуржца», «Легенды и мифы Невского проспекта», «Очерки Петербургской мифологии, или Мы и городской фольклор». С течением времени корпус «локусов» пополнился «московским», «венецианским», «алма-атинским», «северным», «кавказским», «сибирским» и другими текстами. На сегодняшний день он по-прежнему привлекает внимание исследователей, поскольку содержит произведения, ранее не становившиеся объектом топосного анализа.

Цель данной статьи — изучение средств вербализации кавказского и сибирского топосных текстов в стихотворении А. И. Одоевского «Куда несетесь вы...» (октябрь–декабрь 1837 г.).

Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью изучения поэтики А. И. Одоевского, которого часто называют автором одного произведения — ответа на «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина — с лингвопоэтических позиций. Безусловно, стихотворение «Струн вещих пламенные звуки...» наиболее известно благодаря школьным учебникам, но лирика А. И. Одоевского значительно богаче. Не случайно литературовед Н. А. Котляревский назвал его литературное наследие «лирикой высокой пробы», включив поэта в плеяду таких авторов, как А. С. Пушкин, А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов, Н. П. Огарев: «В истории русской лирики двадцатых и тридцатых годов поэзия Одоевского может занять свое место в ряду тех непринужденно-искренних, пережитых и прочувствованных, сильных своей простотой и почти совсем неэффективных лирических стихотворений, которые писались в те годы Пушкиным и его друзьями» [Котляревский, Электронный ресурс]. Ученый включает Одоевского в круг писателей-романтиков, для поэтики которых было характерно противопоставление

реальности и идеального мира: «Песня Одоевского могла бы быть одной из последних песен, в которых выразилось уже отходящее в прошлое религиозно-сентиментальное, в общем оптимистическое мирозерцание, не позволявшее человеку слишком болезненно ощущать разлад мечты и жизни» [Там же]. В своей лирике А. И. Одоевский пошел дальше поэтов романтической плеяды: по глубине мировосприятия и языковому разнообразию его стихи приближается к лирике М. Ю. Лермонтова, с которым поэт подружился в кавказской ссылке. Сходство судеб поэтов обусловило близость их художественных картин мира, что проявилось в языке произведений Кавказского периода.

Стихотворения А. И. Одоевского даже на фоне лирики М. Ю. Лермонтова отличаются индивидуальность авторского стиля: в его поэзии «поражает... тщательная отделка стиха, редкое гармоничное сочетание формы с содержанием при отсутствии в этой форме излишне узорного или недосказанного, неясного, то же умение менять и тон, и ритм, та же способность одинаково просто выражать весьма разнообразные настроения и чувства» [Котляревский, Электронный ресурс]. Современный исследователь К. Кудряшов с полным основанием отметил «могучий интеллект... впечатляющий талант» [Кудряшов, Электронный ресурс] поэта, проявившиеся в созданных им произведениях. К сожалению, язык и индивидуальный стиль А. И. Одоевского в лингвопоэтическом отношении почти не изучены, отсутствуют материалы об участии поэта в становлении топосных текстов. Как следствие, новизна предпринятого исследования обусловлена выбором объекта наблюдения (стихотворение, рассматриваемое в статье, ранее изучалось только в контексте биографии поэта), а также топосным аспектом его анализа («кавказский» и «сибирский» сверхтексты достаточно подробно охарактеризованы литературоведами, но слабо исследованы с лингвопоэтической точки зрения). Для раскрытия темы нами используются методы интертекстуального, сравнительного, культурологического и стилистического анализа.

Анализ. К настоящему времени сложился круг авторов, произведения которых, по мнению ученых, формируют «кавказский» и «сибирский» тексты. Так,

Тюменский государственный университет разработал интернет-проект «Кавказский текст русской литературы» [Кавказский текст... Электронный ресурс], где в рамках XIX в. анализируется творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. Аналогичные исследования находим и в статье А. М. Мартазанова «О современном состоянии “кавказского текста” русской литературы» [Мартазанова 2015]. В кандидатской диссертации А. А. Плисс «Мотивная структура “Кавказского текста” в русской литературе первой половины XIX века»¹ в контексте кавказского текста упоминается творчество таких авторов, как Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, А. И. Полежаев. Как можно заметить, имя А. И. Одоевского в этом перечне отсутствует. В исследованиях, посвященных «сибирскому» тексту, оно также не упоминается².

Думается, объяснение ситуации нужно искать в том, как литературоведами определяются «кавказский» и «сибирский» тексты. Под «кавказским текстом» понимается «совокупность художественных текстов о Кавказе, в которых содержатся определенные концепты. Наряду с вечными мотивами, традиционными для большинства текстов — любовь, зло, добро, мир, война, ненависть, борьба и др., это мотивы пленения, мщения, послушания, чести/доблести, скитания/изгнания, семейного очага и др., обладающие повышенной значимостью, или, другими словами, “семантической насыщенностью как раз для имеющей столь глубокие корни традиции в русской словесности”»³ [Хализев 2000: 264]. «Сибирский текст» квалифицируется как присутствие «в составе русской

литературы корпуса сочинений, связанных не только тематически, но и мифопоэтически, что является решающим аргументом для атрибутирования его как особого сибирского текста» [Тюпа 2002: 35].

Индивидуально-авторские модификации пространственных концептов в поэзии А. И. Одоевского и добавление новых концептуальных полей мешают исследователям включить автора в число писателей, формировавших кавказский дискурс. По наблюдениям Ж. А. Баянбаевой, «локальный текст — это всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр.» [Баянбаева 2016: 77], которая маркируется посредством родовых и видовых топонимов. Для подтверждения этой мысли приведем текст стихотворения:

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,
Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы — на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не обогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям⁴.

Названия концептов, заменяющих топонимы Кавказ и Сибирь, — «Юг» и «Север» — выделены нами жирным шрифтом, но написание номинаций с заглавной буквы внесли в текст издания редакторы. Им же принадлежит идея деления текста на части, что способствует противопоставлению художественных концептов «Юг» и «Север» в сознании читателя. Можно предположить, что это было обусловлено первоначальным названием стихотворения — «С севера на юг», — опубликованного в шестом номере журнала «Русская беседа» за 1857 г. Заголовок актуализировал фабулу

¹ Плисс А. А. Мотивная структура «Кавказского текста» в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 21 с.

² См.: Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/5_1.html (дата обращения: 16.07.2022); Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 237 с.

³ Цит. по: Плисс. А. А. Указ. соч. С. 4–5.

⁴ Текст стихотворения цит. по: Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1958. С. 174.

стихотворения, которая существенно отличается от его сюжета. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить текст стихотворения со второй редакцией, опубликованной под названием «Экспромт» в Полном собрании стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста), вышедшем в 1883 г.:

ЭКСПРОМТЪ

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумить лавровый
лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы,
И тонуть въ синевѣ пылающихъ небесъ.
И мы — на юг! въ страну, гдѣ яхонтъ неба
рдѣеть
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ, —
И насъ, и насъ далекий путь влечетъ;
Но солнце тамъ души не отогрѣтъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ-ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть
красна,
Что насъ, не съвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью, —
И что не мерзлый ровъ, не снѣговой уваль
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ;
Но кровью жаркою обрызганный чакаль
Гостей бездомный прахъ разброситъ по
ушелямъ.

В этом варианте отсутствует графическое выделение концептов, равно как и деление текста на композиционные части. Есть основание полагать, что данный вариант более соответствует замыслу поэта, который мог перечитать его в рукописи. Дело в том, что сам А. И. Одоевский не имел обыкновения записывать свои произведения, поэтому сохранились лишь те из них, которые были зафиксированы друзьями поэта. Рассматриваемое произведение написано по пути с сибирской каторги на Кавказ, где Одоевский должен был в звании рядового отбывать остаток заключения. Спутником поэта был другой ссыльный декабрист — М. А. Назимов, который, увидев стаю летящих на юг журавлей, предложил Одоевскому сочинить экспромт. Назимов же и записал стихотворение, которому издатель Полного собрания стихотворений декабрист Е. А. Розен дал название «Экспромт», видимо, основываясь на ситуации создания текста:

ЭКСПРОМТ, (или устар., *экспромпт*), а, м. [латин. *expromptus* — быстрый] (книжн.). Речь, **стихотворение**, остроумное замечание, муз. произведение и т. п., произнесенные, **сочиненные без предварительной подготовки, сразу**⁵.

Издатель добавил в текст четыре последние строки, собственноручно записанные в его тетрадь А. И. Одоевским через год, уже в кавказской ссылке.

Отсутствие деления на строфы способствует прозаизации текста, которая усиливается его сюжетностью, возникающей в результате актуализации концепта «Путь», понимаемого автором не только как перемещение в пространстве, но и как процесс духовных испытаний героя.

Особенность стихотворения А. И. Одоевского заключается в том, что Кавказ (Юг), который его соратники называли *теплой Сибирью*, изображен сразу в двух ипостасях: как страна, куда вместе с птицами устремляются мечты лирического героя и его товарищей, и как место, где им предстоит найти последний приют. С этой целью автор стихотворения в первой композиционной части использует лексику, содержащую семы 'высота', 'свет', 'разнообразие цветов', 'красота', а во второй — слова, содержащие компоненты смысла 'черный' (*тень*); 'красный' (*кровь*), 'низ' (*ущелье*), 'холод' (*сѣверь*, *мерзлый*, *снѣговой*). С точки зрения лирического героя, его удел на Кавказе ничуть не лучше, чем в Сибири в мерзлом рву, под снеговым увалом. Следует заметить, что образ Севера (Сибири), хотя и представлен в стихотворении более скупо, также строится с учетом вертикальной системы координат: лексема *сосна* содержит сему 'верх', а слова *ров*, *увал* — 'низ'.

Углубляя смысл произведения, поэт использует в нем интертекстуальные средства, преимущественно аллюзии и реминисценции, для выявления которых требуется обратить внимание на литературный контекст, в рамках которого следует рассматривать произведение. И здесь привлекают внимание, с одной стороны, дальние

⁵ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940): фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/экспромт> (дата обращения: 20.07.2022).

и близкие претексты, а с другой — «посттексты», гораздо более известные современному читателю, чем стихотворения Одоевского.

К числу дальних претекстов принадлежит перевод «Песни Миньоны» («Mignons-Lied», 1782–1785) из романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Это стихотворение, с высокой степенью вероятности, было известно любителю литературы А. И. Одоевскому в переводе В. А. Жуковского «Мина» (сборник «Für Wenige. Для немногих». 1818. № 1), хотя он мог читать его и в подлиннике (писатель свободно владел немецким языком⁶):

Я знаю край! **там** негой дышит **лес**,
Златой лимон **горит** во мгле древес,
И ветерок **жар** неба холодит,
И тихо **мирт** и гордо **лавр** стоит..
Там счастье, друг! **туда! туда**
Мечта зовет! **Там** сердцем я всегда!
Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! **туда! туда**
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

В тексте перевода, который в высокой степени эквивалентен подлиннику, нами выделены лексемы, повтор которых обнаруживается в «Экспромте». По сути, они маркируют диалог русского поэта с немецким писателем, считавшимся в России предтечей романтизма. Одоевский своим стихотворением как бы отвечает героине Гёте — Миньоне, мечтавшей вернуться в Италию, но сомневавшейся, воплотится ли ее стремление в жизнь, что произойдет, если мечта будет реализована.

Как следствие, прагматика русского стихотворения принципиально иная, чем немецкий прототип: Юг (Кавказ), изображавшийся романтиками как объект мечты, оборачивается жестокой реальностью: *Пора отдать себя и смерти и забвенью!*

Для того чтобы понять смысл этих строк, необходимо рассмотреть символическое

значение лексем, указывающих на «мифомотивное пространство “кавказского текста”», а также символы, языковые репрезентации архетипов и мифов, маркирующие его [Шульженко 2001: 10]. В стихотворении Одоевского они представлены группой единиц, развивших в древнегреческой мифологии семантику ‘обитель небожителей’, ‘безмятежное существование’.

Так, выражение *лавровый лес* отсылает читателя к древнегреческому преданию о том, что на вершине Парнаса растет лавровая роща, где обитают музы. Лексема *лавр*, которая в первом своем значении называет «южное вечнозеленое дерево или кустарник»⁷, имеет и производное значение: «венки из листьев этого дерева или ветвь его как символ победы, награды»⁸. Лексема *гора*, формирующая пространственную вертикаль, соотносится с концептами «Верх» и «Небо», отражающими высокие стремления лирического героя, которому автор доверяет свои мысли. Лексема *мирт* может быть истолкована по-разному: в древнегреческой мифологии этот вечнозеленый кустарник символизирует мир, счастье, любовь и брак, возрождение, а также, подобно *лавру*, победу. Вследствие многозначности символа, строка *свежий мирт чела не обовьет* может быть понята и как оторванность от семьи, и как крушение надежд на счастливые перемены, и как невозможность возрождения героя к новой жизни.

К близким контекстам относятся произведения А. С. Пушкина и А. А. Бестужева-Марлинского, в которых описывается не только юг как идеализированное и мифологизированное романтиками пространство, но и Кавказ как топос, вокруг которого формируется неомиф о свободе.

Средством его создания на языковом уровне становится образ птицы, который в русской поэзии символизирует душу, близость к Богу и свободу. Сема ‘птица’ содержится в производном значении лексемы *станция*, «Стая (устар., поэт.)»⁹, в котором она используется в поэме А. С. Пушкина

⁶ «Пиит и учен, знает почти все главные европейские языки», — отмечали его товарищи по каторге [Декабристы-литераторы 1956: 262]. Одоевский приписывал заболевание лихорадкой, от которой впоследствии погиб, чтению Шиллера в подлиннике на ветру при поднятых полах палатки [Филипсон 1885: 204].

⁷ Значение слова «лавр» // kartaslov.ru — Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/лавр> (дата обращения: 25.07.2022).

⁸ Там же.

⁹ Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940 [Электронный ресурс]. URL:

«Цыганы» (1823–1825), где употреблена в сочетании с глаголом *несетесь*, тем же, что и в стихотворении Одоевского: *Когда подымается с полей // Станица поздних журавлей // И с криком вдаль на юг несется* [Виноградов 1966: 255–256].

Образ орла, символизирующий гордость, независимость, превосходство и свободу, использован А. С. Пушкиным в стихотворении «Кавказ» (1829) для усиления эффекта исключительности лирического героя, акцентуации его духовных стремлений. В стихотворении Одоевского образ орлицы помимо перечисленных значений актуализирует сему 'радость', которая подчеркивается повтором буквы *р* в сочетании с гласными (*рпють радостно, орлицы*), а также усиливает характерную для западной литературы сему 'обновление'. В стихотворении обе они не имеют отношения к чувствам главного героя, что подчеркивается эллиптической конструкцией *И мы — на юг!* и предикативной конструкцией, содержащей олицетворение, *путь влечет*, за которыми следует фраза: *Но солнце там души не отогреть*. Таким образом, оба высказывания указывают на то, что путь на юг выбран не самим героем.

Ощущение приближающейся трагической развязки пути передано в стихотворении не только эксплицитно, но и имплицитно на уровне символов, проясняющихся при помощи ближнего контекста, представленного повестями А. А. Бестужева-Марлинского, например «Он был убит» (1836). Противоречивой символикой обладает образ розы: с одной стороны, он ассоциируется с райским садом, а с другой — содержит смертельную семантику, восходящую к греческой и римской мифологии. Оба этих значения обнаруживаются в повести Бестужева-Марлинского:

Мило негует роза с тиховейными ветерками и в благоуханном поцелуе передает им свою душу; а между тем червяк уже подточил ее стебель.

В стихотворении Одоевского эксплицитно первый смысл, а второй выражен имплицитно.

Символика образа кипариса в повести Бестужева раскрывается посредством метафоры: *Взглянул вверх, — дикий кипарис, опало мертвецов, простирал на меня венок из ветвей своих...* [Бестужев-Марлинский 1995], что упрощает его смертельную интерпретацию в стихотворении Одоевского. В религиозном дискурсе кипарис часто становился элементом изображения рая, эта символика представлена в подтекстах произведений Одоевского и Бестужева, где Кавказ изображается райским местом.

Экзотизм *чакал (шакал)* в стихотворении Одоевского эксплицитно представляет о бесславной смерти и отсутствии погребения. Это хищное животное, часто появляющееся у мест захоронений, считается предвестником смерти. Трагизм изображаемой ситуации усиливается аллитерацией: буква *р* повторяется в двух строках пять раз в сочетании с согласными: *кровью, жаркою, обрызганный, прах, разбросит*¹⁰. В связи с смертельной символикой, сопровождающей изображение Кавказа в стихотворении Одоевского, важными представляются наблюдения В. И. Тюпы, который отмечает нормализацию состояния «смерти на Кавказе, как если бы это было место обитания мертвых» [Тюпа 2002: 27], в то время как «Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической страны мертвых» [Там же]. Сходство мифологической семантики топонимов возникает несмотря на то, что Сибирь в произведениях русских классиков представлена образами *холода — зимы — ночи (луны)*, а Кавказ — *жары — лета — дня (солнца)*.

¹⁰ Об экзотическом статусе лексемы свидетельствует орфография, а также отсутствие склонения в этнографическом очерке Н. Н. Муравьева-Карского «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах» (1821): *Стада шакал нередко окружат по ночам селения и воют разными голосами; странной вой сей поражает и страшит неопытного путешественника*. В повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин» (1834) экзотизм встречается в написании *чакалка*. Являясь частью сравнения, он актуализирует семы 'слабость', 'хищность', 'подлость': *Это его произвело в собственном мнении в герои красного флага, и он, заслышав, что снаряжается небольшая эскадра в Ледовитое море для поисков над шведами и русскими, решил идти вслед за нею, как чакалка за тигром*.

Таким образом, Юг и Север в стихотворении Одоевского не противопоставляются друг другу, как виделось первым издателям стихотворения, а продолжают и развивают друг друга. Их сходство и неразрывное единство передается поэтом не только лексическим способом, но и посредством графических средств — букв дореволюционного алфавита *ѣ*, *і*, *ѳ* (в позиции конца слова), которые объединяют содержащие их слова в тематические группы, оформляющие фразу и идею произведения.

Перечислим состав этих групп:

«ѣ»: *гдѣ*, *лѣсъ*, *рѣютъ*, *синевѣ*, *рдѣтъ*, *гнѣздо*, *себѣ*, *не отогрѣтъ*, *свѣжій*, *тѣмъ-ли*, *послѣ*, *съвера*, *тѣню*, *снѣговой*, *послѣднимъ*;

«і»: *могучіа*, *свѣжій*, *далекій*;

«ѳ»: *экспромтъ*, *горахъ*, *шумитъ*, *лѣсъ*, *рѣютъ*, *тонутъ*, *небесъ*, *югъ*, *яхонтъ*, *рдѣтъ*, *вьетъ*, *насъ*, *влечетъ*, *тамъ*, *не отогрѣтъ*, *миртъ*, *не обовьетъ*, *намъ*, *будетъ*, *насъ*, *кипарисъ*, *покроетъ*, *не ровъ*, *не уваль*, *подарятъ* *послѣднимъ* *новосельемъ*, *чакаль*, *прахъ*, *разброситъ*, *по ущельямъ*.

В перечисленных рядах мы выделили жирным шрифтом слова, где присутствуют две указанные графемы — они отражают идею произведения, в соответствии с которой Юг (Кавказ), о котором мечтали писатели-романтики и который рисовался им краем свободы, становится для героя последним приютом, и смерть на фоне райской природы ничем не лучше, чем гибель в мерзлом рву. Обратим внимание на то, что эпитет *лавровый* и существительное *ров* содержат одинаковый графический комплекс, что подчеркивает пересечение концептов «Юг» (Кавказ) и «Север» (Сибирь) в стихотворении Одоевского.

Такой вывод не противоречит наблюдениям А. Люсого в статье «Кавказский текст как кавказский плен» [Люсый, Электронный ресурс], отмечавшего, что Кавказ, который стал для писателей-романтиков «местом интуитивного прозрения законов мироздания», подвергается в их произведениях не только мифологизации, но и **деми-фологизации**, что с наибольшей силой проявилось в произведениях М. Ю. Лермонтова. Этот процесс, на наш взгляд, можно обнаружить и в стихотворении А. И. Одоевского, где речь идет не о «политическом статусе края, расстающегося со

своей вольностью» [Люсый, Электронный ресурс], а о крушении надежд, смертельном испытании и гибели.

В связи со сказанным следует более пристально проанализировать образ Севера, при интерпретации которого необходимо учитывать отсылки к биографии поэта, а также символический план образов, который особенно отчетливо проявляется при сравнении с «посттекстами» М. Ю. Лермонтова «Тучи» (1840) и «Сосна» (1841).

В первом стихотворении просматривается образная параллель, напоминающая ту, что использовал Одоевский (ср.: мчащиеся тучи — лирический герой / несущиеся крылатые станицы — группа лирических героев), здесь же появляется указание вектора движения: *милый север — сторона южная*. Вотличие от персонажа Одоевского лирический герой Лермонтова явно негативно оценивает свое вынужденное прощание с Родиной.

В стихотворении Одоевского эта оценка представлена имплицитно, посредством фоновой семантики лексемы *сосна*. Современным любителям поэзии этот образ знаком по переводам стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam...», включенного немецким поэтом-романтиком Г. Гейне в цикл «Лирическое интермеццо» («Lyrisches Intermezzo», 1823). Первый перевод, названный Ф. И. Тютчевым «С чужой стороны», был опубликован в 1827 г., т. е. в период сибирской ссылки А. И. Одоевского, где он оказался за участие в декабрьском восстании. Велика вероятность, что стихотворение Гейне Одоевский мог читать ранее в подлиннике. К моменту знакомства А. И. Одоевского с М. Ю. Лермонтовым стихотворение «Куда несетесь вы...» уже было написано, что нашло отражение в переводе текста «Сосны». Во всяком случае, этот образ у обоих авторов неразрывно связан с концептом «Север». Однако у Одоевского он более конкретен, на что указывает регионализм *увал* — «пологий склон горы, холма; возвышенность без ясно выраженной подошвы с постепенным и незаметным переходом от склона к ровной долине; гряда низких, вытянутых холмов (Приангарье)» [Географические названия... Электронный ресурс]. Северный пейзаж, возникающий в воображении лирического

героя, суров и неприветлив, что подчеркивают эпитеты *угрюмая, мерзлый, снѣговой*, которые в поэзии часто используются для изображения зимнего умирания природы. Используя прием параллелизма, Одоевский рисует воображаемую смерть лирического героя, у которого близкий уход не вызывает страха, о чем свидетельствуют эпитет *мирно*, поэтический фразеологизм *последнее новоселье*, метафора *подарят*. Их использование тесно связано с фоновой семантикой лексемы *сосна*, сформировавшейся в фольклорных текстах различных жанров (песнях, легендах, пословицах и поговорках). Т. А. Агапкина в статье «Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна» [Агапкина, Электронный ресурс] отмечает, что у славян это дерево почиталось как священное. Существовало предание, что она вырастает на могиле безвинно загубленного или погибшего до брака человека; считалось, что душа умершего переселяется в дерево; в народных обрядах сосна символизировала и брачную пару человека, который не нашел себе спутника/спутницу жизни.

Все сказанное свидетельствует о том, что процесс демифологизации «кавказского текста» в стихотворении Одоевского сопровождается процессом неомифологизации «сибирского текста». Север (Сибирь) у Одоевского становится не только локусом смерти, но и «своим» пространством, в отличие от «чужого», «южного», «кавказского».

Выводы. Таким образом, анализ стихотворения «Куда несетесь вы...» свидетельствует о том, что данный текст с полным правом можно отнести к топонимическим. Несмотря на отсутствие в нем топонимов, стихотворение содержит следующие характерные элементы и признаки указанной группы текстов:

- кумулятивная функция, в результате которой формируется концепт с локальной семантикой;
- многообразные интертекстуальные связи;
- символы и архетипы.

Представляется, что произведения А. И. Одоевского заслуживают более детального изучения в означенном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна [Электронный

ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-sosna> (дата обращения: 30.08.2022).

2. Баянбаева Ж. А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

3. Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995. 703 с.

4. Виноградов В. В. О стиле Карамзина и его развитии (исправления текста повестей) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л.: Наука, 1966. С. 237–238.

5. Географические названия Восточной Сибири [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenieslova.ru/увал> (дата обращения: 28.08.2022).

6. Декабристы-литераторы: статьи и материалы: в 3 кн. Т. 2, кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 674 с.

7. Кавказский текст в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://kavkaztext.tilda.ws/19v> (дата обращения: 18.07.2022).

8. Котляревский Н. А. Князь Александр Иванович Одоевский [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_n_a/kotlarevskiy_n_a_knaz_akexandr_ivanovich.html (дата обращения: 16.07.2022).

9. Кудряшов К. Одоевский – из искры возгорится пламя. Как князь декабрист спорил с судьбой [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/culture/person/odoevskiy_iz_iskry_vozgoritsya_plamya_kak_knyaz-dekabrist_sporil_s_sudboy (дата обращения: 18.07.2022).

10. Люсый А. Кавказский текст как кавказский плен. Культурная эволюция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kavkazskij-tekst-kak-kavkazskij-plen> (дата обращения: 26.10.2022).

11. Мартазанов А. М. О современном состоянии «кавказского текста» русской литературы // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5. С. 64–69.

12. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.

13. Филиппсон Г. И. Воспоминания. М.: Университетская типография, 1885. 361 с.

14. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.

15. Шульженко В. И. Кавказский феномен русской прозы. Пятигорск: ПятГФА, 2001. 368 с.

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Symbols of trees in the traditional Slavic culture: pine. *Slavyanskii mir v tret'em*

tysyacheletii: sb. statei = Slavic world in the third millennium: collection of articles. 2011;6:379–387 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-dereviev-v-traditsionnoy-kulture-slavyan-sosna> (accessed: 30.08.2022). (In Russ.)

2. Bayanbaeva Zh. A. To the questions of local text and its functions (on the example of Alma-Ata local text). *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2016;2:77–84. (In Russ.)

3. Bestuzhev-Marlinskiy A. A. Caucasian stories. Saint-Petersburg: Science, 1995. 703 p. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. On the style of Karamzin and its development (corrections of the text of the stories). *Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka (ot Kantemira do Karamzina): sb. statei = The Processes of Formation of the vocabulary of the Russian literary language: collection of articles (from Kantemir to Karamzin)* / Yu. S. Sorokin (ed.). Moscow; Leningrad: Science, 1966. P. 237–238. (In Russ.)

5. Geographical names of Eastern Siberia [Electronic resource]. URL: <https://znachenie-slova.ru/увал> (accessed: 28.08.2022). (In Russ.)

6. Decembrists-writers: articles and materials: in 3 books. Vol. 2, book 1. Moscow: Publishing house of AS USSR, 1956. 674 p. (In Russ.)

7. Authors of XIX century. *Kavkazskii tekst v russkoi literature = Caucasian text in Russian literature* [Electronic resource]. URL: <http://kavkaz-text.tilda.ws/19v> (accessed: 18.07.2022). (In Russ.)

8. Kotlyarevsky N. A. Prince Alexander Ivanovich Odoevsky [Electronic resource]. URL: http://dugward.ru/library/kotlarevskiy_n_a/kotlarevskiy_n_a_knaz_akexandr_ivanovich.html (accessed: 16.07.2022). (In Russ.)

9. Kudryashov K. Odoevsky – a flame will ignite from a spark. How the Decembrist prince argued with fate. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts* [Electronic resource]. URL: https://aif.ru/culture/person/odoevskiy_iz_iskry_vozgoritsya_plamya_kak_knyaz-dekabrist_sporil_s_sudboy (accessed: 18.07.2022). (In Russ.)

10. Lyusyi A. Caucasian text as Caucasian captivity. Cultural evolution. *Russkii zhurnal = Russian Journal* [Electronic resource]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kavkazskij-tekst-kak-kavkazskij-plen> (accessed: 26.10.2022). (In Russ.)

11. Martazanov A. M. On the current state of the "Caucasian text" of Russian literature. *Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost = Literary Review: History and Modernity*. 2015;5:64–69. (In Russ.)

12. Tyupa V. I. Mythology of Siberia: on the issue of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2002;1:28–35. (In Russ.)

13. Filipson G. I. Memories. Moscow: University printing house, 1885. 361 p. (In Russ.)

14. Khalizev V. E. Literary theory. Moscow: Higher school, 2000. 398 p. (In Russ.)

15. Shulzhenko V. I. Caucasian phenomenon of Russian prose. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Pharmaceutical Academy, 2001. 368 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Тихоновна Грязнова, кандидат филологических наук, профессор

Anna T. Gryaznova, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 30.10.2022.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 30.10.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>

Несогласованные определения в предложении и тексте

Надежда Михайловна Девятова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, deviatovan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматриваются несогласованные определения в косвенном падеже, относящиеся к существительному, называющему лицо, предмет или пространство, их семантика, текстовые функции и проблема обособления. Цель статьи – показать зависимость проблемы обособления от текстовых функций несогласованного определения. Обычно это необособленные определения, служащие средством выражения категории определенности. Категория определенности/неопределенности проявляется на данном участке системы как категория текстовая. Несогласованное определение, относящееся к лицу, чаще употребляется при представлении нового персонажа или нового взгляда на него. Такой текстовый фрагмент обычно организован точкой зрения наблюдателя и представляет репродуктивный фрагмент текста. Несогласованное определение может включаться в ряд других определений, с которыми связывается разными отношениями: уточняющими, причинно-следственными, распространяющими и др. Проблема количества определений при существительном со значением лица связана с разной степенью заинтересованности наблюдателя в представляемом персонаже. Для характеристики несогласованных определений важным оказывается такой признак, как значимый/незначимый (случайный) представляемый персонаж. Как неопределенные в контексте несогласованных определений выступают также предметные и пространственные существительные. Определения при них называют значимые признаки предмета и служат идее определенности.

Ключевые слова: несогласованные определения, категория определенности/неопределенности, определяемое слово со значением лица, предмета, пространства, визуальные и ментальные признаки, значимый/случайный персонаж, фигура наблюдателя

Для цитирования: Девятова Н. М. Несогласованные определения в предложении и тексте // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 60–66. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Non-agreeing attributes in a sentence and a text

Nadezhda M. Devyatova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, deviatovan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Abstract. The article considers non-agreeing attributes in an oblique case modifying a noun that names a person (i. e. a person noun), an object, or space as well as their semantics, textual functions, and the problem of detachment. The aim is to show the dependence of the detachment problem on the text functions fulfilled by a non-agreeing attribute. As a rule, it is non-detached attributes which serve as a means of expressing the semantic category of definiteness. The category of definiteness/indefiniteness manifests itself as a textual category in this part of the language system. A non-agreeing attribute referring to a person is more often used when introducing new characters or a new view of them. Such text fragments are reproductive; they are usually organised by the observer's point of view. A non-agreeing attribute can join a sequence of other attributes which it is connected with through different relationships such as clarifying, cause-effect, extending, and others. The problem of the number of attributes modifying a noun referring to a person is associated with the viewpoint issue, i. e. different extent of the observer's interest in the depicted character. The important/unimportant

(random) depicted character criterion turns out to be significant for describing non-agreeing attributes. Object and spatial nouns also function as indefinite in the context of non-agreeing attributes. Attributes modifying them name significant features of the object and convey the idea of definiteness.

Keywords: non-agreeing attributes, definiteness/indefiniteness category, modified person noun, modified object noun, modified spatial noun, visual and mental characteristics, important/random character, observer figure

For citation: Devyatova N. M. Non-agreeing attributes in a sentence and a text. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):60–66. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>.

Введение. Несогласованные определения — один из видов определений, выраженных косвенным падежом существительного, сравнительной степенью прилагательного, наречия или инфинитивом. Такие определения называют разные признаки лица или предмета. В первую очередь они привлекают внимание в связи с проблемой пунктуации — их обособления/необособления. Однако пунктуационная проблема не может быть решена без обращения к более широкому контексту — к проблеме бытования несогласованных определений в тексте. Без этого сама проблема обособления/необособления лишается лингвистической опоры.

Несогласованные определения неполно представлены в учебниках и учебных пособиях, и причины их обособления оказываются недостаточно эксплицированными. Мы объясняли причины обособления таких определений свойствами определяемого слова — его определенностью/неопределенностью [Русский язык и литература 2019: 304–305]. Однако сама проблема определенности/неопределенности требует привлечения более широкого контекста. В настоящей статье рассматривается роль несогласованных определений в художественном тексте, а проблема обособления несогласованных определений — как производная от проблемы бытования несогласованных определений в тексте.

Цель статьи — показать роль несогласованных определений в языковой системе, продемонстрировать действие категории определенности/неопределенности на этом участке системы.

Задачи исследования — показать роль несогласованных определений в художественном тексте, их изобразительно-выразительные возможности, рассмотреть категорию определенности/неопределенности как категорию текста, объясняющую проблему обособления/необособления несогласованных определений.

Обращаясь к несогласованным определениям, Д. Э. Розенталь связывает проблему обособления с необходимостью «подчеркнуть выражаемое им значение»¹. Общепринятым можно считать положение, что обособляется несогласованное определение, если относится к имени собственному или личному местоимению. Однако многочисленные текстовые примеры (где обособления нет) заставляют и на эти случаи взглянуть по-иному.

Отдельного внимания заслуживает и проблема семантики единицы: какие признаки называют несогласованное определение, при каких существительных оно употребляется и как это влияет на выбор обособления/необособления.

Материал и методы исследования. Исследуются несогласованные определения в косвенных падежах, относящиеся к существительным, называющим лицо, предмет, пространство, собранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы. Часть материала составили примеры из Национального корпуса русского языка.

В статье используются методы синтаксического и семантического анализа, метод компонентного анализа, приемы субституции.

В. В. Бабайцева считала несогласованные определения синкретичными членами предложения и видела в них «один их источников структурно-семантических ресурсов русского языка» [Бабайцева 2011: 248]. Автор отмечает их богатую семантику и обычное положение после определяемого слова [Там же: 283]. О синкретичности несогласованных определений пишет и В. И. Фурашов [Фурашов 2010: 209]. Семантика отдельных единиц исследуется в работах Н. А. Герасименко

¹ Розенталь Д. Э. Сборник упражнений: для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: Оникс; Мир и Образование, 2009. С. 145.

в связи с проблематикой бисубстантивно-го предложения (см., например: [Синтаксические средства... 2022: 39–41; 116–123 и др.]). В соответствии с классификацией типов минимальных синтаксических единиц Г. А. Золотовой несогласованные определения-существительные относятся к признаковым синтаксемам [Золотова и др. 1998: 50], которые употребляются либо в позиции сказуемого, либо несогласованного определения.

Проблема определенности/неопределенности главного слова, влияющая на обособление несогласованных определений, имеет разное значение для разных классов существительных. В пунктуационных правилах обычно речь идет об определениях, относящихся к существительному, называемому лицо. Однако определения, относящиеся к предметным именам, также явление нередкое. Рассмотрим пример:

А потом были еще две великие радости: мне купили сапожки *с красным сафьяновым ободком на голенищах...* и ремennую плеточку *со свистком в рукоятке* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Определение здесь называет отличительный признак предмета, обуславливающий его выбор персонажем. Такие определения, как правило, не обособляются, из чего можно сделать вывод, что определенность создается за счет изображенной ситуации. Именно несогласованное определение делает существительное определенным.

В русском языке категория определенности/неопределенности имеет разное выражение. Т. М. Николаева дает следующее определение данной категории: это «актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)»².

Н. С. Поспелов как одно из средств выражения категории выделял актуальное членение предложения [Поспелов 1970: 182].

Правила рекомендуют обособлять несогласованные определения, относящиеся

к личному местоимению. Они являются определенными в противоположность местоимениям неопределенным или определительным, например:

Она [Сашка], высокая, худощавая, еще совсем почти девочка, тонколикая, сидела с кувшином в руке, отвернувшись от брата, свесив с воза босые ноги, опустив ресницы; он, *в белом картузе, в батистовой косоворотке, с расстегнутым воротом*, загорелый, чистый, юный, держал вожжи, а сам смотрел на нее сияющими глазами, что-то говорил ей, радостно, любовно улыбаясь (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Личное местоимение, как известно, не принимает собственно определения. Определение при нем выполняет полупредикативную функцию.

В приведенном примере местоимение *он* представляет анафорический способ обозначения лица. Не только личное местоимение называет известное лицо, но и текст позволяет говорить о выделенности лица, о котором идет речь. Проанализируем роль определений, характеризующих лицо, предмет и пространство.

Говоря о представлении лица с помощью несогласованных определений, обратим внимание на семантику и позицию употребления определений.

Одна из частотных позиций — позиция после согласованного определения: *Она узнала в нем того утреннего, в белой рубашке* (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Часто несогласованное определение находится в причинно-следственных, уточняющих отношениях с определением согласованным, например:

Ниночка, дочь Светы от первого брака, мордастая, *со вздутыми щеками*, росла как принцесса — *вся в любви и витаминах* (В. Токарева. Своя правда);

За столом прибавилась еще одна пара: муж и жена. Лена и Николай. Лена была рыжая, *с тяжелыми медными волосами*, очень красивая и молодая (В. Токарева. Одна из многих) —

взгляд наблюдателя как бы переходит от общего признака к признаку частному. Несогласованные определения употребляются в перечислительном ряду вместе с согласованными. В последнем примере согласованные определения стоят после несогласованных, но и здесь взгляд наблюдателя переходит от признаков ситуативных к признакам, имеющим постоянный характер.

² Николаева Т. М. Определенности — неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/349a.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Обратим внимание на текстовые функции несогласованных определений. Несогласованное определение встречается при представлении нового персонажа или нового взгляда на известное лицо. Рассмотрим примеры:

Это был господин лет тридцати, немалою роста, плечистый, *с огромною, курчавою, рыжеватою головой*. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстые, нос широкий и сплюснутый, глаза маленькие, заплывшие и насмешливые, как будто беспрерывно подмигивающие. В целом все это представлялось довольно нахально. Одет он [Фердыщенко] был грязновато (Ф. Достоевский. Идиот) –

при описании нового персонажа выделены следующие признаки: возраст, рост, фигура, голова и волосы, лицо: губы, нос, глаза. Признаки располагаются в определенном порядке – от более значимых, более общих, с точки зрения наблюдателя, к признакам более конкретным. В приведенном выше примере дано иное направление взгляда: текст представляет репродуктивный тип речи, организованный перцептивной модульной рамкой [Золотова и др. 1998: 390];

Но в толпе, недалеко от того места, где он сидел, откуда-то сбоку – он бы никак не указал, в каком именно месте и в какой точке – мелькнуло одно лицо, бледное лицо, *с курчавыми темными волосами, с знакомыми, очень знакомыми улыбкой и взглядом*, – мелькнуло и исчезло (Ф. Достоевский. Идиот) –

перечень признаков достаточно большой. Их цель – идентификация лица.

Обращает на себя внимание и другая проблема – количество представленных признаков в перечислительном ряду. Количественный параметр мы связываем с особенностями выражения точки зрения – определенной заинтересованностью модульного субъекта в описываемом персонаже. Например:

За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курагин, *толстый человек лет сорока в поношенной чечучовой жакетке и в истрепанных тиковых брюках* (А. Чехов. Хирургия).

Как известно, персонажи могут играть разные роли в развитии сюжета.

Значимый персонаж представляется большим количеством признаков, в том числе выраженных несогласованными определениями, нежели персонаж второстепенный, например:

Молодой человек [Мышкин], *тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой*. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь. Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное (Ф. Достоевский. Идиот).

Второстепенные же персонажи не предполагают вглядывания. Их описания тоже могут включать несколько признаков, но они не приближают нас к персонажу, например:

Мы ходим с дядей по зале. За эти три года он сильно постарел и растолстел, покрикивает после каждой фразы, но радушен и говорлив по-прежнему; он рассказывает мне о видах на урожай, о начавшемся покосе. Сильная, румяная девка, *с платочком на голове и босая*, внесла шипящую на сковородке яичницу; по дороге она отстранила локтем полузакрытую дверь; стаи мух под потолком всколыхнулись и загудели сильнее (В. Вересаев. Без дороги).

Заслуживает внимания проблема семантики несогласованных определений. Несогласованные определения могут называть наблюдаемые и ненаблюдаемые признаки. Семантика несогласованных определений подробно рассмотрена в диссертации М. А. Тихомировой³.

Среди визуальных признаков назовем следующие: возраст, черты внешности: лицо, волосы; предметы одежды. Приведем примеры из романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»:

Тут все необычайно, празднично: кучер *в желтой шелковой рубаше и плисовой безрукавке* на козлах тарантаса, запряженного тройкой; отец *с свежевыбритым подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным*

³ Тихомирова М. А. Несогласованные определения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2010. 251 с.

околышем, из-под которого еще мокро чернеют начесанные от висков к бровям волосы, мать в красивом, легком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шелковой рубашечке, с праздничной напряженностью в душе и теле.

Названы известные говорящему лица, но это новый взгляд на персонажа в новой обстановке. Множество перечисленных признаков позволяет наглядно представить описываемую ситуацию. Модус *представляю* передается с опорой на значительное количество визуальных признаков.

Разные персонажи могут выделяться на основании разных признаков. Обратим внимание на роль несогласованных определений при представлении случайного персонажа. Нередко называются бросающиеся в глаза признаки, в частности предметы одежды, например:

На расстоянии полукилометра от корпуса ко мне подошла молодая женщина *в дорогой шубе до пят*, выяснила, отдыхаем ли мы здесь и если да, то нельзя ли посмотреть номер (В. Токарева. Первая попытка).

Если наблюдатель не заинтересован в представляемом персонаже, он обозначает его одной опознаваемой деталью:

Женщина посмотрела на Федю *в вигоневой старушечьей кофте*, потом на Никитина *в изысканном замшевом пиджаке*, и на ее лице проступили следы усилий: видимо, она пыталась объединить этих двоих в одну компанию, но у нее не объединялось (В. Токарева. Сто грамм для храбрости).

При описании с опорой на предметы одежды значимого для говорящего персонажа, как правило, указывается большое количество признаков. Например: *Одна в пальто осеннем, / Без шляпы, без калош, / Ты борешься с волненьем / И мокрый снег жуешь* (Б. Окуджава).

Как видим из рассмотренных примеров, для выделения персонажа из общего круга самым «опознаваемым признаком» оказывается предмет одежды, например:

Но поскольку на лекции приходило не более десяти человек, то все это не имело никакого значения: ни Чехов, ни его борьба с пошлостью, ни актриса *в стареньком штапельном платье* (В. Токарева. Маша и Феликс);

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов *в новой шинели и с узелком в руках* (А. Чехов. Хамелеон).

Если речь идет о людях определенного социального статуса, называются типичные признаки одежды:

Не удивительны, не очень страшны оказались и учителя *во фраках с золотыми пуговицами*, то огненно рыжие, то дегтярно-черные, но одинаково крупные (И. Бунин. Жизнь Арсеньева);

Несогласованные определения могут называть и ненаблюдаемые признаки:

Почти в то же самое время и Афанасий Иванович Тощий, человек *высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства*, опять обнаружил свое старинное желание жениться. Это был человек *лет пятидесяти пяти, изящного характера, с необыкновенною утонченностью вкуса* (Ф. Достоевский. Идиот).

Такие определения могут обозначать социальный статус (*из хорошей семьи, человек высшего света, с высшими связями, необыкновенного богатства*), особенности характера (*с мелкими, но заметными недостатками, с глубоко скрытыми достоинствами; с предательством, подлостью; с коготью жизненного опыта, без накипи*), происхождение (*из Выселок*), возраст (*пятидесяти лет*) и др.

При существительных пространственного значения несогласованные определения встречаются значительно реже. Для представления пространства существует множество других способов. Анализируя категорию пространства, И. М. Кобозева отмечает его неразрывную связь с вещами, наполняющими его [Кобозева 1997: 154–155]. Определения и другие языковые средства называют значимые признаки пространства, например:

Я родился и рос, повторяю, совсем в чистом поле, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, *без всяких преград и границ*, окружал меня (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Значимый признак пространства — отсутствие преград. В пространстве выделяются существенные «наполнители»:

Кончились последние остатки провинциальной Москвы *с немощеными дворами, бельевыми*

веревками, натянутыми между старых тополей, и пышным палисадом с бамбуками и золотыми шарами (Л. Улицкая. Бронька);

Жара стояла страшная, влажность стопроцентная. Казалось, весь громадный город, с его нечеловеческими домами, чудесными парками, разноцветными людьми и собаками, подошел к границе фазового перехода и вот-вот полужидкие люди поплывут в бульонном воздухе (Л. Улицкая. Веселые похороны).

На роль несогласованных определений в представлении пространства обратила внимание О. Ю. Казмирчук, анализируя одно из стихотворений А. Тарковского. Воскрешение в памяти пространства и его признаков позволяет воссоздать обстановку детства: *Туда ходил трамвай, и там была / Неспешная и мелкая река — / Вся в камышах и расе. / Я и Валя / Сидим верхом на пушках у ворот / В Казенный сад, где двухсотлетний дуб...* [Казмирчук 2008: 338].

Несогласованные определения с предметными именами встречаются реже. Предметное имя обычно выделяется при помощи одной детали, например: *Сवेशалки в сарае он сдернул лямбда-шляпу из солдатского среднеазиатского комплекта* (Л. Улицкая).

Исследуя когнитивный потенциал предметных существительных, Е. В. Рахилина отмечает их функциональность: «Эти имена предполагают определенный постоянный способ использования соответствующего предмета» [Рахилина 2000: 31], например:

Слева от обелиска стояла маленькая стела с овальной фотографией круглолицего, улыбающегося умными узкими глазами Павла Кима (Л. Улицкая. Медя и ее дети) —

фотография на стеле отражает назначение предмета.

Несогласованные определения при предметном существительном могут называть и другие признаки. Приведем некоторые примеры с существительными, обозначающими «мелкие» пространства, например части дома:

Кухня была сложена из дикого камня, на манер сакли (Л. Улицкая. Медя и ее дети) —

дополнение здесь называет материал, форму дома. В таком предмете выделяют отдельные составные части: *дом с высокой крышей и цветными стеклами; неправильной формы окна* и др. Дом и его

составные части в русской культуре, как отмечает И. В. Якушевич, имеет символическое значение [Якушевич 2018]. На роль «составляющих» дома мы обращали внимание в связи с исследованием сравнительного потенциала предметных существительных [Девятова 2022: 18–20]⁴.

Выводы. Итак, несогласованные определения, выраженные существительными, будучи использованными в определенном типе текста, могут называть наблюдаемые или ненаблюдаемые признаки. Вступая в связь с разными существительными, они делают их определенными. Определенность создается как контекстом, так и самой изображаемой ситуацией. В сочетании с существительным со значением лица они употребляются, как правило, при введении в пространство наблюдателя нового персонажа и наряду с другими определениями выделяют это новое лицо. В качестве выделяющих признаков используются особенности внешности, одежды.

С проблемой выражаемой точки зрения связано количество указываемых признаков. Количественный параметр отражает большую/меньшую заинтересованность наблюдателя в представляемом персонаже. Выступая в ряду других однородных членов, несогласованное определение вписывается в иконический порядок слов.

Несогласованные определения при других группах существительных встречаются значительно реже.

Что касается проблемы обособления, во всех случаях, кроме сочетания с личными местоимениями, мы имеем дело с необособленными несогласованными определениями. Такие определения употребляются при существительном, называющем новое лицо или предмет. Определение при нем выполняет выделяющую функцию, делает его определенным, т. е. выступает как одно из средств выражения категории определенности. Такие тексты, как правило, представляют фрагменты репродуктивного регистра.

⁴ О роли идеи дома и его пространства в организации художественного текста см.: *Колышева Е. Ю.* Пространство «вечного дома» в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 2021. № 1. С. 107–118. <http://doi.org/10.20339/PhS.1-21.107>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
2. Девятова Н. М. Предметный мир сравнения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 2(46). С. 48. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.05>.
3. Золотова Г. А, Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
4. Казмирчук О. Ю. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Летний день» в контексте «перedelкинско-го» цикла // Новый филологический вестник. 2008. № 1(6). С. 188–193.
5. Коболева И. М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 152–163.
6. Поспелов Н. С. О синтаксическом выражении категории определенности/неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 182–189.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
8. Русский язык и литература. Ч. 1. Русский язык: учебник / под ред. канд. филол. наук А. В. Алексеева. М.: ИНФРА-М, 2019. 363 с.
9. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис: избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.
10. Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. М.: ООО «Постатор», 2022. 244 с.
11. Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 182 с.

REFERENCES

1. Babaytseva V. V. The system of sentence members in modern Russian language. Moscow: FLINTA, Science, 2011. 496 p. (In Russ.)
2. Devyatova N. M. The subject world of comparison. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie"* = *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022;46(2):48–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.05>.
3. Zolotova G. A, Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: Publishing house of MSU, 1998. 528 p. (In Russ.)
4. Kazmirschuk O. Yu. B. L. Pasternak's poem "Summer Day" in the context of the "Peredelkino" cycle. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*. 2008;1(6):188–193. (In Russ.)
5. Kobozeva I. M. Grammar of space description. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv: sb. statei = Logical analysis of language. Languages of spaces: collection of articles*. Moscow: Languages of Russian culture, 1997. P. 152–163.
6. Pospelov N. S. On the syntactic expression of the category of certainty/uncertainty in modern Russian language. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku = Research in modern Russian language* / T. P. Lomtev, A. A. Kamynina (eds.). Moscow: Publishing house of MSU, 1970. P. 182–189. (In Russ.)
7. Rakhilina E. V. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russian dictionaries, 2000. 416 p. (In Russ.)
8. Russian language and literature. Part 1. Russian language: textbook / A. V. Alekseev (ed.). Moscow: INFRA-M, 2019. 363 p. (In Russ.)
9. Furashov V. I. Modern Russian syntax: selected works. Vladimir: VGGU, 2010. 368 p. (In Russ.)
10. Syntactic means as an expressive resource of text. Moscow: Postator, 2022. 244 p.
11. Yakushevich I. V. The symbol "house" in the Russian language and poetic text. Vladimir: Transit-IKS, 2018. 182 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Надежда Михайловна Девятова, доктор филологических наук, профессор

Nadezhda M. Devyatova, Doctor of Science (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 22.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 22.07.2022.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

LANGUAGE AND CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.211.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-67-74>

Слово *крапива* как культурно-маркированная языковая единица

Ян Кэ¹, Чэнь Цюнь²

^{1,2} Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, Китай,

¹ mashayang1963@aliyun.com, <https://orcid.org/0000-0001-8603-6917>

² 898704334@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-0726-0895>

Аннотация. Названия растений (фитонимы) связаны с символизацией достижений человечества в когнитивной области. Исходная функция этих лексических единиц – референциальная, или референтная. Однако многие из них помимо основного (референтного) значения содержат дополнительные семантические характеристики, выполняют экспрессивную и культурно-кумулятивную функцию, отражая специфику менталитета того или иного народа. Некоторые фитонимы обладают яркой культурно-национальной коннотацией и заслуживают особого внимания. Таково, в частности, слово *крапива*. Цель статьи – выявить культурные коннотации данной лексической единицы. Слово *крапива* рассматривается как единица словарного фонда русского языка, как предмет, традиционно используемый в обычаях русского народа, и как характерный элемент русского устного народного творчества. Анализ позволяет сделать вывод о том, что слово *крапива* в русском языке имеет нейтральное референтное «ботаническое» значение, но при этом содержит крайне негативные культурно-национальные коннотации, наиболее активно проявляющиеся во фразеологии и в фольклорных текстах.

Ключевые слова: крапива, культурно-маркированная языковая единица, культурно-национальная коннотация, обычаи русского народа, русское устное народное творчество

Для цитирования: Ян Кэ, Чэнь Цюнь. Слово *крапива* как культурно-маркированная языковая единица // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 67–74. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-67-74>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The word *nettle* as a culturally marked linguistic unit

Yang Ke¹, Chen Qun²

^{1,2} Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China,

¹ mashayang1963@aliyun.com, <https://orcid.org/0000-0001-8603-6917>

² 898704334@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-0726-0895>

Abstract. Plant names (phytonyms) are associated with the symbolisation of mankind's achievements in cognitive studies. The primary function of these lexical units is referential. However, many of them contain additional semantic characteristics in addition to the main (referential) meaning. They perform expressive and cumulative cultural functions reflecting the specific mentality of a particular nation. Some phytonyms have strong national cultural connotations and deserve special attention. For example, one such word is the lexeme *nettle*. The paper aims to reveal the cultural connotations of this lexical unit. We consider the word *nettle* as a unit of the Russian lexicon and an object traditionally used in the Russian people's customs as well as a characteristic element of the Russian oral tradition. The analysis enables us to conclude that the word *nettle* in Russian has a neutral referential "botanical" meaning, but at the same time it contains extremely negative national cultural connotations. These are most actively manifested in phraseology and folklore texts.

Keywords: nettle, culturally marked linguistic unit, national cultural connotation, Russian people's customs, Russian oral tradition

For citation: Yang Ke, Chen Qun. The word *nettle* as a culturally marked linguistic unit. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(1):67–74. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-67-74>.

Введение. Язык каждого народа представляет собой своего рода зеркало, отражающее историю, культуру, менталитет, социальную жизнь нации. Менталитет народа наиболее ярко проявляется в словарном фонде языка, что объясняет большой интерес исследователей к его лексике и фразеологии.

В современной лингвистике языковые единицы, несущие национально-культурную информацию, называются *культурно-маркированными языковыми единицами* (далее – КМЯЕ). С точки зрения лингводидактики, лингвокультура включает «единицы языка, с помощью которых учащиеся знакомятся со страной, культурой, образом жизни, менталитетом носителей языка и приобретают знания, речевые навыки, умения, обеспечивающие возможность эффективного участия в межкультурном общении» [Шукин 2017: 123].

Данный термин впервые появился в конце XX в. в исследованиях таких известных лингвистов, как Н. Е. Меркиш, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И. Е. Аверьянова и др. Он объединяет слова, обладающие экстралингвистическим фоном и вследствие этого являющиеся источником социокультурной информации о стране изучаемого языка (см.: [Леонтьева 2012: 181]). КМЯЕ сразу стали одним из центральных объектов исследований в области лингвострановедения и преподавания русского языка как иностранного. Проблематике, связанной с КМЯЕ, посвящено большое количество научных работ. Однако исключительное разнообразие национальных культур и непрерывное развитие общества обуславливают тот факт, что многие вопросы устройства и функционирования таких единиц остаются открытыми. Цель данной статьи – выявить национально-культурные компоненты в семантике русского слова *крапива*.

В работе рассматриваются национально-культурные коннотации и особенности функционирования лексемы, которая до настоящего времени не становилась объектом пристального внимания лингвистов,

что дает возможность дополнить и уточнить ценностные представления о значимых для русской ментальности свойствах растительного мира. Кроме того, предпринята попытка охарактеризовать специфику рассматриваемой лексики в сопоставлении с китайской культурной традицией.

Методы и материалы исследования. Основным материалом послужили единицы, включающие фитоним *крапива*, из произведений различных жанров русского устного народного творчества: загадок, народных примет, сонника, частушек, пословиц и поговорок. Языковой материал частично взят из научных работ российских исследователей, частично собран самостоятельно на базе сети Интернет. Решение задач и достижение исследования обеспечивается применением таких методов, как описательный, сравнительно-сопоставительный, метод анализа структуры коннотативных единиц.

Анализ. Еще в середине XIX в. знаменитый русский педагог К. Д. Ушинский писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа» [Ушинский 1949: 334]. В этом заключается кумулятивная функция языка, лексический строй и фразеология которого являются богатым источником культурной информации, позволяющей учащимся, особенно учащимся иностранным, точнее и глубже понять культуру народа.

При восприятии или употреблении слова мы имеем дело не только с его лексическим значением, зафиксированным в словаре; у реципиента могут возникать те или иные ассоциации, традиционно связанные со словом. Как правило, чем больше

ассоциаций вызывает лексическая единица в сознании носителей языка, тем оно важнее для соответствующей культуры. Русское слово *крапива* входит в группу национально значимых единиц.

Об этом свидетельствует ряд вербальных и невербальных факторов. В России, на Украине и в Беларуси достаточно распространены восточнославянские фамилии *Крапива*, *Крапивенко*, *Крапивенский*, *Крапивин*, *Крапивский*, *Крапивенских*, *Крапивников*. Белорусский советский писатель-сатирик Кондрат Крапива (1896–1991, настоящее имя — Кондрат Кондратьевич Атрахович), автор юмористически-сатирического произведения «Крапива» (1925), выбрал себе псевдоним на основе ассоциативной связи между спецификой своего творчества (обжигать, жечь пороки) и общеизвестными свойствами растения. Ср. также фамилию популярного русского детского писателя Владислава Петровича Крапивина. Подобные «ботанические» прозвища и фамилии были распространены уже в Древней Руси, например: «Семен Дмитриевич *Крапива* — Стародубский, убит в 1368 г. литовцами на Хохле»; «*Крапивин* Андрей Иванович, помещик, 1500 г., Новгород»; «*Крапивин* Федор, крестьянин, 1624 г., Переславль»; «*Кропива*, крестьянин, 1624 г., Куомыш»¹. В русском языке существуют не только антропони́мы, но и топонимы, связанные с крапивой. Например, село *Крапивна* возле Тулы упоминается в тексте памятника XIV в. На гербе этого старинного села (в прошлом — уездного города) изображена крапива. Начиная с 2002 г. ежегодно весной, когда крапива обретает целебную силу, в селе проводится «Фестиваль Крапивы». В России пользуется успехом оркестр русских народных инструментов «Крапива». Название оркестра, очевидно, связано с его национально-традиционным репертуаром.

1. *Крапива* как лексическая единица языка

Как одна из важных волокнистых культур в Древнем Китае, крапива упоминается в письменных источниках в период до династии Цинь. Крапива появилась в центральных и западных регионах страны.

Прямо или опосредованно она завезена во многие страны мира из Китая, поэтому многие иностранцы называют ее «китайской травой». Наиболее ранними археологическими находками на сегодняшний день являются ткань из крапивы и тонкая конопляная веревка, обнаруженные в неолитическом поселении в Цяньшаняне (провинция Чжэцзян); их возраст превышает 4700 лет. Жители южной части провинции Шэньси называют крапиву жгучей травой (蜇人草 *zhe ren cao*) [Ян Елян, Электронный ресурс]. Пастухи в разных районах Китая именуют ее «кусаящей травой». Как ни странно, данное слово, существующее в китайском языке тысячелетиями, не обладает особыми коннотациями и не вызывает у китайцев каких-либо ассоциаций. Об этом свидетельствует и тот факт, что весьма авторитетный «Фразеологический словарь Синьхуа»² [新华成语字典 2003] не содержит ни одного фразеологизма с компонентом 荨麻 (*XUNMA*, *крапива*). Однако в языках и культурах некоторых европейских народов, в частности в русском языке и в русской культуре, ситуация иная. Растительный мир в России, особенно в северных и восточных регионах страны, не столь разнообразен. Возможно, в связи с этим образ такого ординарного растения, как крапива, в русской культуре наделен богатым содержанием.

Словарь В. И. Даля содержит подробное толкование значения слова *крапива*³. В регионах это «жгучее» растение называют также *жегалой*, *жигалкой*, *стракивой*, *стрекавой*, *стрекушкой*. В русских диалектах XIX в. существовали обширные словообразовательные гнезда с вершиной *крапива*. Ср. производные глаголы: *окрапивить* — ‘сразить крапивой’ (прям.), ‘внезапно напугать’ (перен.); *окрапиветь* — ‘зарасти крапивой’⁴. Что касается символических значений слова *крапива* и их происхождения, то в разных славянских культурах существуют разные версии, однако

² Фразеологический словарь Синьхуа, Пекин: Коммерческое издательство, 2003 (新华成语字典. 商务印书馆: 北京, 2003).

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=14110> (дата обращения: 16.06.2022).

⁴ Даль В. И. Указ. ресурс.

¹ Словарь русских фамилий [Электронный ресурс]. URL: http://mirslovari.com/content_fam/Krapivin-6239.html (дата обращения: 16.06.2022).

все они содержат негативную коннотацию. Согласно легендам, крапива произошла из проклятых или грешных людей либо выросла на месте их гибели. Например, на Украине считают, что крапива была посеяна дьяволом и проклята Богом⁵. В связи с этим люди наделяли образ крапивы негативной семантикой, что нашло отражение в некоторых суевериях. Так, обильно разросшаяся крапива осмыслялась как предвестник смерти, запустения, разрухи. Не случайно в народных песнях запустелые дворы поросли крапивой⁶. В славянской мифологии *крапивница* — ‘мать внебрачного ребенка’; *крапива*, *крапивник* — ‘внебрачный ребенок, подкидыш’; *прыгать в крапиву*, *скакать в крапиву* — о прелюбодеянии, внебрачных связях⁷. В народе также существует образное выражение, сравнивающее вдову с сушеной крапивой⁸. Крапива считается растением «чужого», «дикого» мира, о чем свидетельствуют фразеологизированные сочетания вроде *найти в крапиве* — родить ребенка вне брака (ср. традиционный для русской культуры ответ на детский вопрос «Откуда я взялся?» — «Нашли в капусте»).

Подобные единицы встречаются также в польском и в чешском языках. Например, польское слово *pokrzywnik* восходит к *pokrzywa* — ‘крапива’, буквально переводится как «найденный в крапиве» и имеет значение ‘ребенок, родившийся вне брака’ [Сетаров 2005: 94].

Аналогичную картину видим в чешском языке: слово *kopřivník*, производное от *kopriva* — «крапива»; буквальный перевод — «рожденный в крапиве», значение — ‘внебрачный ребенок’ [Там же].

Русский фразеологизм *крапивное семя* первоначально использовался для выражения уничижительного отношения к сословию

подъячих и приказных, но постепенно превратился в средство негативной оценки коррумпированных чиновников [Там же: 95].

2. Крапива в обычаях русского народа

Крапива как средство противостояния злу и обеспечения безопасности была весьма популярна у русских на протяжении многих веков. Считалось, что крапива помогает избежать различных несчастий. Например, в день Ивана Долгого у русских водили хороводы, участники которых жгли друг друга крапивой, желая избавиться от болезней⁹. Существовали поверья, что коврики, сотканные из крапивы, защищают дом от непрошенных гостей; веники из крапивы помогают «прогнать» неудачу, невезение. Растущую во дворе крапиву не вырубали, потому что она также способствует избавлению от неудачи. Корни крапивы выкапывают, сушат, протирают и просеивают; полученным средством натирают лицо, руки и ноги, чтобы противостоять холоду¹⁰. Чтобы предотвратить появление русалок или водяного в ночь накануне Иванова дня, русские кладут крапиву на порог и подоконник за день до праздника. На Иванов день принято водить хороводы и сжигать крапиву, желая друг другу избавиться от болезней. В день Аграфены Купальницы также сжигают крапиву и другие «неприятные» растения, чтобы предотвратить бедствия и несчастья¹¹. Перед купанием в реке принято бросать крапиву в воду, чтобы «уберечься от русалок»¹². На севере России во время Русальной недели люди бросают крапиву в окна, приговаривая: *Крапива в дом, а клоп вон*. В народе часто используют крапиву для изготовления различных амулетов. Экзорцистическая функция (функция изгнания злых духов) крапивы весьма значима также в различных ритуалах, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. Например, в Забайкалье раньше люди сажали только что выкопанные корни крапивы в грядки капусты со словами: *Крапива червям, а капуста нам*, — полагая, что это может предотвратить появление насекомых-вредителей¹³. Рус-

⁵ Усачева В. В. Крапива [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/k/krapiva8.php> (дата обращения: 16.06.2022).

⁶ Там же.

⁷ Крапива в славянской мифологии [Электронный ресурс]. URL: <https://subscribe.ru/group/zhivi-raduyas/8096284/> (дата обращения: 16.06.2022).

⁸ Крапива в славянской мифологии [Электронный ресурс]. URL: <https://vsyamagik.ru/krapiva-v-slavjanskoj-mifologii/> (дата обращения: 16.06.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Фразеологический словарь Синьхуа. С. 142.

¹¹ Там же. С. 214.

¹² Обережные растения: крапива [Электронный ресурс]. URL: <https://info-grad.com/oberezhnye-rasteniya-krapiva/> (дата обращения: 16.06.2022).

¹³ Усачева В. В. Указ. ресурс.

ские также отмечают Крапивное заговенье. «Жители верили, что Крапивное заговенье — последний день в году, когда крапива полна целебных свойств, уже со следующего дня она приносила значительно меньше пользы. Традиционно в данный день хозяйки готовили щи из крапивных листьев»¹⁴.

3. Крапива в русском устном народном творчестве

«Слова с богатыми ассоциативными полями, как правило, запечатлены в произведениях устного народного творчества и в произведениях, ставших национальной классикой» [Клюева 2009: 25]. Образ крапивы занимает важное место в русском фольклоре и в художественной литературе. Остановимся на использовании данного образа в фольклорных текстах разных жанров.

3.1. Загадки о крапиве

Загадка — народный поэтический жанр, существующий в культурах многих этносов; он связан с суевериями и ритуалами, запрещающими называть что-то или кого-то. Жанр загадки обладал большой культурной значимостью еще в период своего становления. Со временем усилились эстетические и познавательные функции загадки. Как уже было упомянуто, крапива обжигает и в какой-то степени опасна, в результате прикосновения к ней возникает эффект жжения, на этой особенности и основаны загадки о крапиве:

Ай, не трогайте меня: обожгу и без огня.
Сама холодная, а людей жжет.
Что за трава, что слепые знают?
Зеленый огонь / Рукою не тронь. / Рукою не тронь! / Обжигает ладонь.
Злая, как волчица, / Жжется, как горчица! /
Что это за диво? / Это же...
Только тронь / Отдернешь ладонь: / Обжигает трава / Как огонь¹⁵.

3.2. Народные приметы, связанные с крапивой

Народные приметы являются специфической формой выражения национального культурного сознания. Они делятся

на два основных типа: одни возникают при наблюдении за окружающей действительностью и отражают взаимосвязь между предметами и явлениями объективного мира, в какой-то степени они вполне научны (*Много снега — много хлеба*); а другие загадочны и не имеют научной основы (*В правом ухе звенит — к добрым вестям, в левом — к худым*)¹⁶. К первой группе можно отнести народную примету с образом крапивы *Крапива прорастает — скоро конопля появится*; ко второй — *Посеки крапиву, так и дождик пойдет*.

3.3. Образ крапивы в соннике

У многих народов есть традиция интерпретации сновидений. Народное толкование снов (русский сонник) — это древняя культурная традиция символического осмысления сновидений, которая отражает мудрость и опыт, передаваемые из поколения в поколение. Приведем примеры из русского сонника, связанные с крапивой:

Если Вам снится, что Вы разгуливаете в крапиве и при этом вовсе не боитесь обжечься, — это хороший знак, свидетельствующий о том, что в скором будущем Вас ждет преуспевание.

Если молодая женщина видит сон, в котором она идет через заросли крапивы, это предвещает, что она получит несколько предложений о замужестве от различных мужчин и, принимая решение, будет испытывать беспокойные предчувствия.

Увидеть во сне крапиву — это знак, предсказывающий дурное: недостаток средств и непослушных детей¹⁷.

3.4. Образ крапивы в частушках

В произведениях фольклора особые свойства крапивы связываются с определенными чертами характера человека, в частности с женской раздражительностью, неуступчивостью, конфликтностью. Подобные метафоры и сравнения широко представлены в народных частушках при сопоставлении родной матери и свекрови. В частушках, исполняемых замужними молодыми женщинами, часто звучит тоска

¹⁴ Крапивное заговенье [Электронный ресурс]. URL: <https://kakoj-segodnja-prazdnik.com/narodnyj-kalendar/krapivnoe-zagovene> (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁵ Загадки про крапиву (для детей) [Электронный ресурс]. URL: <https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-krapivu.shtml> (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа: в 3 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 607 (Даль 1994).

¹⁷ Сонник. Крапива — все толкования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.astrocentr.ru/index.php?przd=son&gde=son&tn=1&isk=%CA%D0%C0%CF%C8%C2%C0> (дата обращения: 16.06.2022).

по матери как близкому человеку, к которому всегда можно обратиться за помощью и с которым можно разделить и печаль, и радость; образ же свекрови связывается со злом, обидой, несправедливостью:

Под окном стоит береза
Тонкая, гибучая.
У милого матка злая
Как крапива жгучая.
Я не по полу хожу,
Хожу по острому ножу.
Хуже дролиной семейшки
Нигде не нахожу
[Смирнов, Электронный ресурс].
Милый мой, твоя мамаша
Как крапива жгучая.
Расставаться нам с тобой —
Дело неминуемое¹⁸.

Образ крапивы используется и при характеристике мужчины:

Мой залётка дорогой,
Розочка пахучая.
А характер у него
Что крапива жгучая¹⁹.

3.5. Пословицы и поговорки с компонентом *крапива*

Пословицы и поговорки — жанр народного устного творчества, отражающий ценностные ориентиры, исторический, нравственный и культурный опыт народа. В некоторых паремиях отражены традиции, связанные с крапивой. Например, 16 мая по старому календарю, согласно народному обычаю, было принято варить жидкий суп с нежной крапивой и щавелем; отсюда пословица: *Мавра — зеленые щи — крапиву щипли* [Литвиненко, Зерова 2016: 9]. В пословицах подчеркиваются лечебные функции крапивы: *Одна крапива семи докторов стоит / Одна крапива заменяет семейных врачей*. Однако преимущественно в пословицах и поговорках акцентированы различные негативные коннотации, накопленные словом *крапива* за долгое время. Кроме того, в старину в народном сознании существовала особая связь между крапивой

и женщиной, поэтому в русском пословичном фонде имеется немало единиц, в которых образ этого растения используется для обозначения конфликтных и надоедливых женщин: *Когда б (Кабы) на крапиву не мороз, с нею б и зимой ладов не было (и зимой бы жгла)*²⁰. Обычно эта сентенция относится к женщине, с которой непросто иметь дело. Приведем еще несколько примеров. *И моя жена крапива, да и на нее мороз пал*²¹ — об изменившейся жене. Ср: *На жалючую крапиву есть лютые морозы*²². В отношении не связанных с говорящим кровным родством сестер, с которыми также трудно иметь дело, используется пословица *Богоданны сестрицы — крапива жгучая*²³.

Образ мачехи в русском народном сознании так же негативен, как и в сознании других народов, однако народная мудрость диалектична, пословичный фонд содержит и исключения из правил (не все мачехи свирепы, не все падчерицы безобидны): *Не всякая мачеха — крапива, не всяка падчерица — маков цвет*²⁴.

Одно из народных названий крапивы — *жгучка*. Оно подчеркивает неприятный «обжигающий» эффект, возникающий в результате прикосновения к этому растению. В пословицах крапива символизирует не только непокладистых женщин, но и вообще неприятных, жестких, несговорчивых людей, например: *Жжется, как крапива; колет, как еж*²⁵. Когда русские хотят выразить нежелание поддерживать личные отношения с кем-то, они также могут использовать пословицу с образом крапивы: *С тобой водиться — что в крапиву садиться*²⁶.

Крапива жгуча, но русские относятся к ней утилитарно — в частности, как к очень простому пищевому ингредиенту, используемому прежде всего при приготовлении

²⁰ Даль-1994. С. 332.

²¹ Там же.

²² Пословицы про крапиву [Электронный ресурс]. URL: https://detskiychas.ru/proverbs/poslovitsy_pro_krapivu/ (дата обращения: 16.06.2022).

²³ Русские пословицы и поговорки о семье [Электронный ресурс]. URL: <https://kupidonia.ru/poslovitsy/russkie-poslovitsy-i-pogovorki-o-seme> (дата обращения: 16.06.2022).

²⁴ Пословицы про крапиву. Указ. ресурс.

²⁵ Даль-1994. С. 78.

²⁶ Там же. С. 52.

¹⁸ Частушки [Электронный ресурс]. URL: <http://russfolk.narod.ru/chast/chast.htm> (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁹ Тверские частушки / сост. Ф. М. Селиванов, Л. В. Бладис, В. Г. Шомина. М.: Московский рабочий, 1990. 189 с. (дата обращения: 16.06.2022).

супов. Ассоциации с крапивой позволили сделать вывод: какими бы своенравными и неуправляемыми ни были люди, существуют способы подчинить их и использовать в своих интересах. Именно эта мысль выражена в пословице: *Жгуча крапива родится, да во щах уварится*²⁷.

Негативно-оценочный смысл содержится в пословице *Хороша слобода, да крапивой поросла*²⁸ — о некогда хорошем месте, где возникли разнообразные проблемы, трудности, что разрушило гармонию. Образ крапивы используется также в пословице, в которой сопоставляется свое и чужое: *Не садись под чужой забор, а хоть в крапивку, да под свой*²⁹. Данная пословица отражает специфику сельской «туалетной практики» в минувшие исторические периоды. Проблемы интимного характера желательно решать в рамках сугубо личного пространства, даже если оно не идеально.

Смысл пословицы *Злое семя крапива: не сварить из него пива*³⁰ — ‘какие родители, такие и дети’. В ней тоже актуализирована отрицательная коннотация образа крапивы. Есть пословицы, в которых данный образ относится к людям с привлекательной внешностью, но неприятным, незитичным, отталкивающим поведением: *На лицо красива, а на язычок — крапива*³¹. Пословица *Кто раньше встает, тот грибки соберет, а сонливый да ленивый идут после за крапивой*³² выражает мысль о роли трудолюбия в достижении успехов. Сложность любви как эмоционального состояния также передается с помощью образа крапивы: *Любовь — крапива стрекучая*³³. О несдержанности молодежи говорит пословица *Крапива и молода, а уже кусается*³⁴.

Выводы. Таким образом, слово *крапива* в русском языке имеет нейтральное референтное «ботаническое» значение, но при этом содержит и негативные

национально-культурные коннотации, наиболее активно реализующиеся во фразеологии и в фольклорных текстах. Нет сомнений в том, что понимание национально-культурных оттенков смысла необходимо для корректной семантизации русских пословиц и поговорок с указанным компонентом. Подобный анализ важен и полезен для иностранных учащихся при изучении русского языка.

Цель преподавания иностранных языков на современном этапе — обучение не языку как таковому, а формирование межкультурной компетенции. Необходимо не просто давать знания по фонетике, лексикологии и грамматике, но и формировать представления о культуре страны изучаемого языка. В рамках решения данной задачи работа с культурно-маркированной лексикой особенно важна. Проведенный нами анализ лишний раз доказывает, что КМЯЕ представляют собой ценнейший ресурс, содействующий пониманию и восприятию учащимися своеобразия культур других народов. Незнание культурных коннотаций подобных языковых единиц приводит к недоразумениям, а иногда и к культурному шоку; раскрытие информации, содержащейся в культурно-маркированных единицах, напротив, способствует формированию у студентов-иностранцев языкового чутья, адекватному пониманию русских текстов и национального менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключева Г. Ю. Ключевые слова культуры на уроках русского языка // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 24–28.
2. Леонтьева А. Е. Использование культурно-маркированных языковых единиц в анализе значимых компонентов лингвокультуры российских немцев // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 181–186.
3. Литвиненко Л. Н., Зерова О. А. Особенности изменения средней многолетней суточной температуры воздуха и приметы русского народного календаря // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2016. Т. 11, вып. 1. С. 1–37.
4. Сетаров Р. Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 92–98.

²⁷ Даль-1994. С. 144.

²⁸ Там же. С. 111.

²⁹ Там же. С. 209.

³⁰ Там же. С. 270.

³¹ Пословицы про крапиву. Указ. ресурс.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Интересное о крапиве [Электронный ресурс]. URL: https://www.krapivna.org/krapivnaya_istoriya/interesnoe_o_krapive/ (дата обращения: 16.06.2022).

5. Смирнов И. А. (Кириллов) Кирилловская частушка начала XX века как транслятор народной жизни // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен: сб. статей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pos/ele/nie/phe/nom/en/17.htm> (дата обращения: 16.06.2022).

6. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 5: Методические статьи и материалы к «Детскому миру». М.: АПН РСФСР, 1949. 592 с.

7. Шукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы): учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. М.: ИКАР, 2017. 336 с.

8. Ян Елян. Различные способы употребления крапивы в Китае и за рубежом (杨叶良·中外荨麻草的不同吃法) [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=d59481c071ce678f9a31e67f> (дата обращения: 16.06.2022).

REFERENCES

1. Klyueva G. Yu. Key words of culture in Russian language lessons. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2009;3:24–28. (In Russ.)

2. Leont'eva A. E. The use of culturally marked linguistic units in the analysis of significant components of the linguistic culture of Russian Germans. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2012;4:181–186. (In Russ.)

3. Litvinenko L. N., Zerova O. A. Features of Changes in long-term daily average air temperatures

and Russian weather lore calendar. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Almanakh Prostranstvo i vremya = Electronic Scientific Edition of e-Almanac Space and Time*. 2016;11(1):1–37. (In Russ.)

4. Setarov R. D. Metaphorical nomination in the national language consciousness. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2005;2:92–98. (In Russ.)

5. Smirnov I. A. Kirillovskaya chastushka (rhyming verse) of the beginning of the 20th century as a translator of folk life. *Russkaya kultura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sotsiokulturnyi fenomen: sb. statei = Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a sociocultural phenomenon: collection of articles / G. V. Sudakov (ed.)* [Electronic resource]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pos/ele/nie/phe/nom/en/17.htm> (accessed: 16.06.2022). (In Russ.)

6. Ushinsky K. D. Collected works: in 11 vols. Vol. 5: Methodological articles and materials for "Children's World". Moscow: APS RSFSR, 1949. 592 p. (In Russ.)

7. Shchukin A. N. Theory of teaching foreign languages (linguodidactic foundations): textbook for teachers and students of language universities. Moscow: IKAR, 2017. 336 p. (In Russ.)

8. Yang Yeliang. Different ways of eating nettles in China and abroad (杨叶良·中外荨麻草的不同吃法) [Electronic resource]. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=d59481c071ce678f9a31e67f> (accessed: 16.06.2022). (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор, научный сотрудник

Yang Ke, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Research Associate

Чэнь Цюнь, кандидат филологических наук, ассистент

Chen Qun, Candidate of Sciences (Philology), Assistant

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication 10.09.2022.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-75-84>

Словарное наследие профессора Б. А. Ларина и современная лексикография (к 130-летию со дня рождения)

Елена Владимировна Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
elena-generalova@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9431-0418>

Аннотация. В статье рассматривается лексикографическое наследие профессора Б. А. Ларина (1893–1964) и демонстрируется непосредственная корреляция ларинских положений с проблемами и дискуссионными вопросами современной лексикографии. Дается краткий обзор биографии Б. А. Ларина и его филологических интересов, делается вывод о значимости лексикографических идей в его трудах, разносторонности его научных интересов и при этом объединенности их такими сквозными лейтмотивами, как широкая историческая перспектива, изучение разговорной речи в ее различных проявлениях, внимание к семантике. В результате сопоставления концепций, разработанных Б. А. Лариным, и направлений развития современной лексикографии делаются выводы об идеях ученого, опередивших время. Так, идея Б. А. Ларина о полном словаре напрямую соотносится с актуальным сегодня проектом комплексного (универсального) словаря. Лариным были поставлены не решенные и сейчас вопросы сочетания лингвистической и энциклопедической информации в историческом словаре, научного иллюстрирования статей исторического словаря. Почти не реализованы предложенные Лариным направления двуязычной авторской лексикографии, ономастической авторской лексикографии, исторической фразеологии. Ларин – один из основоположников русской исторической лексикографии, создатель такого типа исторического словаря, как тезаурус одного памятника, родоначальник русской социолингвистики и компаративной фразеологии. Таким образом, Б. А. Ларин сформулировал принципы описания лексики в самых разных аспектах, предложил ряд новаторских лексикографических проектов, предвосхитив многие современные словарные теории и разработки.

Ключевые слова: история русской лексикографии, Б. А. Ларин, региональная лексикография, историческая лексикография, авторская лексикография, социолингвистика, Межкафедральный словарный кабинет, Ларинские чтения

Для цитирования: Генералова Е. В. Словарное наследие профессора Б. А. Ларина и современная лексикография (к 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 75–84. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-75-84>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The lexicographic legacy of Professor B. A. Larin and modern lexicography (to the 130th anniversary of the birth)

Elena V. Generalova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, elena-generalova@yandex.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-9431-0418>

Abstract. The paper examines the lexicographic legacy left by Professor B. A. Larin (1893–1964). It also points out the direct correlation between Larin's ideas and the controversial issues and moot points in modern lexicography.

I provide a brief review of B. A. Larin's biography and his philological interests. The conclusion underscores the significance of the lexicographic ideas in the linguist's works as well as the versatility of his scientific interests. At the same time, they are united by such cross-cutting leitmotifs as a broad historical perspective, studying colloquial speech in its various manifestations, attention to semantics. B. A. Larin's ideas that were far ahead of their time are identified as a result of comparing the concepts he developed and the directions of modern lexicography evolution. For example, one such idea is a complete dictionary. It directly correlates with the currently relevant project of a complex (universal) dictionary. Moreover, Larin raised the issues of combining linguistic and encyclopaedic information in a historical dictionary as well as of scientific illustration of historical dictionary entries, which are still unresolved. The ideas of bilingual author lexicography, onomastic author lexicography, and historical phraseology proposed by Larin have hardly been implemented yet. The paper emphasises that B. A. Larin is one of the founders of Russian historical lexicography. Also, he created such a type of historical dictionary as the thesaurus of one written monument and became the father of Russian sociolinguistics and comparative phraseology. He formulated principles for describing various aspects of vocabulary, proposed a number of innovative lexicographic projects, thus anticipating many modern lexicographic theories and developments.

Keywords: history of Russian lexicography, B. A. Larin, regional lexicography, historical lexicography, author lexicography, sociolinguistics, Interdepartmental vocabulary room, Larin's readings

For citation: *Generalova E. V. The lexicographic legacy of Professor B. A. Larin and modern lexicography (to the 130th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):75–84. (In Russ.)* <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-75-84>.

Введение. В январе 2023 г. со дня рождения выдающегося лингвиста Бориса Александровича Ларина (1893–1964) исполняется 130 лет. А словари, задуманные ученым, и сейчас, в XXI в., востребованы и актуальны: одни выступают образцами в самых разных областях лексикографии, другие и по сей день продолжают пополняться, являясь многотомными, не одно десятилетие реализуемыми проектами, третьи, видимо, еще только будут созданы. В этом смысле поразительна широта научных интересов Б. А. Ларина, давшего жизнь столь многим и столь разнообразным словарям, и мощность потенциала его идей, новаторство которых несомненно и не исчерпано до сих пор. Рассмотрению лексикографического наследия профессора Б. А. Ларина и перекличке ларинских мыслей и концепций с проблемами и дискуссионными вопросами современной лексикографии и посвящена настоящая статья.

Необычайно широкая сфера научных интересов Б. А. Ларина включала санскритологию, славистику, украинистику, литuanистику, историческую лексикологию, историческую и современную диалектологию, стилистику русской художественной речи, лексикографию.

Истоки разносторонности Б. А. Ларина во многом скрыты в его научной биографии. Его учителями были такие крупные ученые, как Ф. И. Кнауэр, В. Н. Перетц, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба. Глубокая филологическая подготовка

позволила Ларину впоследствии выступить автором опережающих свое время идей, углубленно работая в разных филологических направлениях и находя их необычные точки пересечения.

Обсуждение. Б. А. Ларин родился 5(17) января 1893 г. в Полтаве, в семье учителя, впоследствии ставшего священником. Учился в Каменец-Подольской гимназии (1902–1906), Киевской коллегии имени Павла Галагана (1906–1910), Киевском университете на историко-филологическом факультете (1910–1914). По окончании Киевского университета Ларин был оставлен для подготовки к профессуре, кураторами его стали Ф. И. Кнауэр и В. Н. Перетц. Ученические годы Ларина, его товарищи по учебе, друзья и учителя, ранние работы, этапы становления как ученого подробно (по архивным данным) описаны Е. Н. Груздевой в работе «Борис Ларин. Детство. Годы учебы (наброски к биографии): к 125-летию со дня рождения» [Груздева 2018]. По предложению Ф. И. Кнауэра Б. А. Ларин ездил в Литву (1913–1914) для изучения диалектов литовского языка, затем был оставлен при Киевском университете, а в 1916 г. был направлен в Петроградский университет, где проходил стажировку и подготовку к профессуре.

С 1919 г. Ларин преподавал в педагогическом институте им. А. И. Герцена, с 1924 г. — в Петроградском (потом Ленинградском) университете. В разные годы Ларин читал лекции (как он указывал в автобиографии,

написанной в 1956 г.) «по общему языкознанию, по введению в русскую этнологию, по русской диалектологии, по истории русского языка, по старославянскому языку, по сербскому и польскому языкам, по введению в балтийскую филологию, по литовскому языку, по украинскому языку, санскриту, по языку писателя» [Ларин 2003а: 756], вел семинары по изучению языка города [Березин 2002: 227], ежегодно в 1924–1940 гг., а также в 1947 и 1949 г. ездил со студентами и аспирантами в диалектологические экспедиции. За годы своей педагогической работы Б. А. Ларин стал создателем оригинальной научной школы, отдельных научных центров в разных вузах бывшего Советского Союза, воспитал огромное количество учеников, разъехавшихся в самые разные уголки страны, ставших деканами и заведующими кафедр, докторами и кандидатами филологических наук и в свою очередь выступивших учителями и руководителями работ своих учеников, пополнивших ряды тех, кто по праву называет себя ларинцами, и продолживших разработку и распространение ларинских идей.

Научной деятельности и биографии Б. А. Ларина посвящен целый ряд исследований: это общие обзоры, статьи о конкретных периодах жизни ученого, отдельных направлениях его деятельности, воспоминания учеников. Наиболее полный список этих работ помещен во второй части сборника «Филологическое наследие» [Лилич, Лутовинова, Поцепня 2003: 942–944], там же приведена библиография трудов Б. А. Ларина, составленная его учениками [Ларин 2003б: 919–941]¹.

Значительное место в научном наследии Б. А. Ларина принадлежит исследованиям, освещающим теоретические и практические вопросы литовской, украинской, русской лексикографии. Лексикографией русского языка Ларин начал заниматься в 1930-х гг. С 1934 г. под руководством Д. Н. Ушакова Ларин работал над «Толковым словарем русского языка» (эта страница биографии ученого освещена в статье [Никитин 2016]). С марта 1933 г. Ларин начинает работу в Словарной комиссии Института языка и мышления имени Н. Я. Марра АН

СССР и входит в коллектив по составлению «Словаря древнерусского языка». С 1934 г. Б. А. Ларин становится секретарем «Картотеки древнерусского словаря» (далее – картотека ДРС), а после смерти М. Н. Сперанского возглавляет ее. Ларин активно берется за дело увеличения картотеки ДРС, под его руководством она доходит до 1 500 000 единиц. В 1936 г. Б. А. Лариным был написан «Проект Древнерусского словаря» [Ларин 1936], содержащий разработанные ученым программные принципы словарного представления лексики русского языка в диахронии. Ларинский коллектив сосредотачивается на создании первых томов ДРС, и в 1941 г. подписан в печать первый том Древнерусского словаря и подготовлен второй. Дальнейшие, печально известные перипетии истории ДРС заключались в том, что Ларин со своим коллективом не имел возможности продолжить работу над своим детищем (о работе ларинского коллектива над Древнерусским словарем см. подробно [Астахина 1993]; [Фелицына 2008]).

Но Ларинская лексикографическая школа обрела новый центр. В 1960 г. по инициативе Б. А. Ларина при поддержке ректора А. Д. Александрова в СПбГУ в качестве экспериментальной научной лаборатории по составлению словарей различных типов был создан Межкафедральный словарный кабинет. Б. А. Ларин наметил четыре основных направления научно-исследовательской и лексикографической работы словарной лаборатории: региональная, историческая, писательская и двуязычная писательская лексикология и лексикография. Носящий сегодня имя профессора Б. А. Ларина Межкафедральный словарный кабинет на долгие годы становится ведущим словарным центром России, по его образцу создаются и другие словарные лаборатории (например, словарная лаборатория в Магнитогорском государственном университете, которой руководит д. ф. н. проф. С. Г. Шулержкова). В 2020 г. Межкафедральный словарный кабинет отметил свое 60-летие, его многолетняя разносторонняя деятельность подробно освещена в статье нынешних сотрудников кабинета².

¹ Размещена также на сайте: <https://ruthenia.ru/apr/textes/larin/bibliogr.htm>.

² Еськова А. Д., Кузьмина Е. Б. и др. Межкафедральный словарный кабинет им. проф.

В истории науки известны научные подвиги, когда вся жизнь и судьба ученого подчинена созданию одного эпохального труда, и имя человека становится синонимом Словаря, но Б. А. Ларин — явление особое: ученый дает свое имя лексикографической школе, формулируя принципы описания лексики в самых разных направлениях, выступает генератором ряда лексикографических разработок, предвосхищая многие современные концепции. Ученик Б. А. Ларина д. ф. н. проф. А. С. Герд в статье «Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета» подробно перечисляет словари, задуманные Б. А. Лариным, его учеников и единомышленников разных лет, словарные проекты, осуществляемые ими, и выделяет основные черты Ларинской (и в целом петербургской) филологической школы, а именно: «общий филологизм, историзм, семантизм, лексикографизм» [Герд 2008: 4]. Ученый подчеркивает, что межведомственный характер проектов и тем, предполагающий совместное участие разных вузов и подразделений в одном проекте, тесная связь с учебным процессом, типично университетский характер науки и широкое вовлечение молодежи являются особенностями Ларинской лексикографической школы [Там же: 5].

Центральным проектом, воплощающим идеи Б. А. Ларина в региональной лексикографии, стал «Псковский областной словарь с историческими данными»³. Его замысел был уникален для своего времени, но остается новаторским и сейчас, в первой четверти XXI в. Лариным был задуман диалектный словарь полного типа. Во-первых, такой словарь не только описывает дифференциально диалектные единицы, но и воссоздает живую естественную систему говора. Во-вторых, словарь представляет и современное состояние, и историю лексики псковских говоров: от памятников псковской письменности XIII в. до самых современных данных, привозимых студентами и преподавателями СПбГУ и Псковского педагогического

университета из ежегодных диалектологических экспедиций. При этом все единицы словаря получают исчерпывающую семантическую характеристику, продумана подача подробной фонетической и грамматической информации, с помощью системы отсылок демонстрируются словообразовательные и синонимические связи. Лариным была разработана как теоретическая концепция полного словаря, так и практические лексикографические приемы представления в одной словарной статье исторического и современного материала, в одном словнике — диалектных и общерусских единиц. Кроме того, что «Псковский областной словарь с историческими данными» стал новым типом диалектного словаря, ларинские идеи напрямую коррелируют с потребностями современных пользователей иметь словарь, где «под одной обложкой», «в одной книге» лексика получала бы описание по самым разным лексикографическим параметрам.

Актуальной для современной русской лексикографии является идея комплексного (универсального) словаря. Так, «Комплексный словарь русского языка» под ред. А. Н. Тихонова⁴ совмещает 15 аспектных словарей: орфографический, орфоэпический, акцентологический, грамматический, морфемный, словообразовательный, морфонологический, стилистический, толковый, синонимический, антонимический, омонимический, сочетаемостный, тематический, фразеологический. «Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В. В. Морковкина⁵ для каждого слова дает сведения о написании, ударении, особенностях произношения, грамматических формах, морфемном составе, словообразовательной структуре, этимологии, значениях с указанием их активности или пассивности, сочетаемости, синонимах, антонимах, паронимах, употреблении в составе фразеологизмов, культурологическую и страноведческую информацию. Цифровая лексикография предоставляет в этом отношении

Б. А. Ларина (к 60-летию основания) // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 105–113.

³ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28, изд. продолжается. Л.: ЛГУ; СПб.: Изд-во СПбГУ, 1967–2020.

⁴ Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М.: Рус. яз., 2001. 1228 с.

⁵ Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. / под ред. В. В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС школа, 2018.

новые возможности. Б. А. Ларин же намечал пути создания по сути комплексного словаря еще в начале 1960-х гг.

Трудно переоценить вклад Б. А. Ларина в развитие исторической лексикологии и исторической лексикографии. Как писал Н. А. Мещерский, «при всем разнообразии и широте размаха научных исследований, производившихся Б. А. Лариным, центральной областью его интересов, его “доменом” всегда продолжали оставаться в соединении с исторической диалектологией историческая лексикология и лексикография восточнославянских языков, которым посвящены основные его труды» [Мещерский 2003: 870].

Б. А. Ларина по праву можно назвать одним из основоположников русской исторической лексикографии: своим выходом в свет ему обязаны главные исторические словари русского языка (которые пока не завершены). Картотека ДРС, положенная в основу центрального на настоящий момент исторического словаря русского языка — «Словаря русского языка XI–XVII вв.»⁶ и отчасти послужившая причиной начала создания картотеки «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.»⁷ (см. подробнее [Астахина 2001]), была создана во многом именно под руководством Б. А. Ларина. После перевода картотеки ДРС в Москву Б. А. Лариным был предложен проект словаря обиходного русского языка XVI–XVII вв. и начат сбор материалов для этого издания. Русское средневековье, как считал Ларин, — «это наиболее вопиющая лакуна русской лексикографии и самое зыбкое место, трясина, в которой гибнет всякая попытка построения русской исторической лексикологии» [Ларин 1993: 8]. Проект и пробные словарные статьи «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» были опубликованы в 2000 г.⁸. В настоящее время на

основе собранной Б. А. Лариным и его учениками и существенно пополненной картотеки составлено 9 выпусков «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (2004–2020)⁹, и это тоже продолжающийся многотомный проект.

Оставив классические этюды по истории отдельных слов, дав периодизацию истории русской лексики, Б. А. Ларин настаивал на построении исторической лексикологии через изучение лексического состава исторических текстов русского языка. Б. А. Ларин — автор такого типа исторического словаря, как словарь одного памятника. Коллективом ларинских учеников создан словарь «Лексика и фразеология “Моления Даниила Заточника”»¹⁰, Б. А. Ларин был одним из вдохновителей проекта и редакторов 1-го выпуска «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”»¹¹ — т. е. ученый стоял у истоков создания классических образцов словарей-тезаурусов одного памятника. В современной лексикографии распространенным явлением выступает составление конкорданса к конкретному памятнику, но филологические толковые словари исторического текста, представляющие собой полноценное исследование лексики и фразеологии описываемого памятника, — более сложный и потому редкий тип. В этом отношении словарь «Лексика и фразеология “Моления Даниила Заточника”» и «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» остаются образцами этого жанра.

Существенную новую задачу при создании исторического словаря Ларин обозначил как необходимость «расширить и дополнить узкофилологическую обработку материала... экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства, общественного строя и истории мировоззрения русского средневековья»

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31, изд. продолжается. М.: Наука, Нестор-История, ООО «ЛЕКСРУС», 1975–2019.

⁷ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Вып. 1–12, изд. продолжается. М.: Наука, Азбуковник, 1988–2019.

⁸ Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.): (Проект) / под ред. О. С. Мжельской. СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2000.

⁹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–9, изд. продолжается. СПб.: Наука, 2004–2020.

¹⁰ Лексика и фразеология «Моления Даниила Заточника» / отв. ред. Е. М. Иссерлин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 232 с.

¹¹ «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» Вып. 1–6 / сост. В. Л. Виноградова. М.-Л.: Наука, Ленингр. отд., 1965–1984.

[Ларин 1936: 15]. Одним из постулатов, заявленных Л. В Щербой в его программной статье, закладывающей основы типологии словарей, является разделение словарей на лингвистические и энциклопедические [Щерба 1958: 66–68]. Однако нельзя не признать, что Ларин и здесь опередил свое время, сочетание лингвистической и энциклопедической информации — один из насущных остро дискуссионных вопросов теории лексикографии. В своем пленарном докладе «Словари XXI века: общие очертания лексикографического пространства», открывавшем масштабную конференцию «Лексикография цифровой эпохи», В. Д. Черняк и В. А. Козырев подчеркивают: «Обращает на себя внимание сближение лингвистической и энциклопедической информации в словарях, что находит отражение и в “пограничных” типах словарей, и в структуре словарных статей» [Козырев, Черняк 2021: 13].

Оказалась востребованной и ларинская идея о максимально полной и углубленной проработке семантического пространства слова. Именно в этом направлении двигались составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.», и новое отношение к разработке словарной статьи стало «самым важным решением авторского коллектива» [Чернышева 2013: 195].

В «Проекте Древнерусского словаря» Б. А. Ларин пишет о необходимости снабжать статьи исторического словаря иллюстрациями, подробно обосновывая, почему, какого рода, к каким словам и т. п. такие иллюстрации должны быть [Ларин 1936: 18–22]. Эта идея впоследствии была использована при создании словарей устаревших, редких и забытых слов¹². Однако в силу существенных технических трудностей пока еще не удалось воплотить эту блестящую идею Б. А. Ларина в исторической лексикографии, не говоря уже о предложенных ученым «сводных таблицах, где собраны будут изображения различных

реалий одного слова (например, повозок, кораблей, шапок, пицалей и т. п.)» [Там же: 22].

Одним из важных направлений работы Б. А. Ларина была историческая диалектология, и это тоже одна из его идей, востребованных впоследствии: исторические региональные словари будут изданы позже¹³, а многие вопросы исторического членения языка на местные разновидности еще недостаточно изучены.

В области авторской лексикографии разрабатываемая Б. А. Лариным теория эстетической функции языка художественной литературы и концепция полного словаря писателя ознаменовали новый этап в развитии самой области авторской лексикографии. В основе ларинской концепции лежит выдвинутый ученым принцип полноты лексикографического описания словоупотребления писателя по четырем параметрам: по словнику (составу заглавных слов), по разработке значений и употреблений слов, по цитации (с указанием, в каких местах текста встречается слово), по грамматической и стилистической

¹³ Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII веков. Красноярск: б. и., 1971. 581 с.; Хитрова В. И. Русская историческая и диалектная лексикология: материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии. М.: Изд-во МГПИ, 1987–1989. 112 с.; Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010; Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин; отв. ред. В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 179 с.; Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв.: (По памятникам письменности Смол. края) / сост.: Е. Н. Борисова и др.; отв. ред. Е. Н. Борисова. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2000. 367 с.; Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века / авт.-сост.: В. В. Палагина и др.; под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 334 с.; Христосенко Г. А., Любимова Л. М. Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. Т. 1. Чита: Изд-во Забайкальского государственного педагогического университета, 2003. 351 с.

¹² Редкие слова в произведениях авторов XIX века: словарь-справочник / сост.: Р. П. Рогожникова [и др.]; отв. ред. Р. П. Рогожникова. М.: Рус. словари, 1997. 570 с.; Глинкина Л. А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. 428 с.

квалификации [Ларин 2003г: 676]. Результативность этого метода была доказана созданием «Словаря автобиографической трилогии М. Горького»¹⁴. Но лексикографические проекты по этим принципам продолжают издаваться и в наше время, знаменуя собой образцовые словари-тезаурусы языка писателя (например, словари языка произведений Лермонтова Г. И. Шипулиной)¹⁵. Отдельный словарный выпуск, подготовленный учениками Б. А. Ларина, был посвящен описанию всех имен собственных в автобиографической трилогии Горького¹⁶, и эта работа находится в русле самых современных тенденций авторской лексикографии. Так, Л. Л. Шестакова отмечает, что ономастическая лексикография выделяется в составе современной русской авторской лексикографии в рамках «усложнения ее внутренней структуры, формирования ряда ее подотраслей» [Шестакова 2021: 46].

Еще одним новаторским типом словаря, предложенным Б. А. Лариным, является двуязычный авторский словарь, в котором лексикографическое описание всех словопотреблений автора становится одним из методов изучения индивидуально авторского стиля. Такие словари практически отсутствуют в русской и мировой лексикографии и в настоящее время.

Б. А. Ларин — это и один из первых отечественных социолингвистов, основоположник социальной диалектологии, автор работ по арго, инициатор изучения языка города. Тезис Б. А. Ларина из доклада 1926 г. — «Если бы картографически представить лингвистическую разработку современной Европы, то самыми поразительными пробелами оказались бы не отдаленные и недоступные уголки, а именно большие города» [Ларин 2003в: 301] — нисколько не утратил своей

актуальности и сейчас, спустя почти 100 лет. Председатель фразеологической комиссии при Международном съезде славистов В. М. Мокиенко подчеркивает особую значимость высказанных Б. А. Лариным положений для «широкоохватного исследования разговорной речи города (особенно арго и жаргона)» [Мокиенко 2019: 903].

В отношении фразеологии Ларин много сделал для становления компаративной фразеологии — направления, востребованного в наши дни как в академической, так и в вузовской среде. Отдельно надо сказать об идеях Б. А. Ларина в области исторической фразеологии, поскольку он одним из первых вообще поставил вопрос о диахроническом изучении фразеологии: «Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических словосочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний как русского, так и других языков» [Ларин 1977: 136–137]. При этом и на настоящий момент не разработана общая методология диахронического подхода к изучению фонда устойчивых сочетаний, нет системного описания устойчивых сочетаний отдельных исторических периодов русского языка, практически отсутствуют собственно исторические фразеологические словари русского языка.

Ларинские идеи только на первый взгляд кажутся мало связанными друг с другом и парадоксальными. Их объединяет ряд стержневых положений: изучение влияния разговорной речи на литературный язык в широкой исторической перспективе, пристальное внимание к семантике слова в разных сферах его функционирования. «Характерная черта Б. А. Ларина как ученого — стремление разрывать замкнутые круги изучения, подчеркивать связи истории с современностью, а современности с историей, не замыкаться в области одного национального языка, одного диалекта, одной социальной группы. Он всюду идет по наиболее трудному пути, изучая любой вопрос в его соотношениях с другими вопросами, комплексно и исторически» [Лихачев 1977: 46].

Выводы. Удивительны и широта научных интересов Б. А. Ларина, и яркость

¹⁴ Словарь автобиографической трилогии М. Горького: в 6 вып. с прил. словаря имен собственных. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974–1990.

¹⁵ Шипулина Г. И. Словарь языка Лермонтова. «Герой нашего времени»: в 2 т. Баку: Мутарджим, 2016.; Шипулина Г. И. Словарь стихотворного языка Лермонтова: в 2 т. Баку: ИД «Зенгезурда», 2019; Шипулина Г. И. Словарь языка Лермонтова. «Демон»: в 2 кн. Баку: ИД «Зенгезурда», 2021.

¹⁶ Имена собственные (Личные имена, геогр. названия и загл. литературных произведений) / сост. А. В. Федоров, доц. О. И. Фoniaкова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 103 с.

его стиля, и притягательность его личности. Дело Ларина воплощается не только в теоретическом наследии ученого и задуманным им словарях, но и в его учениках и единомышленниках.

Ежегодно в дни памяти Ларина в середине января (поскольку день рождения Бориса Александровича — 17 января) проводятся Ларинские чтения, и этой традиции более полувека. Иногда это однодневное заседание, иногда полноценные конференции, на которых выделяются разные секции. Юбилейная конференция 1993 г. продолжалась три дня, работал ряд секций: «Историческая лексикология и лексикография», «Балтийское языкознание и этимология», «Стилистика художественной речи», «Диалектология», «Общие вопросы языковедения», «Фразеология», названия которых отражают основные направления научных интересов Б. А. Ларина и лексикографической деятельности Словарного кабинета.

Традиционно на Ларинских чтениях лексикографы, диалектологи, историки языка, фразеологи, историки науки выступают с сообщениями по современным проблемам лексикографии и лексикологии. С трибуны Ларинских чтений звучат доклады, посвященные разным страницам жизни Б. А. Ларина и других лексикографов, русским диалектам под иноязычным влиянием, прагматике в лексикографии, эстетике невыразимого в индийской классической поэзии, Трифоновскому сборнику, Пинежскому летописцу, Сербскому речнику...

Можно видеть, что незаурядные идеи Б. А. Ларина вот уже которое десятилетие вдохновляют работу многочисленных словарных коллективов, его учеников и последователей.

В заключение хотелось бы привести фрагмент вступительного слова на открытии Ларинских чтений 1993 г. декана филологического факультета СПбГУ В. Д. Андреева: «На университетском гербе слова — *Nis tuta regepnat* («Здесь находится безопасно»). И откуда университетская филология порождает такие явления, как Борис Александрович Ларин, и откуда трудами единомышленников умножаются, продолжают и обогащаются проницательные идеи предшественников, филологическому кораблю быть непотопляемым».

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахина Л. Ю. Борис Александрович Ларин (по материалам архива Картотеки ДРС) // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 30–39.
2. Астахина Л. Ю. История картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв.: авторский состав и источники // Словарь русского языка XI–XVII в. Справочный выпуск / авт.-сост. Л. Ю. Астахина. М.: Наука, 2001. С. 7–58.
3. Березин Ф. М. Борис Александрович Ларин // Отечественные лингвисты XX века: сб. статей. Ч. 1 (А–Л) / редкол.: Ф. М. Березин (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 232–254.
4. Герд А. С. Ларинская лексикографическая школа Петербургского (Ленинградского) университета // Русская историческая лексикология и лексикография. 2008. № 7. С. 3–23.
5. Груздева Е. Н. Борис Ларин. Детство. Годы учебы (наброски к биографии): к 125-летию со дня рождения // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2018. № 1. С. 217–233.
6. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.
7. Ларин Б. А. Автобиография // Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 755–756 [Ларин 2003а].
8. Ларин Б. А. Библиография трудов // Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 919–941 [Ларин 2003б].
9. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публикация и примечания С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 5–9.
10. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы): учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. 224 с.
11. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 301–313 [Ларин 2003в].
12. Ларин Б. А. Основные принципы «Словаря автобиографической трилогии М. Горького» // Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 675–682 [Ларин 2003г].
13. Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: Принципы, инструкции, источники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 175 с.
14. Лилч Г. А., Лутвинова И. С., Поценя Д. М. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 942–944.

15. Лихачев Д. С. О Борисе Александровиче Ларине. Предисловие // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы): учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. С. 5–10.

16. Мещерский Н. А. Б. А. Ларин // Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 868–877.

17. Мокиенко В. М. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 903–916. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.414>.

18. Никитин О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.

19. Фелицына В. П. Вспоминая ДРС // Русская историческая лексикология и лексикография. 2008. № 7. С. 24–53.

20. Чернышева М. И. Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI–XVII вв. // Acta Linguistica Petropolitana: Труды ИЛИ РАН. 2013. Т. 9, № 2. С. 192–206.

21. Черняк В. Д., Козырев В. А. Словари XXI века: общие очертания лексикографического пространства // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Международного симпозиума (24–25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 11–13.

22. Шестакова Л. Л. Активные процессы в русской авторской лексикографии // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Международного симпозиума (24–25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 45–47.

23. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ, 1958. С. 54–91.

REFERENCES

1. Astakhina L. Yu. Boris Aleksandrovich Larin (based on materials from the archive of the Old Russian Manuscript Card Index). *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Larina = Questions of the theory and history of language: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of B. A. Larin*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1993. P. 30–39. (In Russ.)

2. Astakhina L. Yu. History of the card index of the Dictionary of the Russian language in the 11th–17th

centuries: authors and sources. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII v. Spravochnyy vypusk. Avt.-sost. L. Yu. Astakhina = Dictionary of the Russian language XI–XVII century. Reference issue. Compiled by L. Yu. Astakhina*. Moscow: Science, 2001. P. 7–58. (In Russ.)

3. Berezin F. M. Boris Aleksandrovich Larin. *Otechestvennye lingvisty XX veka: sb. statey. Ch. 1 (A–L). Otv. red. Berezin F. M. = Domestic linguists of the XX century: collection of articles. Part 1 (A–L)*. Ed. by F. M. Berezin. Moscow: ISSS RAS, 2002. P. 224–245. (In Russ.)

4. Gerd A. S. Larin lexicographic school of Petersburg (Leningrad) university. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya = Russian historical lexicology and lexicography*. 2008;7:3–23. Saint Petersburg State University. (In Russ.)

5. Gruzdeva E. N. Gruzdeva E. N. Boris Larin. Childhood. Years of study (outline for a biography): on the 125th anniversary of his birth. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya = Slavic historical lexicology and lexicography*. 2018;1:217–233. (In Russ.)

6. Kozыrev V. A., Chernyak V. D. Modern orientations of domestic lexicography. *Voprosy leksikografii = Journal of Lexicography*. 2014;1(5):5–15. (In Russ.)

7. Larin B. A. Autobiography. *Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage: collection of articles*. Saint-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 755–756 [Larin 2003a]. (In Russ.)

8. Larin B. A. Bibliography of works. *Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage: collection of articles*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 919–941. [Larin 2003b]. (In Russ.)

9. Larin B. A. Notes on the Dictionary of the Everyday Russian language of Moscow Rus': publication and notes by S. S. Volkov. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Larina = Questions of the theory and history of language: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of B. A. Larin*. Saint-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 1993. P. 5–9. (In Russ.)

10. Larin B. A. History of the Russian language and general linguistics (Selected works): textbook. Moscow: Education, 1977. 224p. (In Russ.)

11. Larin B. A. On the linguistic study of the city. *Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage: collection of articles*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 301–313. (In Russ.) [Larin 2003c].

12. Larin B. A. Basic principles of the "Dictionary of M. Gorky's autobiographical trilogy". *Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage:*

collection of articles. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 675–682. (In Russ.) [Larin 2003d].

13. *Larin B. A.* Old Russian dictionary project: principles, instructions, sources. Moscow, Leningrad: Publishing house of Academy of Sciences USSR, 1936. 175 p. (In Russ.)

14. *Lilich G. A., Lutovinova I. S., Pocepnyya D. M.* About Boris Alexandrovich Larin. *B. A. Larin. Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage: collection of articles*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 942–944. (In Russ.)

15. *Likhachev D. S.* About Boris Aleksandrovich Larin. Foreword. *B. A. Larin. Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie (Izbrannye raboty): ucheb. posobie = History of the Russian language and general linguistics (Selected works): textbook*. Moscow: Education, 1977. P. 5–10. (In Russ.)

16. *Meshchersky N. A. B. A. Larin. B. A. Larin. Filologicheskoe nasledie: sb. statey = Philological heritage: collection of articles*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. P. 868–877. (In Russ.)

17. *Mokienko V. M.* Boris Aleksandrovich Larin: the free element of colloquial speech. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):903–916. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/qv.2019.3.414>

18. *Nikitin O. V.* Domestic lexicography in the 1930s: the struggle of ideas and ideologies (from the history of the creation and discussion of the Explanatory Dictionary of the Russian language, edited by D. N. Ushakov). *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*. 2016;3:27–40. (In Russ.)

19. *Felitsyna V. P.* Remembering Old Russian Manuscript. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya = Russian historical lexicology and lexicography*. 2008;7:24–53. (In Russ.)

20. *Chernysheva M. I.* From the history of changing the concept of the Dictionary of the Russian language in the XI–XVII centuries. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy ILI RAN = Acta Linguistica Petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Research RAS*. 2013;9(2):192–206. (In Russ.)

21. *Chernyak V. D., Kozyrev V. A.* Dictionaries of the 21st century: general outlines of the lexicographic space. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi: sb. materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma (24–25 sentyabrya 2021 g.)*. *Otv. red. E. A. Yurina, S. S. Zemicheva = Lexicography of the Digital Age: Proceedings of the International Symposium (September 24–25, 2021)*. Ed. by. A. Yurina, S. S. Zemicheva. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 2021. P. 11–13. (In Russ.)

22. *Shestakova L. L.* Active processes in Russian author's lexicography. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi: sb. materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma (24–25 sentyabrya 2021 g.)*. *Otv. red. E. A. Yurina, S. S. Zemicheva = Lexicography of the Digital Age: Proceedings of the International Symposium (September 24–25, 2021)*. Ed. by. A. Yurina, S. S. Zemicheva. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 2021. P. 45–47. (In Russ.)

23. *Shcherba L. V.* Experience of the general theory of lexicography. *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike = Selected works on linguistics and phonetics*. Leningrad: LSU, 1958. P. 54–91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Владимировна Генералова, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русского языка, заведующий Межкафедральным словарным кабинетом им. Б. А. Ларина

Elena Vladimirovna Generalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Head of the B. A. Larin Interdepartmental Dictionary Room

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 15.11.2022.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>

Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв.

Олег Викторович Никитин

*Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Аннотация. Анализируется вклад Б. А. Ларина в становление новой лексикографической традиции в отечественной науке, связанной с изучением двуязычных лексиконов эпохи Московской Руси. Комментируются события из истории советской филологии 1930–1940-х гг. Имя Б. А. Ларина вводится в контекст противоречивых явлений в общественной жизни страны и борьбы с «космополитами». Обращается внимание на оригинальность подхода ученого к постановке и решению задачи осмысления и введения в исследовательскую практику уникальных памятников письменности, составленных иностранцами. Отмечается кропотливая работа Б. А. Ларина по расшифровке и лингвистическому комментированию словарных текстов. Подчеркивается, что русско-иностранноязычные разговорники и словари впервые в филологической традиции стали объектом внимания ученых как лингвокультурный феномен, позволивший дать объективные сведения об особенностях обиходной речи разных социальных слоев населения Московской Руси XVI–XVII вв. Говорится о перспективности данного направления и последующих разработок в изучении словарного билингвизма в отечественной и зарубежной науке. Выделяется роль Ларинской школы в деле продолжения историко-лингвистических традиций И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы. Делается вывод об оригинальности идей Б. А. Ларина и их научной ценности в современной лексикографической теории и практике.

Ключевые слова: Б. А. Ларин, Р. Джемс, Г. Лудольф, история языкознания, лексикография, двуязычный словарь, иностранный разговорник, Парижский словарь москвитов, лингвистический эксперимент, языковая личность, филологическая традиция

Для цитирования: Никитин О. В. Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв. // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 85–99. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of 16th-17th-century Muscovite Rus' epoch

Oleg V. Nikitin

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, olnikitin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>*

Abstract. The contribution of B. A. Larin to the formation of a new lexicographic tradition in Russian science associated with the study of bilingual lexicons of the epoch of Muscovite Rus' is analyzed. The events from the history of Soviet philology of the 1930s–1940s are commented on. The name of B. A. Larin is introduced into the context of contradictory phenomena in the public life of the country and the struggle against “cosmopolitans”. Attention is drawn to the originality of the scientist's approach to the formulation and solution of the problem of understanding and introducing into research practice unique textual monuments compiled by foreigners. B. A. Larin's painstaking work on deciphering and linguistic commenting of dictionary texts is noted. It is emphasized that for the first time in the philological tradition, Russian-foreign phrasebooks and dictionaries have become the object of attention of scientists as a linguistic and cultural phenomenon, which made it possible to give objective information about the features of everyday speech of different social strata of the population of Muscovite Rus' in the 16th and 17th centuries. It is said about the prospects of this direction and subsequent developments in the study of dictionary bilingualism in domestic and foreign science. The role of the Larin school in the continuation of the historical and linguistic traditions of I. I. Sreznevsky, A. A. Shakhmatov, L. V. Shcherba is highlighted. The papers concludes on the originality of B. A. Larin's ideas and their scientific value in modern lexicographic theory and practice.

Keywords: B. A. Larin, R. James. G. Ludolf, history of linguistics, lexicography, bilingual dictionary, foreign phrase-book, Paris Dictionary of Moscovites, linguistic experiment, linguistic personality, philological tradition

For citation: Nikitin O. V. B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of 16th–17th-century Muscovite Rus' epoch. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(1):85–99. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-85-99>.

Введение. В филологической традиции XX в. имя Бориса Александровича Ларина (1893–1964) стоит несколько особняком среди других классиков языковедческой науки и прочно связывается с Санкт-Петербургской (Ленинградской) лингвистической школой и ее историзмом как доминантой исследовательского метода. Начало ее деятельности в русле компаративистики положил академик И. И. Срезневский. Усилиями Я. К. Грота, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, а затем и Б. А. Ларина она постепенно превращалась в мощное лингвистическое направление, которое к рубежу XIX–XX вв. вышло за границы традиционного понимания историко-языковедческих проблем (вспомним успешные попытки Я. К. Грота создать нормативный «Словарь русского языка» и его лексикографические штудии по описанию стиля Державина, социолингвистические идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ и его реформаторский подход к Словарю В. И. Даля, интерес Л. В. Щербы к «психическим элементам» речи, к изучению живых славянских говоров и его фонетическую лабораторию и др.). Санкт-Петербургская лингвистическая школа славилась своими экспериментами, новаторскими подходами к изучению и описанию разных сторон языка. Она всегда отличалась высокой филологической культурой и во многом провидческими стремлениями разглядеть будущее науки в XX и даже XXI столетиях.

Б. А. Ларин с ранних лет профессионального общения с петербургскими филологами впитал эту атмосферу творчества и лингвокультурных практик, всегда откликался на нетрафаретные идеи, во многом чувствовал свежее дыхание эпохи, требовавшей от ученых принципиально иных установок и действий (см. подробнее: [Березин 2002]). Так, еще до начала увлечения лексикографией он плодотворно занимался санскритом, славянской диалектологией, историей русского литературного языка [Мокиенко 2019:

905–906]. А в 1920-х гг. увлекся лингвистическим изучением города — собирал материалы для лексикона воровской речи и офенского языка. Есть сведения, что в это время он готовил «Сводный арготический словарь»¹.

Борис Александрович Ларин
Фото 1929 г.

В 1930-е гг. лексикографическая деятельность Б. А. Ларина приобрела уже устойчивый и программный характер. Как ученый секретарь Группы Древнерусского словаря в Институте языка и мышления он занимался организационными обязанностями (вел рабочие дневники, привлекал крупных ученых — П. К. Симони, Б. М. Ляпунова, Вс. И. Срезневского,

¹ РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 2. Ед. хр. № 139. Л. 7. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 461 (Павел Константинович Симони).

готовил редакторов и др.) и составлял проект «Проекта древнерусского словаря» [Ларин 1936]. Л. А. Астахина правильно подметила, что «впервые в русской исторической лексикографии теоретические обоснования предшествовали практической работе над словарем» [Астахина 1996: 114]. Однако это, казалось бы, очень полезное и необходимое для ученых мероприятие по изданию первого исторического словаря русского языка XI–XVII вв. (пробный выпуск 1941 г. охватывал XV–XVIII вв.) так и не было реализовано ввиду сменившейся конъюнктуры в науке и крайне грустных событий в славистике второй половины 1930-х гг.: «...наступил 1937 г., когда двумя приказами в мае и июне были уволены все внештатные выборщики (а их было более 20 человек) в связи с “прекращением финансирования”. Эта формулировка в том же 1937 г. погубила и “Словарь русского языка” Грота-Шахматова: он закончил свое существование на слове *обратность*. Более полугода Б. А. Ларин ходил в Картотеку ДРС один...» [Там же: 114]. В послевоенные годы, несмотря на усилия Б. А. Ларина, работа шла с большими трудностями и в 1952 г. была прекращена, а уникальная картотека оказалась в Москве [Там же: 116]. В. М. Мокиенко сочувственно писал об этой трагедии так: «По приказу бывшего друга Бориса Александровича академика В. В. Виноградова, директора столичного Института русского языка, группа ДРС была расформирована, а картотека перевезена в Москву» [Мокиенко 2019: 906].

Стоит также отметить роль ученого в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Б. А. Ларин, кроме собственно научной работы, участвовал в громкой дискуссии с марристами 1935 г., отстаивая концепцию и идейный замысел этого словаря (см. подробнее: [Никитин 2012]).

Таким образом, ко второй половине 1930-х гг. Б. А. Ларин имел большой опыт теоретической, собирательской, архивной и практической работы в области лексикографии — как современной, так и исторической. Он искал свой путь в науке и разрабатывал совершенно новую концепцию словаря, в основе которого лежали бы данные разнообразных исторических

памятников [Судаков 2015]. Эта дорога вела его в сторону открытий, какими стали «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа (1937), «Парижский словарь москвитов» 1586 г. (1948) и «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» 1618–1619 гг. (1959)².

Анализ. Двухязычной лексикографией в первой половине XX в. занимались в основном Л. В. Щерба и Б. А. Ларин. Первый разрабатывал методологические основы этой науки (имеется в виду его статья «Опыт общей теории лексикографии», впервые опубликованная в 1940 г. [Щерба 1974], где он выделил тип переводных словарей) и участвовал в составлении «Русско-французского словаря» [Щерба, Матусевич 1936]. Второй избрал иной путь. Б. А. Ларин шел непроторенной и весьма опасной дорогой первопроходца в области иноязычно-русской лексикографии допетровского времени. Об этом предмете тогда можно было с трудом найти какую-либо литературу (см. обзор: [Ларин 2002: 521–526]).

Самый ранний из ларинских трудов по словарному билингвизму — «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа, впервые с 1696 г. переизданная с переводом, вступительной статьей и примечаниями ученого (затем в Оксфорде Б. Унбегаун опубликовал еще одно издание [Unbegaun 1959]). Как писал Б. А. Ларин в «Предисловии», «она представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка» [Ларин 2002: 511]. По-видимому, он начал работать над ней еще в начале 1930-х гг. В письме Д. Н. Ушакову от 18 марта 1934 г. Б. А. Ларин сообщал: «...меня до “последнего издыхания” торопят всякими делами: 1) я должен сдать свою работу (книгу) “Русская грамматика Г. В. Лудольфа 1696 г.” и еще не сдал ее...»³. Самой увлекательной частью книги, по его мнению, являются «диалоги, пять бытовых и один на тему о религиозных

² В круглых скобках мы указали здесь годы первых изданий указанных работ. Ссылки на них в тексте статьи даются по книге «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков» [Ларин 2002].

³ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 20. Л. 1. Архив РАН — Архив Российской академии наук (Москва). Ф. 502 (Дмитрий Николаевич Ушаков).

спорах, ханжестве, пристрастии к обрядам. Эти диалоги, в особенности второй, третий и четвертый, представляют памятник во всех отношениях не менее интересный, чем повести или интермедии того времени, памятник одинокий, исключительный по своему жанру. *Ничего подобного* (курсив наш. — О. Н.) ему в нашей письменности не было» [Там же]. Б. А. Ларин обратил внимание на практическое значение «Русской грамматики»: «По этим диалогам читатели книги должны были научиться тому или иному языку...» [Там же: 512]. Кроме прагматической направленности, ученый отметил и другие особенности «разговоров»: их литературную выразительность, реалистичность, точность «в языковой характеристике участников диалога», богатство в детализации нравов и обычаев. Он поднял стандартный жанр письменной литературы чутили не на пьедестал художественных текстов, признавая между прочим, что утилитарная функция издания как учебной книги в первую очередь мешала более широкому распространению, поэтому «Русская грамматика» стояла «целиком вне общего литературного процесса» [Там же]. Тем не менее Б. А. Ларин не скрывал своего «общественного темперамента», называя этот памятник источником «первостепенной важности по истории языка, культуры, быта» вместе с литературными произведениями и историческими документами [Там же].

Мы не будем касаться обзора теоретической части книги, скажем только, что ее справедливо называли первой *научной* грамматикой русского языка, и что показательно, составленной иностранцем. Хотя, как полагал Б. А. Ларин, «в Россию попало немало экземпляров этой книги... здесь она не была понята и признана, так как шла вразрез с господствовавшими до самого последнего времени тенденциями и теориями» [Там же]. Именно по этой причине языковеды дореволюционной России не занимались исследованиями текста и не привлекали его в своих трудах по исторической грамматике и лексикографии. Фактически памятник пролежал мертвым грузом со времени издания (1696 г.) до 1930-х гг. Из дореволюционной литературы по языкознанию Б. А. Ларин выделил С. К. Булича, который назвал Г. В. Лудольфа «первым ученым, отличавшим великорусский язык от

церковнославянского и обратившим внимание на их разницу в написанной им первой грамматике живого великорусского языка» (цит. по изд.: [Ларин 2002: 523]).

Каковы вкратце достижения Б. А. Ларина в этой области? Прежде всего, он открыл нам оригинального филолога Генриха Вильгельма Лудольфа (1655—1712), по-русски «Андрюшка Виллиемка» [Хольгер 2019: 885], написал о нем интересный очерк, где систематизировал не только биографические сведения, но и дал анализ его языковой личности, включил имя англо-немецкого лингвиста в культурную традицию эпохи, указал на его сношения с князем Б. А. Голицыным, патриархом Андрианом, сановниками разного социального и духовного положения, отметил по «разговорам» маршрут его путешествия по Москве и мн. др.

Б. А. Ларин выделил наиболее оригинальные с историко-лингвистической точки зрения фрагменты книги. К ним он отнес фразеологию и описание природных богатств и населения России. В то же время и грамматическая часть не была, по мнению ученого, пустым слепком с «Граматики» Мелетия Смотрицкого, как считал академик И. И. Давыдов: «...от греко-латинской схемы Лудольф ушел... дальше, чем Смотрицкий, показав этим большую лингвистическую одаренность и образованность» [Ларин 2002: 526]. Б. А. Ларин высоко оценил иностранца: «В своих записях Лудольф выказал тонкий слух и емкую память, а в системе изложения грамматики — самостоятельность и смелость» [Там же].

Еще один важный момент прояснил Б. А. Ларин: он заметил, что в оксфордском издании 1696 г. было немало опечаток. Данное обстоятельство дало повод исследователям игнорировать «Русскую грамматику» из-за ее якобы безграмотности. Вот как об этом говорил Б. А. Ларин: «Книгу Лудольфа печатали люди, настолько же осведомленные в русском языке, как наборщики ленинградского “Печатного Двора” в абиссинском или чукотском языке» [Там же: 528].

Б. А. Ларин встает на сторону Г. В. Лудольфа и в вопросе о «компилативном» характере грамматики: «Есть ли основания утверждать, что книга Лудольфа возникла не в результате наблюдений и записей живого языка (как я думаю),

а путем кабинетного перевода латинских или немецких фраз на русский язык? Нет. Это опровергается целым рядом доказательных доводов» [Там же: 529]. Среди них ученый привел «исключительность» Лудольфа как полиглота (тем более что грамматика была написана на латинском языке), который мог общаться и по-немецки в Немецкой слободе, писать по-итальянски и т. д. Так что подобные искусственные вкрапления в текст Б. А. Ларин не отрицал. Но «обмануть» фонетику разговорного русского языка, которую Г. В. Лудольф передал очень тонко, почти невозможно. Иностранцу, конечно же, по мнению Б. А. Ларина, были свойственны неточности, например он не всегда улавливал палатализацию звуков на конце слов — *путъ, честь, власть*, но *milost, kost, koren* и т. п., что объяснялось производительными деталями, не свойственными английскому или немецкому произношению [Там же: 530]. Б. А. Ларин привел любопытный пример, подтверждавший корректность передачи слов Г. В. Лудольфом даже в таких сложных языковых ситуациях, когда он общался с иностранцами: *Vog u nas niet*. Ученый так это прокомментировал: «Лудольф точно записал ответ, уловив даже деформацию, “акцент” татарина!» [Там же: 532].

Б. А. Ларин отвечает и на один из самых главных вопросов: «Что может дать материал Лудольфа для истории русского языка?» Самым ценным являются *диалоги* как источники живой фразеологии и разговорных диалектов времени Московской Руси, дающие представление и о социальных типах речи. Например, о принадлежности к низкой прослойке купечества, по наблюдениям Б. А. Ларина, свидетельствуют такие фразы: *Выбираи товарищи которые не склонение къ питію или къ праздности; Изъ агленской земли привозять сукно; Онъ гораздо богатъ; Почта пришла и грамотки я не досталъ; Изволишь чарку вотки?; Луче дурачествовать неже красть* и т. д. [Там же: 537–538].

Другая черта фразеологии «разговоров» Г. В. Лудольфа, подмеченная Б. А. Лариным, заключалась в том, что в них отсутствовали аорист и имперфект, формы двойственного числа. Отдельные отрывки прямо скопированы с речи челяди, например: *Ты*

меня двора послалъ, не могу два дѣла вдругъ здѣлать; Я бежалъ быть то бешенна собака; Въ передъ ленивъ не буду [Там же: 538].

Наконец, еще одна любопытная особенность языка Московской Руси XVII в., на которую обратил ученый, состояла в богатстве синонимических рядов «лексических альтернантов»: *дивлюся и дивуся; скудость и убожество; благодарю и челомъ бью* и т. д. [Там же: 539]. В связи с этим он обоснованно говорил о необходимости изучать территориальные диалекты и границы социального распространения слова.

Приложенные к «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа «разговоры» и их лингвистическое комментирование стали открытием в филологической науке, показали богатство речевых форм простонародного языка, неравномерность славяно-русского субстрата, его насыщенность и церковнославянскими элементами (в определенных ситуациях), и бытовой лексикой, и просторечием, и диалектизмами. Впервые в нашей языковедческой традиции был поставлен вопрос о привлечении таких источников для создания полного исторического словаря русского языка и лингвистического атласа. Исследование «Русской грамматики» и в XXI в. выглядит актуально как образец своего рода лингвистической дипломатии — диалога культур, о котором писал Б. Хольгер, отметивший вклад Г. В. Лудольфа в расширение круга говорящих по-русски [Хольгер 2019: 882–883].

«Парижский словарь москвитов» (далее — ПСМ) 1586 г. Б. А. Ларин посвятил памяти учителя Л. В. Щербы. Эта книга составила вторую часть диссертации ученого. Если над текстом «Русской грамматики» Г. В. Лудольфа он работал, используя первую публикацию 1696 г., то в этом случае Б. А. Ларин «стремился к абсолютной точности издания» и воспроизводил его по фотокопии рукописи Парижской национальной библиотеки, присланной А. Мазоном [Ларин 2002: 61]. Ценность использования в филологической работе этого источника заключается в том, что Б. А. Ларин, кроме текста словаря и подробных комментариев к нему, снабдил свое издание обстоятельным историко-культурным и лингвистическим очерком, где произвел тщательный анализ текста памятника и рассмотрел особенности его языка на

разных уровнях (фонетическом, грамматическом и лексическом). Б. А. Ларин показал себя не только мастером палеографического обследования, но и поделился с читателями живой поисковой информацией о ПСМ: рассказал о том, кто мог быть его автором и осведомителем, как проник в язык холмогорско-архангельский диалект. Ученый сделал колоссальную работу по восстановлению текста, исправлению ошибок, о чем он подробно сообщал во вступительной части [Там же: 27–29]. Содержательные наблюдения Б. А. Ларина о приемах записи русской речи, которые он открыл таким смелым для 1940-х гг. абзацем: «Скептически настроенные историки русского языка склонны преувеличивать неточность, неясность и недостоверность записей русского языка иностранцами. Я отвергаю этот бесплодный и ограниченный скептицизм...» [Там же: 29].

Размышляя об особенностях передачи русских звуков, Б. А. Ларин утверждал не без основания, что «в подавляющем большинстве случаев средства французской орфографии были совершенно достаточны для записи русской речи. Но, встречаясь с такими звуковыми элементами, для которых не оказывалось никакого соответствия во французском языке, составители словаря обращались к знакомым им системам: английской и немецкой. Они многократно применяли английское **th**, быть может, для показания альвеолярного и более слабого, чем во французском, затвора при т. Для русского **ч** тоже пригодилось английское употребление **ch** [Там же: 31]. Подобное разнообразие передачи звуков на письме, по мнению Б. А. Ларина, «иногда... ставит нас перед исключительными трудностями интерпретации записей Московского словаря». Так, он приводил графему **ch**, которая в ПСМ могла обозначать **ш**, **ч**, **с'**, **с**, **х**, **к**, **ж** [Там же]. Эти же сложности возникали при передаче русского [x], чуждого языку составителей [Там же: 32]. Можно только порадоваться лингвистической пунктуальности и феноменальному чутью Б. А. Ларина распознавать знаки французского языка XVI столетия, а главное — умению проникнуть в филологическую ментальность тех, кто его создавал. Например, об интерпретации слова *месяц* он писал так: «Что касается слова *месяць* (*myessesem*

578), то и тут я предпочитаю полное произношение с выделенным подчеркнутым окончанием, а в небрежном стиле это слово записано было ниже 610: *myessa*. Вот такое неполное восприятие слова в быстром произношении, очевидно, и вызвало реакцию осведомителя, услышавшего, как француз, повторяя за ним, недоговаривает окончание слова» [Там же: 35]. Поэтому ясно, какой «первозданный» материал предстал перед ученым: в нем были обнаружены многочисленные отклонения, недослышки и ошибки, варианты написаний и т. д. Б. А. Ларин хорошо понимал сложности своей работы над текстом: «Грубое сырье, какое представляют из себя записи французских купцов капитана Соважа в сохранившихся искаженных копиях, мы перерабатываем в драгоценный металл, в научно-достоверное изображение русской речи XVI в.» [Там же: 37].

Произведенный автором анализ фонетических черт ПСМ подвел его к мысли о том, что «записи были сделаны в Холмогорах или Архангельске. В них отчетливо отражен основной старохолмогорский говор...» [Там же: 46]. Между тем в тексте были зафиксированы и южнорусские элементы со спирантом *z*: *bacharetz* = *бахарец*, *aspondare* = *аспударь*, *aspoudarenia* = *господарыня* и др. [Там же: 45]. Показательно в этой связи, что слово *государь* «рано вошло в состав титула, и потому никакой грамотей не смел написать его согласно произношению под страхом жестокого наказания. Мы встречаем написание *осударь* только в XVII в., и то не в применении к царям, а... в фольклоре... наш источник явно передает окраинно-провинциальное произношение, притом просторечное, основанное на старом московском» [Там же].

Замечательны наблюдения Б. А. Ларина о том, что только благодаря фразеологии в тексте (*что ни буди*; *я челом бью* и пр.) можно оценить историческую грамматику, ведь ПСМ не имел никаких помет и морфологических характеристик — он представлял собой в оригинале две колонки слов — французских и русских [Там же: 47].

Гораздо богаче в нем была отражена лексика, причем многие слова не были зафиксированы в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и картотеке: «...не менее 12 % слов нашего

источника документируются им для XVI в. впервые. Эти 12 % слов с большой уверенностью можно отнести к дифференциальному лексическому запасу разговорного языка XVI в.» [Там же: 56]. Новым в описании стала социологическая характеристика. По мнению ученого, она дает возможность построить подлинно научную историю русского языка. На основе изучения ПСМ Б. А. Ларин пришел к выводу о том, что речевой материал «был достоянием севернорусского городского общего разговорного языка» [Там же: 57]. По тематическому составу первое место, как подсчитал ученый, заняла торговая номенклатура, менее широко представлена военная лексика, намного беднее — церковная [Там же: 57–58]. Б. А. Ларин разбирает также семантические характеристики слов.

Самым глубоким образом ученый отнесся к комментированию ПСМ: статьи, посвященные оборотам речи или отдельным словам, превратились в почти энциклопедические исследования по исторической лексикологии со ссылками на словари, опубликованные источники делового содержания, литературные тексты. Например, Б. А. Ларин указывал, что лексема *птьсельник* отсутствовала в старом литературном языке и не была зафиксирована в других источниках. Но достоверность ее записи в ПСМ «подтверждается современным фольклором и диалектами» [Там же: 102]. А слово *капон*, по его свидетельству, «нигде не зафиксировано», кроме ПСМ [Там же: 114]. По мнению Г. В. Судакова, наиболее интересны в комментариях лексикологические этюды по истории названий посуды (*фляга* — *фляжка*, *решетка*, *уполовник* и мн. др.), предметов гигиены (*утиральник*, *рукомойник*), постельных принадлежностей (*пастеля*, *наволока*), которые впервые стали предметом анализа, игр (*карты*, *зернь*, *тавлеи*) [Судаков 2015: 96]. Он же обратил внимание и на то, что «речевой этикет в Словаре московитов расписан подробно и учитывает разные ситуации общения» [Там же].

Небольшой забытый французский словарь конца XVI в. под пером Б. А. Ларина превратился в объемное исследование культурных традиций и *живого* языка Московской Руси — того периода,

о котором мы не имели достоверных сведений (особенно в области бытования территориальных и социальных диалектов, посадского языка, просторечия) до этого открытия.

В третьем разговорнике, выпущенном под названием «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса» (1618–1619 гг.), Б. А. Ларин продолжил исследования по изучению источников разговорной речи Московской Руси. Ученый посвятил его памяти знатока древностей П. К. Симони. И в этой работе Б. А. Ларин был непреклонен в своем стремлении доказать исключительную ценность словарей-разговорников Московской Руси для лингвистической науки. В «Предисловии» он говорил: «Я глубоко убежден в большой важности языковых данных, содержащихся в записках Ричарда Джемса, и для истории русского языка, и для истории английского языкознания. Этот источник по праву займет достойное место среди немногих памятников XVII в., широко и относительно точно отражающих разговорный язык Московской Руси» [Ларин 2002: 177].

Здесь, как нам кажется, источниковедческий и лингвистический азарт расшифровать старинные письма как будто соревновался в очередном филологическом состязании Б. А. Ларина со временем, в котором было немало нераскрытых тайн. К достоинствам «Словаря-дневника» ученый относил такие свойства: оригинальность текста (это был автограф), подлинность записанных англичанином фраз, точная датировка и указание на место записей. Интересно и то, как Р. Джемс вел свой дневник: вначале шли изолированные слова и выражения с однословным переводом или без него, а далее автор помещал пространственные комментарии к отдельным лексемам. Изменился и характер его лингвистических наблюдений: «от предметных обозначений Джемс переходит к записи разговорных формул, услышанных реплик (“это диковина”, “не бесчести”, “скажи скаска”, “скоро ты помчелси” и т. д.)» [Там же: 178]. Б. А. Ларин подчеркивал важность исправлений в тексте, которые вносил Р. Джемс. Как правило, они уточняли фонетический облик слова [Там же]. Большую ценность, как считал ученый, имели разные стили произношения и стили речи,

представленные в рукописи: высокий, который был свойствен воеводам, дьякам, священникам, и просторечный — купцам, стрельцам, слугам и хозяевам. В изученном материале к высокому стилю разговорной речи (так у Б. А. Ларина) относятся слова *печальник, корьмишник, Бог, судит, разум, владыка, храм, чадо* и др., а просторечные слова «составляют 9/10 записей Р. Джемса: *восток, кѣрабельщик, чорт, бес, розбить, роздавал...*» [Там же: 199].

В «Комментариях» к тексту ученый поместил содержательные экскурсы в названия бытовых предметов, животных, рыб, говорил об особенностях произношения и толкования, приводил свидетельства известных словарей и данные говором, указывал на возможную датировку, даже спорил с Р. Джемсом. Так, например, «объяснение слова *скоморох*, как ‘музыкант (скрипач)’ идет вразрез с правительственным (церковным) гонением на *скомо-рохов*. Это указывает на Север и на среду людей, не опасавшихся властей в своих суждениях» [Там же: 314]. Разгадывая выражение *зачипни свеча* (вм. *зачипни свеча?*), он писал, что это «забытая формула, она вышла из обихода вместе с лучиной и свечным освещением» [Там же: 325]. А слово *заворотимся*, по мнению Б. А. Ларина, «объяснено Р. Д. неправильно» [Там же: 356]. Можно сказать, что эти комментарии уже сами стали памятником филологической мысли.

Другая важная информация, которую донес до научного сообщества Б. А. Ларин, заключалась в том, что он впервые подробно описал данные о старохоломгорском говоре (частично этот вопрос уже затрагивался в «Парижском словаре москвитов»). Удивительно то, что эти сведения ученый извлек из *инострannого* материала, в точности отразившего народный говор тех мест, например такие явления, как переход *я* в *е* под ударением (*peitnitza, mech, govedina*) в безударном положении (*они любят, тежол, десеть*), переход *о* в *у* (*robaska, bomaga, koteau*). Б. А. Ларин отмечает особенность передачи на письме звучащей речи: «В нескольких случаях даже русское ударяемое *у* он передает посредством английского *o*: *izemrode, podproge..., ogullha*. В последнем случае соседний безударный *о* был воспринят как более

высокий, чем ударяемый *у*, что для данного диалекта не представляется вероятным» [Там же: 200]. Б. А. Ларин подчеркивал, что переход *е* в *о* дает ценный материал и для характеристики старохоломгорского говора [Там же: 202–203]. В записях Р. Джемса широко отражены рефлексы старого *я*тя. Б. А. Ларин обнаружил три основных вида живого *ть* в смешанных говорах Холмогор–Архангельска: 1) *ть* как *и* (*snigom, pollina, ripah, switcha*), 2) написание *е* на месте *ть* (*obedni, grex, deuka, reka, sedlo*), 3) написание *ea* на месте *ть* ученый назвал «самым трудным для чтения и расшифровки» (*veashna, винця = вьнца, podveaske*) [Там же: 200–201]. И в других параграфах этой части содержатся подробнейшие описания фонетических особенностей, например анализируются мена звонких и глухих, рефлексы *щ*, свистящие, шипящие и шепелявые звуки и т. д. Кроме того, Б. А. Ларин обнаружил в текстах экзотические явления, проникшие из языков северных народов: *нѠт* — божество (из ненецкого языка), *poi* — камень (из карельского языка) и т. п., которые могли быть «перенесены и московскими купцами» [Там же: 198]. Такое подробное обследование фонетики живой речи, а точнее — ее грамотная реконструкция, позволили Б. А. Ларину утверждать, что словарные записи Р. Джемса обогатили русскую диалектологию свежими данными. Но важнее всего было прояснение генеалогии этого говора, который эволюционировал, как полагал ученый, «путем скрещения новгородского диалекта с туземными северными языками», а на процесс его обогащения и развития повлияли среднерусские и — в меньшей мере — южнорусские колонизационные миграции [Там же: 208]. Такой вывод можно было сделать только при наличии вновь открытых фактов, извлеченных из иностранного источника.

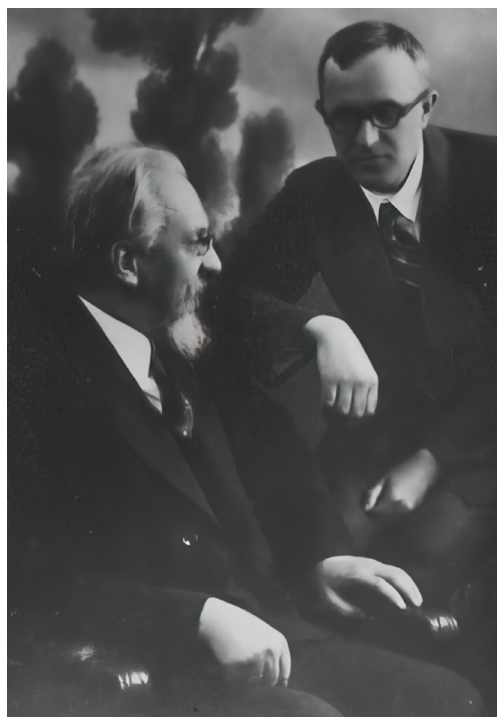
Наконец, обратим внимание на состав словаря-дневника, который отличался от обычных лексиконов и разговорников обилием диалектизмов, местных выражений и пространными объяснениями русских обычаев, что делает его исключительно ценным по этнокультурной ценности материалом. Из него читатель узнавал, кто такие *лопари*, что значило *беззаконие*, чем занимался *трапезарь* («служитель, который

подметает, а зимой топит в церкви печи»), когда можно услышать *зык* (эхо), как называли люди разорение и сожжение Москвы (*розоринье*), стоит ли бояться *сушедка* («что-то вроде веселого чертенка, навещающего в дома русских»), что делали в *кабаке* («играют в кости и в карты, а также место, где казаки и стрельцы продают свою законную добычу...»), как подзывали петуха или курицу (*хут, хут ~ куть! куть!*). Там же мы находим любопытные пословицы, устойчивые выражения типа *Христос воскрес – Микула выручай; гуси-крестьяни; стучики-попы; лебеди-дворяни; жэравли-разбойники; виши-попады* и мн. др. О. С. Мжельская, занимавшаяся изучением этих текстов, пришла к выводу о том, что «точность наблюдений Р. Джемса подтверждают словари, составленные много позже» [Мжельская 2003: 155].

Мне не раз приходилось студентам давать задание отгадать слова из этого источника, попробовать себя в качестве последователя Б. А. Ларина, научиться чувствовать природные интонации живой речи сквозь иноязычный голос Р. Джемса. Колоритен такой пример: *χολashnoboι = кулашно<й> бой*, иллюстрирующий одну русскую забаву, которую мы знаем под именем *кулачного боя*. Вот как его описывал автор Р. Джемс (в русском переводе): «В некоторые дни, как, например, 24 октября, когда мы там были, – в те дни, которые, как говорят, угодны молодежи, выступающей по своим приходам и за честь своих церквей, а то и для испытания сил, – сходятся все, кто помоложе, впрочем, даже бородачи, и так действуют кулаками, что иногда от этого побоища одни умирают впоследствии, а другие оказываются убитыми на месте, притом безо всякой злобы и ненависти. Те, что недавно изо всей силы изувечивали друг друга кулаками, пинками, зубами, изукрашили синяками, через несколько дней, встречаясь, дружески здороваются» [Ларин 2002: 254]. Отмеченное слово, под данным О. С. Мжельской, стало более ранней фиксацией, чем оно было зафиксировано в историческом лексиконе (под 1649 годом) [Мжельская 2003: 155]. Можно только догадываться, какие чувства испытывал Б. А. Ларин, когда день за днем открывал для себя это сокровище словесных наук.

«Словарь-дневник» Р. Джемса пополнил копилку иностранных источников

по истории русского языка Московской Руси – вдохнул живую стихию народной речи, которая после ее расшифровки Б. А. Лариным показала необычайно богатый, эмоциональный речевой фон, расширил жанровые границы памятников XVII в. Поражает не только насыщенность текста природным компонентом, но и метафоричность записанных Р. Джемсом выражений, его наблюдательность, искренний человеческий интерес к чуждым для него обрядам и явлениям народной культуры. Не будет преувеличением заметить, что этот материал оказался настолько впечатляющим с точки зрения энциклопедических знаний о той эпохе, что ждал точно такого же исследователя, впервые так масштабно заявившего о новом направлении в изучении языка – двуязычной исторической лексикографии. Уже в XXI в. работа по изучению русско-иностранных словарей, в том числе и созданных на поморском Севере, продолжается с опорой на пионерские труды Б. А. Ларина (см.: [Епимахова, Поликарпов 2018]).

Учитель и ученик: Л. В. Щерба и Б. А. Ларин.
Фото 1930-х гг.

Отмеченные нами памятники письменности эпохи Московской Руси XVI—XVII вв., филигранно описанные источниковедчески, переведенные на русский язык и впервые в науке проанализированные с лингвистической точки зрения, стали предметом научного исследования Б. А. Ларина и темой его докторской диссертации, которую он защитил в 1947 г. в сложное время борьбы с «космополитами». Позднее ученый был подвергнут жесткой, несправедливой критике со стороны марристов. Заметим попутно, что оппонентами Б. А. Ларина были крупные лингвисты: Г. О. Винокур, Н. П. Гринкова и М. П. Алексеев [Ларин 2002: 23]. На заседании Ученого совета Института языка и мышления АН СССР и ленинградского отделения Института русского языка АН СССР, проходившего 28–29 июня 1949 г., прозвучали совсем не лестные выступления коллег по лингвистическому цеху. Так, Е. А. Бокарев отметил «антипатриотический характер» и «преклонение проф. Б. А. Ларина перед сомнительными в научном отношении свидетельствами иностранцев о русском языке прошлого» (цит. по изд.: Астахина 2021: 237). Ф. П. Филин говорил об ошибках «космополитического характера» в отдельных работах Б. А. Ларина, «в которых он преувеличивал роль иностранных источников». В стенограмме сохранился ответ Ф. П. Филину, в котором тот задает риторический вопрос своему оппоненту: «...нужно ли, законно ли, можно ли пользоваться иностранными источниками, представляют ли они ценность? Едва ли для серьезного ученого, а не для какого-нибудь шарлатана или клеветника, представляет какие-нибудь сомнения вопрос о ценности и важности иностранных источников» [Там же: 238]. Далее Б. А. Ларин апеллирует к Н. Я. Марру и его опыту научной работы: «В отличие от своих предшественников Марр указал, что Геродот является источником не сомнительным, не лживым, не баснословным, не вздорным, а достоверным источником огромной важности. И другие работы... — легенда о Киеве и армянская легенда, статья, посвященная хазарским источникам и т. д., основаны на широчайшем привлечении... значительного круга иностранных источников» [Там же]. Чтобы

понять, насколько серьезной была дискуссия, выходящая далеко за пределы научной этики, приведем еще один фрагмент из выступления Б. А. Ларина, прямо указавшего Ф. П. Филину и его приспешникам, какую цель они преследуют: «Но есть еще смысл, который, по-видимому, имеет в виду инициатор этой квалификации, когда говорит о сомнительной репутации человека, о сомнительном душе вокруг какого-нибудь происшествия. Этот смысл я категорически отрицаю, — сомнительного в смысле недоброкачественности, вредоносности и т. д. ничего нет в этих источниках» [Там же: 239]. Развивая тезис оппонентов о «преувеличении ценности» таких материалов, Б. А. Ларин свидетельствовал: «...не то, что мне приписывается — что все русские источники ничего не стоят по сравнению с иностранными... Я утверждаю, что для истории разговорного языка, которая у нас еще не писана и не начата, русские источники дают чрезвычайно мало» [Там же: 240].

Такова была общественная атмосфера лингвистических дискуссий в конце 1940-х гг. Она не щадила даже увенчанных академическими лаврами ученых (вспомним судьбу В. В. Виноградова, снятого с должности декана филологического факультета МГУ; десятки заклеяменных литературоведов). Но ларинский голос в такой непростой ситуации звучал ясно и твердо. Судя по стенограмме, ученый признал «неудачные, неточные, неряшливые формулировки» [Там же], из которых недоброжелатели попытались соорудить непреходимый часток ошибок и вписать его личность в число новых «врагов народа». В конце выступления Б. А. Ларин говорил о «чрезвычайном отставании разработки русского языка» и необходимости продолжать теоретическое «осмысление методики исторической лексикографии», о своем проекте древнерусского словаря, вместо которого «предполагается делать какие-то дополнения к Срезневскому в самом ветхозаветном духе (в чем я, конечно, участвовать не буду)... в этом тоже есть моя доля вины, и серьезной вины». Но отсутствие помощи со стороны «сторонников нового учения о языке» привело к тому, что «и на него (Ф. П. Филина. — *О. Н.*) ляжет тяжелая ответственность за то, что исторический

словарь, который мог бы быть большим достижением русской науки, превратился в позор...» [Там же: 241–242].

Эта дискуссия показывает, насколько противоречивой была обстановка внутри филологического сообщества, то и дело подогреваемого очередными заметками «писателей» в прессе. Б. А. Ларин, как мы видим из представленного обзора, последовательно отстаивал *научные* принципы организации лингвистической работы. Сильная, энергичная натура мыслителя, заряженного на высокие идеи, подобно его учителям и соратникам И. А. Бодуэну де Куртене и Л. В. Щербе, тяготилась царившим в ученых кругах социологизаторством и давлением партийной элиты. Его заключительная книга из триады иностранных источников, включенных в докторскую диссертацию, — «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса», — была издана только в 1959 г., скорее всего, по причине пресловутой «сомнительности» открытий, высказанных в ней, и смелости автора, который шел вразрез с общественным мнением. Но подлость тех, кто

пытался притормозить работу «самого образованного лингвиста нашего времени» (Д. С. Лихачев), не увенчалась успехом. Жизнь Б. А. Ларина в конце 1940-х висела на волоске. И все же нельзя было и тогда не признать огромной работы ученого по становлению гуманитарной науки, его включенности во многие проекты 1920–1940-х гг., носившие подлинно просветительский характер (ко времени этой дискуссии он уже был избран членом-корреспондентом АН Украинской ССР, а в 1949 г. стал академиком АН Литовской ССР). Даже находясь в крайне стесненных условиях, он не терял присутствия духа, оставаясь всегда, как и его учитель Л. В. Щерба, «рыцарем правды». В этом заключается большое достоинство настоящего ученого, к которому стоит отнести ставшие хрестоматийными слова великого Гумбольдта: «Самое первое и самое главное в жизни — это стараться владеть самим собою».

Размышляя о филологии будущего (так называлась его статья начала 1960-х гг.), Б. А. Ларин почти провидчески писал, что «многое будет не так, как мы представляем сегодня» — важно «каждому понять свое место, свой долг...» (цит. по изд.: [Ларин 2003: 716]).

Выводы. Работа Б. А. Ларина по изучению двуязычных словарей составляет эпоху в отечественной филологии. Обнародованные им источники иностранцев сделали прорыв в культурно-исторической нише: ученые впервые стараниями Б. А. Ларина услышали живую речь русских людей XVI–XVII вв., узнали об их интересах, бытовом поведении, религиозных обычаях не из летописей и богослужебных книг, а из фрагментов «разговоров», просторечных и диалектных вкраплений в их речь, увидели богатство внутреннего мира и словесные привычки наших предков, сохранившиеся практически в первозданном виде под пером талантливых путешественников, врачей и дипломатов, изучавших обиходный русский язык. Никто раньше не поднимал эту проблему так широко, как это сделал Б. А. Ларин, и не отстаивал свои принципы вопреки конъюнктуре так честно и бескомпромиссно, как он. По сути, ученый подсказал будущим поколениям филологов не одно, а несколько направлений современных диахронических исследований в лингвистике: 1) изучение

Борис Александрович Ларин
Фото конца 1950-х — начала 1960-х гг.

обиходно-разговорной речи (посадского языка, по Б. А. Ларину) с привлечением новых источников⁴; 2) исследование культурного фонда языка XVI–XVII вв.; 3) анализ языковых личностей авторов словарей и их письменных свидетельств с точки зрения социалингвистических характеристик; 4) определение статуса «простого» языка и его роли в системе разговорных жанров; 5) уточнение границ понятия *билингвизм* в Московской Руси.

Уже после пионерских работ Б. А. Ларина по большей части в Западной Европе оживился интерес к двуязычным и многоязычным лексиконам. По наблюдениям В. М. Мокиенко, словарные открытия ученого вдохновили «его последователей на разыскание, издание и изучение других подобных памятников. Роман Якобсон, который прямо ссылался на стимулирующее влияние примера Б. А. Ларина, опубликовал в Копенгагене двухтомник купца Тонниеса Фенне, в котором представлены записи живой народной речи псковичей начала XVII в.» [Мокиенко 2019: 911]. Позднее изучены и опубликованы «Тронекийский разговорник» XVII в. и другие лексиконы [Там же]. По крайней мере, за последние 30 лет были расшифрованы и изданы еще несколько оригинальных словарей в духе ларинских открытий. Самыми объемными из них были: «Lexicon slavo-ruthenicum», изданный под редакцией Адама Фаловского [Lexicon 2013], Mark Ridley's «A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue» [Stone 1996], отразивший лексику конца XVI столетия, и «Lexicon Slavonicum» [Sparwenfeld 1987–1992] Ю. Г. Спарвенфельда — монументальный четырехтомный славяно-латинский словарь (см.: [Биргегорд 2013]). Это подтверждает актуальность идей Б. А. Ларина по расширению источников изучения Московской Руси и необходимость их введения в современные словарные проекты и историко-лингвистические исследования. Одно из них,

книга ученицы Б. А. Ларина О. С. Мжельской «Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка)» [Мжельская 2003], стало удачным продолжением лингвистической миссии Бориса Александровича по анализу русско-иностранных разговорников и дневниковых записей европейцев как источников по изучению общественных отношений, экономики, культуры и социалектов Московской Руси.

Лексикографическая эпопея Б. А. Ларина не ограничилась названными материалами, хотя открытие и изучение этих редких текстов уже вписало его имя в пантеон выдающихся филологов. Он много сделал для подготовки к изданию «Псковского областного словаря» [Ларин 1961; Костючук 2021a, 2021b], занимался изучением разговорного языка Московской Руси и авторской писательской лексикографией, не теряя надежды, что его детище — древнерусский словарь — будет восстановлено в правах после неприятной истории о переводе картотеки в Москву [Ларин 1993]. И это действительно случилось: задуманный Учителем и реализуемый его последователями, ларинцами, лексикон под названием «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (2004–2020; в настоящее время вышло девять выпусков) убеждает лексикографов XXI в. в правильности концепции Б. А. Ларина, своевременности выделения в культурно-языковой традиции именно этой эпохи и необходимости включения в число источников по истории русского литературного языка русско-иноязычных лексиконов как подлинных свидетельств жизни слова Московской Руси [Васильева, Генералова 2015].

Подвиг Б. А. Ларина, сумевшего вопреки господствовавшим течениям в филологической науке того времени, косым взглядам коллег и откровенной травле изучить интереснейшие памятники словесной культуры XVI–XVII вв. и сделать их доступными широкой филологической аудитории, обратить внимание ученых на актуальность русско-иноязычных лексиконов, разговорников и грамматик, стал своего рода камертоном для последующих поколений исследователей словарного дела. Его

⁴ Ср. высказывание Б. А. Ларина: «Драгоценны для нас свидетельства иностранцев о разговорном языке, т. к. он почти не отражен в древнерусской письменности, прежде всего в силу постоянного осознанного противопоставления книжного языка, осененного высоким авторитетом религии, мирскому просторечию» (цит. по изд.: [Астахина 2021: 239–240]).

необычные лексикографические эксперименты, исключительная преданность научным принципам, живость филологического мышления, глубокие знания и вера в торжество идей настоящей лингвистики подпитывают и современные идеи региональной исторической лексикографии, помогают правильно выстроить новые концепции диахронических словарей и совершенствовать уже имеющиеся (см., например, работу по упорядочению статей и источниковедческой базы «Словаря русского языка XI–XVII вв.»). В то же время перспективным становится изучение словарей-разговорников как особого жанра и «носителей культурно-исторической информации» с типологической и социолингвистической сторон, а также анализ соответствия фиксируемых в таких источниках «разговорных единиц реальным коммуникативным ситуациям»⁵. Таким образом, идеи Б. А. Ларина оказались снова в центре дискуссий XXI в.

В отечественной науке есть имена ученых, чьи идеи уже давно вышли за порог одного времени и живут вместе с нами сейчас, как будто они являются нашими современниками. Земной облик Бориса Александровича Ларина, человека «редкой души и благородства», мудрого и прозорливого, порой неукротимого и «огнепального», как Аввакум, с кипучей энергией и любовью (Ф. Абрамов), как бы физически он ни был от нас далек, неотделим от того божественного вдохновения, которое испытываешь каждый раз, когда читаешь его работы. Они – живые, как и их автор с «общественным темпераментом» (Д. С. Лихачев), бродивший от прибалтийских холмов до аввакумовского Пустозёрска и псковских лесов со своим блокнотиком и подмечавший каждый раз то редкое, сокровенное, красивое и необычное в языке, что надо сохранить для истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахина Л. Ю. Древнерусская рукописная картотека XI–XVII вв. // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 112–119.

⁵ Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2007. С. 23–24.

2. Астахина Л. Ю. Источники по исторической лексикологии русского языка. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021. 492 с.

3. Березин Ф. М. Борис Александрович Ларин // Отечественные лингвисты XX века: сб. статей. Ч. 1 (А–Л) / редколл.: Ф. М. Березин (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 232–254.

4. Биргегорд У. Русская лексикография в Швеции // Славянская лексикография: международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 667–676.

5. Васильева О. В., Генералова Е. В. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: реализация ларинских принципов на современном этапе развития лексикографии // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. 2014 год / отв. ред. С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон-Плюс, 2015. С. 124–139.

6. Епимахова А. С., Поликарпов А. М. Лексикографический опыт через века: сопоставительный анализ трех переводных словарей, созданных на поморском Севере // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 5–19.

7. Костючук Л. Я. «Псковский областной словарь с историческими данными» в аспекте традиций и новаторства лексикографии // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 3. С. 54–59. <https://doi.org/10.18101/2686-7095-2021-3-54-59> [Костючук 2021a].

8. Костючук Л. А. 60 лет Межкафедральному словарному кабинету имени проф. Б. А. Ларина (их значение в научной жизни и псковской кафедре) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 84–91 [Костючук 2021b].

9. Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря: Принципы, инструкции, источники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 175 с.

10. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря: метод, пособие для диалектол. практики. Л.: б. и., 1961. 22 с.

11. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публикация и примечания С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 5–9.

12. Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 684 с.

13. Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.

14. Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 218 с.

15. Мокиенко В. М. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 903–916. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.3.414>.

16. Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 231 с.

17. Попова (Горбунова) Н. В. Воспоминания // Севернорусские говоры. Вып. 11 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 157–163.

18. Русско-французский словарь / сост. Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, М. Ф. Дусс; под общ. рук. и ред. Л. В. Щербы. М.: Советская энциклопедия, 1936. 791 с. [Щерба, Матусевич 1936].

19. Судаков Г. В. От «Парижского словаря москвитов» до «Словаря обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (эволюция ларинской концепции исторического словаря русского языка) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 6(67). С. 94–99.

20. Хольгер Б. Г. В. Лудольф (1655–1712) – гражданин мира из Эрфурта // *Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ*. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г. СПб.: МАПРЯЛ, 2019. С. 881–886.

21. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. М.: Наука, 1974. С. 265–304.

22. *Lexicon slavo-ruthenicum, edycja i wstęp* Adam Fałowski. Kraków: Scriptum, 2013. 773 s. (*Studia Ruthenica Cracoviensia*, 7) [Lexicon 2013].

23. *Sparwenfeld J. G. Lexicon Slavonicum*. V. I–IV, Index / ed. U. Birgegård. Uppsala-Stokholm: Almqvist & Wiksell International, 1987–1992.

24. Stone G. C. (ed.). *A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue*, Attributed to Mark Ridley / edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln etc.: Böhlau, 1996. 518 с.

25. *Unbegaun B. O.* (ed.). *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI*. Oxford: Clarendon, 1959. 97 с.

REFERENCES

1. Astakhina L. Yu. Old Russian handwritten card file of 11th–17th centuries. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1996;4:112–119. (In Russ.)

2. Astakhina L. Yu. Sources on the historical lexicology of the Russian language. Voronezh: Science-Yunipress, 2021. 492 p. (In Russ.)

3. Berezin F. M. Boris Aleksandrovich Larin. *Otechestvennye lingvisty XX veka: sb. statey. Ch. 1 (A–L)*. Orv. red. Berezin F. M. = *Domestic linguists of the 20th century: collection of articles. Part 1 (A–L)*. Ed. by F. M. Berezin. Moscow: ISSS RAS, 2002. P. 224–245. (In Russ.)

4. Birgegord U. Russian lexicography in Sweden. *Slavyanskaya leksikografiya: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya*. Orv. red. M. I. Chernysheva = *Slavic lexicography: international collective monograph*. Ed. by M. I. Chernysheva. Moscow: Publishing centre Azbukovnik, 2013. P. 667–676. (In Russ.)

5. Vasilyeva O. V., Generalova E. V. Dictionary of colloquial Russian language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries: realization of B. A. Larin's principles at the present stage of the lexicography. *Materialy metazykovogo seminaru ILI RAN*. 2014. Orv. red. S. S. Volkov, E. M. Matveev = *Proceedings of the Metalanguage Seminar of the Institute of Linguistic Research RAS*. Ed. by S. S. Volkov, E. M. Matveev. 2014. Saint-Petersburg: Gelikon-Plus, 2015. P. 124–139. (In Russ.)

6. Epimakhova A. S., Polikarpov A. M. Historical development of the Pomor North lexicography: a comparative analysis of the three translation dictionaries. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya Filologiya, pedagogika, psikhologiya = Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy and Psychology*. 2018;4:5–19. (In Russ.)

7. Kostiuchuk L. Ya. "Pskov Regional Dictionary with historical data" in terms of traditions and innovations in lexicography. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2021;3:54–59 [Kostiuchuk 2021a]. (In Russ.)

8. Kostiuchuk L. Ya. 60th anniversary of the interdepartmental lexicography unit named after Boris A. Larin (value of these years in academic activities of the Pskov department). *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the Pskov State University. Series: social sciences and humanities*. 2021;12:84–91 [Kostiuchuk 2021b]. (In Russ.)

9. Larin B. A. Old Russian dictionary project: principles, instructions, sources. Moscow, Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences USSR, 1936. 175 p. (In Russ.)

10. *Larin B. A.* Instructions of the Pskov regional dictionary. Leningrad: Publishing House of LSU, 1961. 22 p. (In Russ.)
11. *Larin B. A.* Notes on the Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus': publication and notes by S. S. Volkov. *Voprosy teorii i istorii yazyka: sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Larina* = *Questions of the theory and history of language: collection of articles on the 100th anniversary of the birth of B. A. Larin*. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1993. P. 5–9. (In Russ.)
12. *Larin B. A.* Three foreign sources on the colloquial speech of Moscovite Rus' of the 16th–17th centuries. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2002. 686 p. (In Russ.)
13. *Larin B. A.* Philological heritage: collection of articles. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 952 p. (In Russ.)
14. *Mzhel'skaya O. S.* Vocabulary of the everyday colloquial language of Moscow Rus' in the 16th–17th centuries (according to foreign guides for learning the Russian language). Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2003. 220 p. (In Russ.)
15. *Nikitin O. V.* Essays on the history of Russian lexicography in the first half of the 20th century (explanatory dictionaries). Slavyansk-na-Kubani: Publishing House of KubSU, 2012. 231 p. (In Russ.)
16. *Sudakov G. V.* From "Paris dictionary of Moscovites" to "Dictionary of colloquial Russian language of the Moscow Russia of the XV–XVII centuries" (Evolution of Larin's concept of historical dictionary of the Russian language). *Vestnik Cherepovetsko-gosudarstvennogo universiteta* = *Cherepovets State University Bulletin*. 2015;6:94–99. (In Russ.)
17. *Baumann H. H. W. Ludolf* (1655–1712), A citizen of the world from Erfurt. *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYaL. Nur-Sultan, Kazakhstan, 29 aprelya – 03 maya 2019* = *Russian Word in a Multilingual World: Proceedings of the XIV Congress MAPRYaL. Nur-Sultan, Kazakhstan, April 29 – May 03, 2019*. Saint-Petersburg: MAPTRYaL, 2019. P. 881–886. (In Russ.)
18. *Shcherba L. V.* Experience of the general theory of lexicography. *L. V. Shcherba. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* = *Language system and speech activity*. Moscow: Science, 1974. P. 265–304. (In Russ.)
19. Lexicon slavo-ruthenicum, edycja i wstęp Adam Fałowski. Kraków: Scriptum, 2013. 773 s. (Studia Ruthenica Cracoviensia, 7) [Lexicon 2013]. (In Polish.)
20. *Sparwenfeld J. G.* Lexicon Slavonicum. V. I–IV, Index / Ed. U. Birgegård. Uppsala-Stokholm: Almqvist & Wiksell International, 1987–1992. (In Engl.)
21. *Stone G. C.* A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue, Attributed to Mark Ridley / Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction. Köln etc.: Böhlau, 1996. 518 c. (In Engl.)
22. *Unbegaun B. O.* (ed.). Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica Oxonii A. D. MDCXCVI. Oxford: Clarendon, 1959. 97 c. (In Engl.)

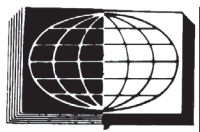
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 10.11.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 20.11.2022.

The article was submitted 10.11.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 20.11.2022.

ХРОНИКА CHRONICLE

Междисциплинарный круглый стол «Методическая лингвоконцептология: взгляд с разных горизонтов»

Нина Ивановна Демидова¹, Елена Святославовна Богданова²

^{1,2}Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия,

¹whitepost09@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2064-0705>

²helensim@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9426-3447>

Для цитирования: Демидова Н. И., Богданова Е. С. Междисциплинарный круглый стол «Методическая лингвоконцептология: взгляд с разных горизонтов» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 100–101. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-100-101>.

The interdisciplinary round-table discussion "Methodological linguoconceptology: exploring different perspectives"

Nina I. Demidova¹, Elena S. Bogdanova²

^{1,2}Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia,

¹whitepost09@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2064-0705>

²helensim@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9426-3447>

For citation: Demidova N. I., Bogdanova E. S. The interdisciplinary round-table discussion "Methodological linguoconceptology: exploring different perspectives". *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(1):100–101. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-100-101>.

20 сентября 2022 г. на площадке РГПУ имени А. И. Герцена «Точка кипения» прошел междисциплинарный круглый стол «Методическая лингвоконцептология: взгляд с разных горизонтов». Научное мероприятие посвящено двум событиям: юбилею профессора Натальи Львовны Мишатиной и выходу в свет ее монографии «Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики»¹, которой по праву можно присвоить статус методологического труда.

Дискуссию открыла профессор кафедры образовательных технологий в филологии РГПУ имени А. И. Герцена **Н. Л. Мишати́на**, выступив с докладом «Самосознание методической лингвоконцептологии: вчера и завтра». В докладе описан жизненный

цикл развития методической лингвоконцептологии; отмечены перспективные направления ее развития: учебная лингвоконцептография, конвергенция учебной деятельности с проектной, основного образования с дополнительным, трансдисциплинарное обучение. Н. Л. Мишати́на подчеркнула, что сегодня именно базовые концепты в своей совокупности образуют своего рода «социогеом» в формировании духовной культуры нации.

Доклад профессора Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина **В. И. Карасика** был посвящен нарративному измерению лингвокультурных концептов. Толкуя концепт как квант переживаемого знания, докладчик подчеркнул, что модель изучения концептов может быть представлена в виде кругов Эйлера, в которых отражаются понятийное, образное и ценностное содержание концепта. Внешние круги символизируют дискурсивные практики, связанные с концептом,

¹ Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2022. 304 с.

и личностное измерение. Нарративное изучение концепта как научная перспектива может включать анализ его бытования в повествовании, роль в развитии сюжета.

В центре выступления известного педагога-методолога, петербургского профессора **И. А. Колесниковой** были философско-педагогические смыслы методической лингвоконцептологии. Докладчик подчеркнул актуальность работы над национально-культурными лингвоконцептами в свете задач учителя – созидать человека с помощью слова.

Живой отклик вызвал доклад почетного профессора МПГУ **А. Д. Дейкиной** «Московская и петербургская лингвометодические школы: диалог продолжается». Глубоко проанализировав монографию Н. Л. Мишатиной, профессор А. Д. Дейкина отметила, что в ней методологически верно выдвинут термин «большая идея», причем само обращение к концептам можно считать именно такой «большой» идеей. Докладчик дала высокую оценку монографии, охарактеризовав ее как диалог о методологии и закономерностях обучения русскому языку. А. Д. Дейкина показала, что московская и Санкт-Петербургская, иные региональные научно-методические школы разделяют мнение М. Т. Баранова о том, что обучать русскому языку можно только с человеческих, гуманистических позиций. А. Д. Дейкина констатировала, что методическая лингвоконцептология оформилась как раздел методической науки, имеющий свой тезаурус, понятийную и смысловую базу.

Профессор **М. И. Шутан** раскрыл возможности формирования читательской грамотности у школьников при работе с концептами посредством таких стратегий, как 1) развитие эмоционально-нравственного словаря, обеспечивающего сохранение культурной памяти; 2) раскрытие текстообразующего потенциала концептов русской культуры в процессе их

лингвокультурологического портретирования; 3) контекстуализация и присвоение целостного знания о базовых концептах культуры через тексты разной природы и функциональности. Анализируя монографию Н. Л. Мишатиной, М. И. Шутан отметил, что в ней показано разнообразие форм деятельности школьников при решении целого комплекса сложных когнитивных задач.

Во всех докладах звучала идея интеграции лингвометодических школ, сохранения традиций и научного знания на фоне инновационных процессов и цифровой трансформации образования.

В дискуссии приняли участие профессора **О. Н. Левушкина** (МПГУ), **Л. И. Новикова** (РГУП), **И. А. Сотова** (ИвГУ), **Н. И. Демидова** (РГУ имени С. А. Есенина). Журнал «Русский язык в школе» представляла **А. Е. Куманьева**, генеральный директор ООО «Наш язык». Выступившие подчеркнули, что лингвоконцептоцентрический подход нашел свое место в полифонии подходов к обучению русскому языку, отражен при разработке школьных учебников русского языка, составлении контрольно-измерительных материалов для ОГЭ по русскому языку, тем итогового сочинения по литературе, учтен в системах высшего педагогического образования и повышения квалификации учителей. Петербургские ученые-методисты **И. А. Шерстобитова** и **Ю. В. Малкова** (АППО) раскрыли потенциал данного подхода при формировании национально-культурной идентичности, патриотического и гражданского самосознания поколения в ситуации размытости ценностно-смысловых ориентиров.

Таким образом, разработанное профессором Н. Л. Мишатиной научное направление «Методическая лингвоконцептология», отраженное в юбилейной монографии, является важнейшим звеном сегодняшней русистики и лингводидактики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нина Ивановна Демидова, доктор педагогических наук, профессор

Елена Святославовна Богданова, доктор педагогических наук, доцент

Nina I. Demidova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Elena S. Bogdanova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 29.10.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted 29.10.2022; accepted for publication 15.11.2022.

Международная научная конференция «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации»

Олег Викторович Никитин

Московский государственный областной педагогический университет, г. Мытищи, Россия, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Для цитирования: Никитин О. В. Международная научная конференция «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 102–103. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-102-103>.

The international scientific conference "Categories of Language and Thought: Aspects of Modern Interpretation"

Oleg V. Nikitin

Moscow Region State Pedagogical University, Mytishchi, Russia, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

For citation: Nikitin O. V. The international scientific conference "Categories of Language and Thought: Aspects of Modern Interpretation". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):102–103. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-102-103>.

8–10 сентября 2022 г. в Петрозаводском государственном университете (далее — ПетрГУ) проходила Международная научная конференция «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации». Ее соорганизаторами выступили ИРЯ имени В. В. Виноградова РАН, ИЛИ РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, СПбГУ, РГПУ имени А. И. Герцена, Российское общество «Знание». Духовным маяком конференции стали имена, труды и идеи выдающихся отечественных лингвистов, юбилейные даты которых мы отмечали в 2022 г., — Ф. С. Шимкевича (220 лет со дня рождения и 180 лет выхода в свет его словаря «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» (1842 г.)), Я. К. Грота и И. И. Срезневского (210 лет со дня рождения), В. А. Богородицкого (165 лет), Б. М. Ляпунова (160 лет), В. И. Чернышева (155 лет), Д. Н. Кудрявского (155 лет), Л. П. Якубинского (130 лет), А. Н. Гвоздева и Н. Ф. Яковлева (130 лет), Р. И. Аванесова (120 лет). Доклады многих участников были связаны с рецепцией взглядов указанных языковедов с точки зрения современной интерпретации.

На пленарном заседании выступили: В. П. Казаков (Санкт-Петербург), рассказавший о грамматических наблюдениях Д. Н. Кудрявского в области морфологии;

В. С. Томеллери (Турин, Италия) поделился соображениями о том, почему имя Н. Ф. Яковлева мало известно в западной лингвистике; Е. М. Лазуткина (Москва) проанализировала когнитивную категорию «множество»; О. С. Ильченко (Санкт-Петербург) сделала экскурс в историю когнитивной лингвистики; Н. В. Патроева (Петрозаводск) акцентировала внимание слушателей на вопросе о системе категорий в диахронической риторике на примере «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова; О. В. Никитин (Мытищи) на основе архивных данных проник в тайны языковедческой биографии Р. И. Аванесова, исследовал роль ученого в контексте формирования традиции Московской лингвистической школы. В ходе дискуссий большое внимание было уделено проблемам грамматики: К. Г. Красухин (Москва) рассказал об интерпретации диатезы, А. Л. Шарандин (Тамбов) — о грамматических категориях и их назначении в лексическом описании языка, Е. Л. Григорьян (Ростов-на-Дону) — о «скрытых категориях» в русском синтаксисе, М. Л. Гордиевская (Москва) — о пространственном дейксисе. Живой интерес вызвали доклады Т. В. Шмелевой (Великий Новгород) о понятийном аппарате лингвистики и Е. В. Генераловой (Санкт-Петербург) об устойчивых сочетаниях в «Словаре» И. И. Срезневского.

Обмен мнениями продолжился после посещения Отдела редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ. Секция 1 была посвящена ареальной лингвистике. В. А. Закревская (Тюмень) проанализировала феномен субъекта действия на материале архангельских говоров; М. В. Флягина и Е. К. Сердюкова (Ростов-на-Дону) исследовали топонимы в донских говорах.

9 сентября работали следующие секции: «Орфоэпия, теория письма, семасиологические и ономазиологические аспекты деривации» (2), «История русского письма» (3), «Грамматические категории и процессы языковой эволюции на морфолого-синтаксическом уровне» (4), «Категориальный аппарат лексикологии и лексикографии. Семантика текста» (5).

Отметим наиболее интересные выступления. В секции 2: И. Я. Нечаева (Москва) «Наследие Я. К. Грота и регламентация правописания в области буквенного регистра», З. И. Минеева (Москва) «Семантическая деривация: активные процессы». В секции 3: Б. Дьёрфи Беата (Сегед, Венгрия) «Белая ворона прономинальных энклитик: энклитика -ся в тексте древнерусских летописей», Т. С. Садова (Санкт-Петербург) «Павел I в тексте Воинского устава 1796 г.: языковой портрет императора», С. С. Волков (Санкт-Петербург) «О "Словаре ономастических единиц в русской поэзии XVIII века"», Т. В. Пентковская (Москва) «Заимствование дервиш в языке Петровской эпохи», Н. В. Пушкарева (Санкт-Петербург) «Императивные конструкции с глаголом *стараться* в деловой письменности XVII в.».

В секции 4: Г. И. Шипулина (Баку) «История изучения русского безличного предложения», Н. И. Галкина (Кострома) «Отношения обратной обусловленности: средства выражения и способы обнаружения». В секции 5: А. Р. Пестова (Москва) «Динамика стилистического статуса феминитивов в толковых словарях».

10 сентября работа конференции проходила на объединенных заседаниях секций «Категории лингвопоэзии и аспекты интерпретации художественного текста» (6), «Дискурс как объект мультидисциплинарной интерпретации. Прагмалингвистика» (7), «Сопоставительное и типологическое языкознание» (8). Среди участников известные и молодые ученые разных регионов России: А. В. Гик, З. Ю. Петрова, Ю. Б. Орлицкий, О. И. Северская, Н. А. Фатеева (Москва), Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород), В. А. Новоселова (Петрозаводск), О. А. Димитриева (Чебоксары), А. М. Ключина (Самара), А. И. Лазарев (Воронеж), А. А. Мамедов (Иркутск) и др.

Во время конференции состоялась экскурсия в Национальный музей Республики Карелия, запомнившаяся участникам незабываемыми сюжетами из истории культуры древнего края. Теплый прием организаторов, слаженная работа очных и онлайн-сессий, добрая профессиональная атмосфера и полезные дискуссии оставили частичку петрозаводского филологического духа в сердце каждого из участников этого мероприятия. По итогам конференции будет издан сборник докладов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; принята к публикации 15.11.2022.

The article was submitted 01.11.2022; accepted for publication 15.11.2022.

Александр Тимофеевич Хроленко
(к 85-летию со дня рождения)
Alexander Timofeevich Khrolenko
(to the 85th anniversary of the birth)

1 января исполняется 85 лет доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Александру Тимофеевичу Хроленко.

Его трудовой путь с 1960-х гг. связан с Курским государственным университетом. По окончании аспирантуры Воронежского государственного педагогического института А. Т. Хроленко был распределен в Курск, работал деканом факультета русского языка и литературы, долгие годы заведовал кафедрой русского языка филологического факультета.

Об увлеченности ученого и преподавателя любимой работой, научной деятельностью свидетельствуют цифры: более 330 научных трудов, в том числе несколько десятков монографий, изданных в России и за рубежом; более 40 подготовленных им как научным руководителем и консультантом кандидатов и докторов филологических наук. Александр Тимофеевич многие годы был председателем курской областной организации общества «Знание», председателем областной организации книголюбов, возглавлял объединенный диссертационный совет по русскому языку и теории языка на базе Курского государственного университета.

А. Т. Хроленко награжден орденом Дружбы народов (1986), удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1998), имеет почетный знак «Отличник народного просвещения» и др.

А. Т. Хроленко разработаны университетские курсы по современным проблемам науки и образования, теории языка, социолингвистике, истории филологии, культуре филологического труда и другим дисциплинам. Каждый курс сопровождается подготовкой авторского пособия.

Научный кругозор ученого чрезвычайно широк. Им введены и обоснованы такие термины, как *актуализированный лексикон*, *концептограмма*, *региолект*, *экофилология*, *материнский язык* и др., создан комплекс

лингвокультурологических методик анализа текстов.

Однако наиболее известен его вклад в исследование языка русского фольклора как части традиционной народной культуры. Под руководством профессора Хроленко сложилась курская лингвофольклористическая школа — одна из трех в России, наряду с воронежской и петрозаводской. Сей-

час курская школа известна и авторитетна как в стране, так и за рубежом; аспекты ее деятельности — фольклорная лексикология и лексикография, фольклорная диалектология, кросскультурные исследования, семантика народно-поэтического слова. Усилия курских ученых направлены и на создание первого в мировой практике «Словаря языка русского фольклора». На кафедре русского языка Курского государственного университета выпускаются или выходили ранее инициированные Александром Тимофеевичем авторитетные сборники научных трудов «Фольклорная лексикография», «Исследования по лингвофольклористике», «Фольклорное слово в лексикографическом аспекте», «Лингвофольклористика».

Руководимые А. Т. Хроленко научные проекты курской школы неоднократно получали поддержку в виде грантов РФФИ, РГНФ и Минобразования РФ, федеральной программы «Университеты России».

Неоценима возможность услышать лекцию Александра Тимофеевича, получить консультацию или совет. А. Т. Хроленко остается для всех знающих его образцом не только ученого, преподавателя, но и глубоко порядочного, интересного, эрудированного человека.

От души поздравляем Александра Тимофеевича Хроленко со славной датой, желаем неиссякаемого жизнелюбия, крепкого здоровья, новых научных достижений.

Курский государственный университет
Редакция журнала «Русский язык в школе»

Родное слово

...Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке – в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, – словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, – народа нет более!..

Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной, многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошвы Гималая. Все, что видали, все, что испытали, все, что перечувствовали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир Божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. <...>

Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, поймем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа. Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу, практическая речь британца; певучая, сверкающая, играющая красками, образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним вздымающим ее чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина – лучше всех возможных характеристик, лучше самой истории, в которой иногда народ мало принимает участия, знакомят нас с характерами народов, создавших эти языки. Вот почему лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер...

(Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1954. С. 541–545).

(К статье Л. Г. Антоновой, Ж. К. Гапоновой, А. Б. Тишко)